

КРАСНАЯ ГОРКА

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

*...И негромко говорю: "Спасибо"
городу, в котором я живу*

Игорь Киселев

Юбилей города

- *Свидетельство о рождении*
- *Федоровские чтения*
- *Город в судьбах кемеровчан*

ББК 26.981
К78

Учредитель: муниципальное учреждение «Музей-заповедник «Красная Горка»
(650044, г. Кемерово, ул. Красная Горка, 17, 64-24-12)

В издании альманаха «Красная Горка» также участвуют:

Администрация города Кемерово;

Кемеровский государственный университет;

Фонд архитектурного анализа при Делфтском технологическом университете Королевства Нидерландов;

Департамент культуры и национальной политики
Администрации Кемеровской области

Главный редактор
Г. Е. ЮРОВ

Ответственный секретарь
А. В. ЗЫКОВ

Редколлегия:
Ю. С. ЗЮЗЬКОВ, В. П. КРАВЧУК, Е. А. КРИВОШЕЕВА,
А. М. КУЛЕМЗИН, А. А. ЛОПАТИН, А. В. ТАРАКАНОВ, И. Ю. УСКОВ

Член редколлегии в Королевстве Нидерландов
ЯН МОЛЕМА

Член редколлегии в Великобритании
САЙМОН ФРЕНСИС

© Юров Г. Е., сост., 2008
© Музей «Красная Горка», 2008
© Изд-во «Кузбассвуиздат», 2008

90 лет городу Кемерово

65 лет Кемеровской области

«СВОЯ СТРОКА В ИСТОРИИ»

**Нас приветствует и поздравляет
губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев**

Дорогие земляки!

90-летний юбилей города Кемерово – важная веха в жизни Кузбасса и страны. Первенец угольной отрасли в народном хозяйстве, один из центров международного рабочего движения, город, ковавший Победу в Великой Отечественной войне, он вырос и окреп в ходе послевоенного строительства. А сегодня обретает возраст зрелости.

В 2007 году мы отметили 100-летие Кемеровского рудника, который дал мощный толчок развитию кузбасской индустрии. В январе 2008 года исполнилось 65 лет Кемеровской области. Именно шахтеры определили характер областного центра. Плоды их героического труда мы ощущаем в индустриальной мощи города, в деятельности нынешних флагманов химической промышленности: «Кокс», «Азот», «Химволокно», «Химпром», в широко развернувшемся жилищном строительстве.

Возраст зрелости обретают кемеровские вузы и средние учебные заведения, учреждения культуры, здравоохранения и спорта. Кемерово становится городом, в котором хочется жить.

Я приветствую главу города Владимира Васильевича Михайлова, в очередной раз одержавшего победу на недавних выборах. Он сохранил кадры руководителей и специалистов в трудные годы перестройки, при нем сложился городской Совет народных депутатов и был принят первый в Кемеровской области Устав города. Благополучие семьи, защита материнства и детства, помощь старикам, занятость трудоспособной части населения всегда в центре внимания городских властей.

По основной профессии В. В. Михайлов – строитель. И это очень важно для кемеровчан. Определился архитектурный облик города. Кемерово теперь – один из красивейших городов Сибири. Характер города выражают художники и поэты, артисты и композиторы.

Историки, краеведы, литераторы пристально вглядываются в историю города, воссоздают его славную биографию. И здесь несомненны заслуги альманаха «Красная Горка». Все девять выпусков краеведческого издания готовят читателей к юбилейной дате. Все публикации достоверны и пристрастны, дышат любовью к городу. В них проявляется активная гражданская позиция.

Поздравляю всех кемеровчан с юбилеем!

Желаю землякам здоровья, благополучия, хорошего настроения.

С уважением А. Г. Тулеев

Вступление в должность главы города Кемерово Владимира Васильевича Михайлова

Клянусь выполнять данные мне полномочия исключительно в интересах населения города, всей своей деятельностью способствовать его экономическому, социальному и культурному развитию и благополучию.

Клянусь соблюдать и защищать Устав города Кемерово.

11 марта 2008 года состоялось торжественное мероприятие, посвященное вступлению в должность главы города Кемерово Владимира Васильевича Михайлова. Инаугурация прошла в театре для детей и молодежи. От имени губернатора Кемеровской области Амана Гумировича Тулеева главу города поздравил заместитель губернатора Александр Николаевич Наумов.

На церемонии присутствовали руководители администрации Кемеровской области, областного и городского Советов народных депутатов, почетные граждане города Кемерово, ветераны, руководители крупных промышленных предприятий, учреждений здравоохранения, образования, культуры, предприниматели, представители трудовых коллективов.

Владимир Васильевич Михайлов – коренной сибиряк. Он родился 23 ноября 1942 года в поселке Каргасок Томской области. В 1964 году окончил Новосибирский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева по специальности «инженер-строитель».

С 1968 года связал жизнь с городом Кемерово. До 1986 года работал прорабом, главным инженером, а затем управляющим трестом «Кемеровопромстрой», заместителем начальника Главкузбасстроя. В апреле 1986 года В. В. Михайлов возглавил исполнительную власть города Кемерово. В 1996 году кемеровчане впервые на всенародных выборах избрали Михайлова главой города, в 1999 году оказали доверие второй раз. В 2003 году он был в третий раз избран главой города. 2 марта 2008 года кемеровчане еще раз подтвердили свое доверие Владимиру Васильевичу.

Речь вновь избранного главы города Кемерово Владимира Васильевича Михайлова при вступлении в должность

Уважаемые кемеровчане! Уважаемые гости! Уважаемый Александр Николаевич!

Прежде всего, мы благодарим всех кемеровчан за активное участие в прошедших 2 марта выборах: на избирательные участки пришли около 80 процентов жителей. Это небывало высокий показатель для областного центра. Спасибо всем горожанам, которые оказали мне честь и доверили столь высокий пост главы города Кемерово.

Признателен губернатору Кемеровской области Аману Гумировичу Тулееву, депутатам областного и городского Советов, а также Всероссийской политической партии «Единая Россия» за поддержку. Особая благодарность руководителям предприятий и организаций, представителям общественных объединений, сотрудникам избирательного штаба, которые приняли в выборах самое деятельное участие и прошли весь этот непростой путь вместе с нами.

Получив поддержку кемеровчан, администрация города отдает себе отчет в том, что главное – это ответственность за те обязательства, которые мы принимали на себя перед избирателями. И впредь главной целью для нас будет улучшение качества жизни горожан, а ваша поддержка и помощь – самая надежная опора в работе.

Спасибо всем, кто в предыдущие годы внес большой вклад, активно участвовал в становлении и развитии экономики Кемерово, кто с искренней любовью и уважением относился к нашему городу. Низкий поклон ветеранам, которые строили областной центр и весь Кузбасс, защищали нашу страну в годы Великой Отечественной войны.

Безусловно, выбор кемеровчан – это, прежде всего, положительная оценка тех изменений, которые произошли в Кемерово за последние годы. Действительно, вместе, благодаря упорному труду и целеустремленности, мы добились многого. В настоящее время социально-экономическое развитие нашего города характеризуется стабильностью:

- *улучшилась материально-техническая база учреждений здравоохранения и образования, культуры и социальной защиты, повысилось качество предоставляемых услуг;*

- *возросло количество площадок для занятий спортом и физической культурой;*

- *в промышленности увеличился объем произведенных и отгруженных товаров;*

- *возрос оборот розничной торговли;*

- *получили значительное развитие строительная индустрия, транспортное обеспечение и другие.*

Конечно, мы все понимаем, что за этим стоят люди, их труд на благо любимого города.

Сегодня у нас имеются большие возможности для дальнейшего развития и решения масштабных задач. Мы накопили огромный потенциал, который необходимо эффективно использовать. В ближайшие пять лет нам предстоит многое сделать, чтобы Кемерово стал в полной мере удобным и безопасным, чтобы были созданы благоприятные и достойные условия для жизни каждого человека.

Особое значение мы придаем воспитанию подрастающего поколения. Для этого нужно продолжать заниматься строительством, реконструкцией и оснащением современным оборудованием дошкольных образовательных учреждений, чтобы решить проблему очередности и предоставить возможность всем желающим родителям определить своих малышей в детские сады. Необходимо создать условия, чтобы наши дети могли развивать свои таланты и способности, заниматься спортом, музыкой, искусством, с пользой проводить свободное время.

Нам нужно приложить больше усилий для повышения качества обслуживания в сфере здравоохранения, прежде всего, это касается модернизации лечебно-профилактических учреждений, оснащения их современным диагностическим оборудованием.

Другая приоритетная задача – решение жилищной проблемы, которая включает в себя не только строительство нового жилья, но и снос ветхих домов, развитие инженерной инфраструктуры, ремонт и реконструкцию существующего жилищного фонда, повышение качества коммунальных услуг.

Администрация города берет на себя обязательство по оптимизации транспортной сети города. Это необходимо не только для развития экономики областного центра, но и для обеспечения безопасности кемеровчан.

Многие горожане высказывают обеспокоенность по поводу состояния дворовых территорий. Будет продолжена работа по ремонту и реконструкции дворов, строительству многоуровневых стоянок, организации зон отдыха, парков и скверов, установке детских и спортивных площадок.

Особое внимание необходимо уделить развитию крупных и средних предприятий промышленности, предпринимательства и малого бизнеса.

Нам предстоит принять меры по укреплению налоговой дисциплины.

Для решения этих и других задач очень важно пересмотреть структуру органов управления, серьезно повысить спрос и ответственность за конечный результат, провести ротацию кадров, привлекая к управлению молодых кемеровчан.

Все это стало основой 3-летнего плана социально-экономического развития города, к реализации которого мы приступили в 2008 году.

Кроме этого, в начале года было организовано множество встреч с горожанами. В результате мы получили более 3,5 тысячи вопросов и обращений.

Заверяем вас, их рассмотрение, а главное – решение, станет одним из приоритетных направлений в работе городской администрации.

В этом году мы отметим 90-летний юбилей Кемерово. Это важная дата, и мы относимся к этому событию со всем уважением, потому что это наша история, наша гордость, наши богатые традиции. Но достижения прошлых лет не обеспечат нам лучшей жизни. Наше будущее должно быть подкреплено новыми делами нынешнего поколения кемеровчан. И нам нужно сделать все, чтобы оправдать их надежды. А основные условия таковы: профессионализм, ответственность, умение и желание работать.

Благодарю вас за теплые поздравления и добрые напутствия, которые поступают в мой адрес. Постараюсь конкретными делами оправдать ответственность, возложенную на меня, и приложу все усилия, чтобы моя работа на этом посту принесла пользу кемеровчанам.

Спасибо.

Вступление в должность

Город вечером

Геннадий ЮРОВ

ЗАПОВЕДНОЕ ПРОСТРАНСТВО

1.

Всю жизнь я узнавал, выстраивал, объяснял, защищал свое заповедное пространство. Не претендуя на исчерпывающее определение, скажу так: заповедное пространство – это сфера земного существования, доставшаяся нам по судьбе или по выбору. Впрочем, выбор, каким бы он ни был, это тоже судьба, только мы не сразу ее осознаем.

*Я строил город много зим и лет.
Мир был нетронут, первозданен, молод.
Едва открыл глаза на белый свет,
Едва ступил, я начал строить город.*

*И чем увереннее по земле шагал
И подрастал,
Я ненасытным взором
Все дальше горизонт отодвигал,
В освоенном пространстве строил город.*

Заповедное пространство формирует в нас нравственные основы жизни и смерти, понятия добра и зла, любви и верности, красоты и совершенства... В нем мы постигаем законы долга, совести и чести. Мы принимаем уже сложившееся заповедное пространство от родителей и дедов, наполняем его новым содержанием, передаем детям и внукам, желательно – в привлекательном, обогащенном виде. От него зависит такое необходимое чувство, как уверенность в завтрашнем дне.

Заповедное пространство для каждого человека индивидуально, самодостаточно.

Но оно может быть общим для группы людей, для целого поколения, для города, для страны, для континента. Поделюсь ощущением: СССР распался административно, политически, экономически. Но его заповедное пространство живо по сей день. Никто не убедит меня, что Владимирская Горка в Киеве, Севастополь, Черноморское побережье Кавказа, Юрмала – чужие для нас территории, что Гоголь, Багратион, Берзин – не мои соотечественники. Держава жива в мировосприятии миллионов российских семей, осознающих общие корни. Заповедное пространство державы – основа для возрождения братского содружества народов, которые ныне разобщены усилиями корыстных и недальновидных политиков.

30 мая 1997 года в Москве, в огромном зале парламентского центра, проходил конгресс патриотической интеллигенции России. Когда мне дали слово, я заговорил о нем, о заповедном пространстве. Надо вернуть людям Родину. Или хотя бы убедить их, что это возвращение уже началось и что оно необратимо. И тогда посветлеют лица, а взгляды поднимутся навстречу друг другу. И вернется мелодия в песни наших молодых. И любовь вновь назовут родниковой. И зов романтики не вызовет ни у кого иронической улыбки...

Я добавил о послевоенном времени, в котором видел нечто общее с нынешней ситуацией. Тогда тоже было голодно и трудно. Города лежали в руинах. Заводы стояли. Но было ощущение, что самый страшный пик всенародной беды уже позади, что даль-

ше будет лучше. И от этого радостного ожидания светились глаза и души. И люди возрождали мирную страну с неизбывной верой в ее счастливую судьбу. И зал поддерживал мой призыв приблизить подобный переломный момент для возрождения России сегодняшней.

Происходило все это на фоне большого портрета Пушкина – предстояло празднование двухсотлетия со дня рождения великого поэта. Под портретом такое признание Александра Сергеевича: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, как нам Бог ее дал...»

Страсти Пушкинских дней конца XX века коснулись и Кемерово. Самый заповедный, самый сокровенный, самый лиричный уголок нашего города – это площадь Пушкина. Не случайно сюда приводят ребятишек из детских садов и школ. Ни одна экскурсия по городу не минует этого замечательного места. Здесь нет вывесок на иностранных языках. «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Площадь живет доброй вехой в душе каждого кемеровчанина.

Я тогда написал очерк «Пушкин в Кемерове». Документальное повествование о том, как памятник Пушкину добывали в столице, везли в Сибирь, устанавливали в лучшем месте города, как выстраивали возле него духовное поле областного центра. Для этого повествования я искал подробности в архиве, в библиотеке, возле памятника поэту... Беседовал с художниками, скульпторами, с историками, коренными кемеровчанами.

Среди моих тогдашних собеседников был заслуженный работник культуры России, художник, принявший участие в творческой группе «Сибирский пейзаж», почетный гражданин города Кемерово Василий

Андреевич Селиванов. Спустя некоторое время после нашего разговора он представил мне проект оформления площади Пушкина и ее окрестностей. Василий Андреевич предложил воссоздать возле памятника пушкинское «Лукоморье». Аллею, ведущую на площадь Советов, украсить, разместить вдоль нее портреты друзей и соратников Пушкина. Выполнить этот замысел Василий Андреевич хотел силами воспитанников художественного училища, в котором преподавал.

Предложение Селиванова не было случайным. Оно обосновано исторически. С построением Транссибирской магистрали Россия хлынула на огромные пространства Сибири и Дальнего Востока. Ехали люди православной культуры (строили церкви). Искали лучшей доли. Несли в себе образ земли русской. И потому мотивы «Слова о полку Игореве» в творчестве сибирских поэтов. И потому площадь имени Пушкина в городе Кемерово. И потому «Лукоморье» – слово, прозвучавшее в Сибири еще до похода Ермака и возвращенное сюда великим поэтом.

Есть книга А. М. Малолетко «Лукомория – первая русская колония в Сибири». Есть книга Н. С. Новгорова «Сибирское Лукоморье». Есть глава в исторических изысканиях писателя Сергея Заплавного «Томское Лукоморье». Извечное стремление русского человека распространить свое заповедное пространство на огромную страну в излучине моря (это и есть Сибирь!) озвучено в стихах Леонида Мартынова.

*Я уеду туда, где горят изумруды,
Где лежат под землей драгоценные руды,
Где шары янтаря тяжелеют у моря!
Собирайтесь со мною туда, в Лукоморье!
О! Нигде не найдете вы края чудесней!
И являлись тогда, возбужденные песней,*

*Люди. Разные люди. Я видел их много.
Чередой появлялись они у порога.
Помню – некий строитель допрашивал строго:
– Где чертог, каковы очертанья чертога? –
Помню также – истории некий учитель
Все пытал: – Лукоморья кто был
покоритель? –*

*И не мог ему связно ответить тогда я...
Появлялся еще плановик, утверждая,
Что не так велики уж ресурсы Луккряя,
Чтобы петь о них песни, на флейте играя.
И в крылатке влетел еще старец
хохлатый,
Непосредственно связанный с Книжной
палатой:*

– Лукоморье? Извольте звать
в Лукоморье?
Лукоморье отыщете только в фольклоре! –
А бездельник в своей полосатой пижамке
Хохотал: – Вы воздушные строите замки!

«Кемеровское Лукоморье» Василий Андреевич Селиванов изобразил на картонке, передал мне. Я понес эту картонку в городс-

кую администрацию, на заседание оргбюро по подготовке пушкинского праздника. Я хотел также поделиться сведениями о памятнике Пушкину, которые почерпнул в архиве, в библиотеке, в беседах. Меня не захотели слушать. Прогнали, поскольку я не был членом оргбюро. (Напоминаю, это был 1999 год.)

А если бы меня тогда выслушали или хотя бы прочитали очерк «Пушкин в Кемерове», не было бы на памятнике малограмотной надписи, вбитой в металл: «Памятник изготовил скульптор Манизер в 1954 году». Сообщаю: Манизера зовут Матвей Генрихович, и он достоин уважения со стороны кемеровчан. Хотя бы инициалы обозначили. В 1954 году памятник не изготовлен, а установлен в самом заповедном уголке города. А изготовлен он до 1949 года, когда скульптор создавал свою «пушкиниану», участвуя в конкурсе, объявленном в Ленинграде. Любопытно и то, что тот вариант скульптуры, который достался кемеровчанам, соотносится по замыслу автора с пушкинской строкой: «Здравствуй племя, младое, незнакомое!»

Хорошо бы это отразить в оформлении памятника. Великий поэт обращается и к нам, и к нашим детям.

2.

Новая жизнь музея-заповедника «Красная Горка» связана с переменами в облике нашего города. Среди них установка монумента «Память шахтерам Кузбасса», изготовленного всемирно признанным скульптором Эрнстом Неизвестным (2003 год); реконструкция стадиона «Шахтер» и Дворца культуры шахтеров (2005 год); завершение строительства и пуск моста, ставшего частью федеральной трассы «Москва – Новосибирск – Иркутск» (2006 год); проведение чемпионата мира по хоккею с мячом, когда часть игр проходила в Рудничном районе, исконной колыбели этого вида спорта в Кузбассе (2007 год); создание и открытие скульптурной композиции «Святая Варвара» возле Дома Рутгерса на высоком берегу Томи (2007 год); включение в число приоритетных национальных программ – «Жилье», «Образование», «Здоровье» – еще одной программы – «Культура», в рамках которой благоустроена территория музея-заповедника «Красная Горка» и обогащена сфера его деятельности.

Заметим, что Аман Тулеев всегда обращается к самым высоким образцам искусства, к самым авторитетным мастерам. Благодаря его личным контактам мы неоднократно слушали великую русскую певицу Татьяну Петрову. Каждый День шахтера в Кузбассе ознаменован концертами лучшего баритона мира Дмитрия Хворостовского. Наш земляк, знаменитый оперный певец Борис Штоклов посетил Кузбасс в последние годы своей жизни.

Скульптор Эрнст Неизвестный рассказывал на встрече, которая состоялась в помещении музея в 2003 году, в день открытия монумента:

– Когда ко мне обратились с предложением сделать скульптуру шахтера, я не торопился с ответом. Опасался, что не смогу взяться за этот заказ, если от меня потребуют традиционной апологетики, несовместимой с моими человеческими и политическими убеждениями. При встрече с губернатором Тулеевым мы затронули эту тему. Тулеев прервал меня словами:

– Эрнст, я прошу вас запомнить: в каждой лампочке, которая горит, есть капля крови шахтера.

И это сразу решило проблему. Определился ключ идеи. Я понял, каким должен быть монумент. Я понял, что готов его сделать.

Позднее скульптор добавил:

– Этот монумент не жертвам. Самоотверженный жертвенный труд? Да. Но главный пафос здесь – сопротивление. Величие тяжелейшего и опаснейшего труда, который приравнивают к ратному.

Заполучить монумент на Красную Горку было не просто. Кемеровские архитекторы разработали несколько вариантов его размещения. Главным конкурентом Красной Горки была площадка в центре города напротив нового цирка, которая уже несколько десятилетий планировалась для монумента шахтерской славы. Помню, как Михаил Иванович Найдов, прославленный горняк, директор Кемеровского областного общественного фонда «Шахтерская память» имени В. П. Романова, говорил работникам музея:

– Друзья, боритесь! Если добьетесь, чтобы скульптуру установили на заповедной территории, эта территория вернется в генеральный план развития города.

И мы боролись. Вместе с Андреем Викторовичем Зыковым, директором музея, писали письма в городскую и областную администрации, апеллировали к воле и разуму

Михайлова – главы города и Тулеева – губернатора Кемеровской области.

Наши аргументы были весомы: здесь, на Красной Горке, истоки города. Здесь Михайло Волков нашел каменный уголь в 1721 году и появились первые штольни в 1907 году. Здесь, еще Копикузом, построены первые каменные здания и овальная пристань на берегу Томи, откуда баржи с углем уходили в сторону Томска. Здесь действовала Автономная индустриальная колония «Кузбасс», собравшая специалистов из 28 стран планеты, приехавших строить новый социалистический город. Их заслуги в создании Кемеровского рудника и коксохимического завода неоспоримы. Здесь сосредоточены памятники архитектуры – дома и постройки голландского архитектора Ван Лохема, которые заселены и поныне.

Здесь трудились шахтеры и шахтостроители, врачи и учителя, автомобилисты и ремонтники, принявшие на свои плечи тяготы войны и послевоенного строительства. Здесь жили руководители угольной промышленности, специалисты Кемеровской ГРЭС и химических предприятий. Здесь действовали два крупных научных подразделения: ВостНИИ (по безопасности в угольной промышленности) и КузНИИшахтострой. Здесь родились горный институт, педагогический институт и технологический институт пищевой промышленности. Потом высшая школа Кузбасса шагнула на левый берег.

Здесь выросла целая плеяда футболистов и хоккеистов, многие из которых стали потом прославленными мастерами. Здесь, во Дворце культуры шахтеров, в шестидесятые годы родился знаменитый танцевальный коллектив «Шахтерский огонек», объехавший с гастрольями не только города России, но и многие страны мира.

Нам повезло. В нашу пользу был выбор самого Эрнста Неизвестного. На картах, фотографиях, схемах, присланных ему в Нью-Йорк, он выбрал береговой мыс между первозданным Рудничным сосновым бором и Горелой горой. Стоявший здесь обелиск в честь первооткрывателя кемеровского угля Михайлы Волкова перенесли к зданию музея. Позднее скульптор скажет на пресс-конференции:

– Так важно организовать пространство. Как эмоционально-человеческую обособленность и религиозную ритуальность. Они в самодвижении. Надо переживать само движение от реки к городу, к монументу. Искусственно создать такое пространство невозможно.

Я обратил внимание скульптора на то обстоятельство, что «уголь, пылающий огнем», который держит на ладони созданный им шахтер возле «отверстой груди», и рисунок «Рука – уголек – пламя» на обложке альманаха «Красная Горка» воссоздают один и тот же образ. Я пояснил суть рисунка: свет познания, просвещения, разума, идущий из глубины веков, под углом золотого сечения, к космическому знанию, преломлен на кемеровской почве кусочком угля, от которого произрастает магическое древо кузбасской индустрии.

*В глубинах земли, недоступных для взора,
Кузбасс – это светится сердце шахтера.
И, чтобы сияла огнями планета,
Грохочут составы, груженные светом.
И, чтоб не иссякли запасы тепла,
Шахтерское сердце сгорает дотла.*

Эрнст Иосифович принял это знаменательное совпадение, согласился с ним:

– Не надо никаких академий заканчивать, чтобы объяснить это явление. Архетип – опыт предшествующих поколений. Он нам дается от рождения, помимо нашего сознания.

Потом я отыскал в философских словарях, что «архетип» – слово греческого происхождения, дословный перевод – «первообраз». Это способ связи образов, переходящих из поколения в поколение. Коллективное, бессознательное, общее для всего человечества. Архетипы наследуются, они лежат в основе творчества и способствуют внутреннему единству человеческой культуры, определяют взаимосвязь различных эпох развития и взаимоотношение людей.

Открытие монумента «Память шахтерам Кузбасса» состоялось накануне Дня шахтера 2003 года. Было его освящение служителями церкви. Во славу и в память добытчиков кузбасского угля прозвучали речи губернатора Амана Тулеева, главы города Владимира Михайлова, скульптора Эрнста Неизвестного... Звучал Государственный гимн России. Затем «Рабочая мелодия Кузбасса» – гимн Кемеровской области. Затем салют – три залпа воинского подразделения. Кемеровчане, пришедшие на митинг, хлынули к пьедесталу.

Я писал тогда: «Город обрел новое качество. Красная Горка – исторический центр города – завершила формирование своей символики: природной, рукотворной, поэтической».

Теперь признаю – я ошибался. Не завершила. Лишь продолжила. Прошло некоторое время, и накануне Дня шахтера 2007 года (23 августа) на высоком берегу Томи, возле здания музея состоялось торжественное открытие скульптурной композиции «Святая Варвара». Ее авторы – столичные скульпторы Владимир Петрович Мокроусов и Михаил Орестович Лушников. Оба – заслуженные художники России, участники масштабной работы по восстановлению храма Христа-Спасителя.

Надпись на пьедестале гласит: «Скульптурный образ святой великомученицы Вар-

вары – покровительницы шахтерского труда». И ниже: «Скульптура создана по инициативе Губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева и освящена Преосвященнейшим Аристархом, епископом Кемеровским и Новокузнецким».

Губернатор в своей речи на митинге подчеркнул, что открытие композиции происходит в дни празднования 100-летия Кемеровского рудника, с которого началась могучая угольная отрасль Кузбасса. Он подробно рассказал о мерах областной администрации, призванных обезопасить героический шахтерский труд. Обращение к святой Варваре не случайно, она для нас охранительный образ.

Территория вокруг здания музея преобразилась. Создан парк производственной техники для открытой добычи угля и экспозиция «Музей-шахта» в подвальном помещении. Благоустроена смотровая площадка. Высажены деревья и кустарники.

Символический рисунок «Рука – уголек – пламя» мы видим и на дорожном щите федеральной трассы, и на вывеске музея-заповедника. Двадцать раз он повторяется на аллее, посвященной предприятиям Кемеровского рудника. Для каждой шахты здесь установлена стела и посажено дерево.

Получается так: первые шахты «Диагональная» и «Центральная» передают пламя, как эстафету, шахтам тридцатых годов: «Пионерская», «Щегловская», «Северная», «Ягуновская», «Октябренок». Пламя принимают предприятия военного времени – шахты «Бутовская» и «Южная», затем шахты восстановительного периода: «Лапичевская», «Промышленная» (имени Волкова), шахты молодого города Березовского.

Сейчас большинство кемеровских шахт закрыто. Действуют угольные разрезы «Кедровский», «Черниговский». Но пламя каждо-

го предприятия не погасло. Теперь это пламя Памяти, Пламя шахтерской славы.

3.

Поговорка гласит: «Что ни город – то норов».

Норов города Кемерово в том и состоит, что он родился естественно, исторически закономерно, из нескольких сибирских деревень, оказавшихся поблизости от Транссибирской магистрали, которой потребовался уголь Кемеровского рудника. Девяносто лет назад, в 1918 году, первый Щегловский уездный съезд Советов провозгласил преобразование села Щеглово в уездный город Щегловск. Ибо жители села ощутили себя горожанами.

Это событие приветствовали горняки, геологи, зодчие, работники коммунального хозяйства, железнодорожники... Во время Гражданской войны ни колчаковцы, ни красногвардейцы не оспаривали факта рождения города, которое произошло по своим градостроительным законам.

Члены Автономной индустриальной колонии «Кузбасс» ощущали себя первостроителями. Они внедряли в сознание растущего населения окрестных деревень понятие городской черты. Они создавали планы застройки и электрификации новых улиц, их озеленения и благоустройства. Деревянные тротуары, ими сколоченные, стали характерной чертой нового города на многие годы. Жилые дома и школа, построенные голландским архитектором Ван Лохемом, служат кемеровчанам по сей день. Аиковцы проектировали капитальный мост через Томь. Они впервые задумались об охране окружающей природы, берегли березовые рощи, первозданный сосновый бор на правом берегу.

Пересматривать дату рождения города Кемерова, его возраст – значит вторгаться в исторический процесс. Сколько лет горо-

ду? 90 или 300–400? Эта дискуссия возникает периодически, оставаясь бесплодной. Призыв «удревнить дату рождения города» я ставлю в один ряд с декларациями и деяниями либеральных радикалов в «смутное время».

В 1992 году, например, была попытка тайно демонтировать памятник Ленину, сооруженный на площади Советов в 1970 году по проекту Льва Кербеля и представляющий несомненную историко-культурную и архитектурную ценность. Варварская акция была предотвращена нарядом милиции во главе с полковником Василием Кирилловичем Жмурко. Наряд прибыл после звонков встревоженных кемеровчан, невольных свидетелей происходящего.

Заповедное пространство города подвергалось и другим испытаниям. И я вновь отвечаю историкам и журналистам, стремящимся отодвинуть дату рождения города на несколько веков. Перестаньте рядить свое «открытие» в патристические одежды. Девяностолетие города вовсе не отрицает его предыстории. Наоборот, заставляет взглянуться в предшествующую эпоху еще пристальнее. Что и делают наши молодые ученые.

Недавно полковнику в отставке Василию Кирилловичу Жмурко за безупречную службу по охране общественного порядка присвоено звание «Почетный гражданин города Кемерово».

Звание «Почетный гражданин города Кемерово» присвоено посмертно Ивану Алексеевичу Балибалову – летописцу областного центра, автору книги «Кемерово. Вчера, сегодня, завтра», самой востребованной среди книг о родном крае.

И вот какой мыслью я хотел бы поделиться! Заповедное пространство города и есть наша Малая родина. Заповедное пространство страны и есть наше Отечество.

● Открытие скульптурной композиции «Святая Варвара». 2007 год

И. Ю. УСКОВ,
кандидат исторических наук

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА: *строкой документа*

● Первый Щегловский уездный съезд Советов. 1918 год

Рождение города Щегловска выпало на переломный период в истории нашего государства: крушение империи, смена правительств, многовластие на местах, что

отразилось на длительности процесса преобразования села Усть-Искитимского (Щегловского) в город.

Многие документальные источники,

как, например, решение волостного схода 1916 года, на котором был поднят вопрос о преобразовании села, погибли в огне Гражданской войны. Однако и дошедшие до нас свидетельства (законодательные и делопроизводственные материалы, воспоминания современников, периодическая печать) позволяют проследить события, приведшие к рождению города, ставшего впоследствии административным центром крупного индустриального центра Западной Сибири.

В начале XX века в связи с аграрной переселенческой политикой, проводимой премьер-министром П. А. Столыпиным, численность населения Томской губернии более чем удвоилась. Так, население Кузнецкого уезда с 1897 по 1914 годы увеличилось с 161799 до 336673 человек¹. Становится насущным вопрос о разукрупнении губернии и образовании новых уездов, начавшаяся Первая мировая война лишь приостанавливает осуществление проекта.

В это время меняется облик старожильского села *Усть-Искитимского*. Разработка каменноугольных копей, начало строительства химического завода, проведение ветки Кольчугинской железной дороги приводят к существенным изменениям статуса населенного пункта. Уже в 1913 году газета «Сибирская жизнь» отмечала, что село «является экономическим центром для района верст на 80–100 в диаметре. Здесь находится верхотомское волостное правление, больница (строится), резиденция крестьянского начальника, школа, обслуживающая широкий район, торговля различными товарами для сельского потребления, семь складов с.-х. машин и орудий, покупка хлеба, топленого масла, целый ряд торгов, заведений и

верстах в двух от села угольные копи...»². С изменением экономического статуса постепенно вытесняется и официальное название села, на смену которому приходит народное наименование – *Щегловское*.

О решении *Верхотомского волостного схода*, собравшегося в 1916 году, преобразовать (или, как писали в то время, переименовать) село в город нам известно по более поздним свидетельствам (см. далее документы № 4, 5). Из них видно, что на преобразование села составлявшие меньшинство, но владевшие усадебной землей крестьяне-старожилы согласились, рассчитывая получить безвозмездно 540 усадебных мест.

После свержения самодержавия в Томске формируется новый орган местного самоуправления – *Губернское народное собрание*. На его заседании 7 мая 1917 года был рассмотрен вопрос о выделении из Кузнецкого уезда части его в самостоятельную административную единицу под названием *Щегловский уезд*, с уездным центром городом *Щегловском*, который должен образоваться из села *Усть-Искитимского* (*Щеглово* тоже), расположенного на берегу р. Томи в конечном пункте кемеровской ветки Кольчугинской железной дороги³.

Однако постановлением Временного правительства от 17 июня 1917 года единственным органом власти и управления, совмещавшим функции местного самоуправления и правительственной власти на местах, признавалось выборное всесословное земство (губернское, уездное, волостное). После проведения выборов, на шестом заседании *совещания губернского и уездных земств* в Томской губернии, состоявшегося

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. LXXIX. Томская губерния. СПб., 1904. С. 1; Памятная книжка Томской губернии на 1915 год. Статистические сведения. Томск, 1915. С. 3–4.

² «Сибирская жизнь». 1913. 28 июля.

³ ГАКО, ф. р-549, оп. 1, д. 1, л. 6.

1 ноября 1917 года, признано необходимым образование Щегловского уезда, причем осуществлено это должно было быть решениями уездных земских собраний с их последующим утверждением губернским земским собранием⁴.

17 ноября 1917 года в зале Народного Дома начала свою работу первая сессия *Кузнецкого уездного земского собрания*. 2 декабря собрание обсудило вопрос о разделении Кузнецкого уезда, признало ходатайство волостей своевременным и отнесло выделение Щегловского уезда с 1 января 1919 года (документ № 1).

В работе Собрания принимал участие (с 3-го заседания) с правом совещательного голоса делегат от Совета рабочих и солдатских депутатов, после Октябрьской революции в Петрограде – нового органа власти в стране. Очень скоро, 24 января 1918 года, Наркомат внутренних дел предписал местным Советам немедленно приступить к ликвидации земства.

С 25 (или 26) февраля по 12 марта 1918 года в Кузнецке работал первый *уездный съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и инородческих депутатов*. На съезде принято решение о роспуске земства, выбран исполком, и вновь вынесено постановление об образовании Щегловского уезда с административным центром в городе Щегловске⁵.

Ходатайство о создании нового уезда и города 30 марта 1918 г. было поддержано исполкомом *Томского губернского Совета* (документ № 2).

Окончательно предложения о создании

нового уезда и города в составе Томской губернии были утверждены *Советом народных комиссаров* 21 апреля 1918 года. Комиссия по организации Щегловского уезда и города довела до сведения граждан, что: «1) Щегловский уезд открыт. 2) Село Щегловское переименовано в город Щеглов». После этого волостные Советы послали делегатов на уездный съезд из расчета от 1000 избирателей 1 делегат⁶.

Съезд открылся 9 мая 1918 года в здании Верхотомского волостного Совета. В ходе работы съезда зажиточная часть старожильческого населения предприняла попытку не допустить преобразования села в город, так как первоначальные надежды на прирост собственных приусадебных земель не оправдались. Делопроизводственные материалы о работе съезда не сохранились, будучи уничтожены колчаковским режимом. Однако заместителем первого председателя Щегловского уисполкома С. Рукавишника, Г. Д. Шуваловым, оставлены подробные воспоминания о тех знаковых днях в истории будущего областного центра (документ № 3). Заметим здесь, что день открытия съезда считается днем рождения города Щегловска, что закреплено в Уставе города Кемерово⁷. По воспоминаниям Г. Д. Шувалова (подписанным им 18 апреля 1959 года), работа съезда продолжалась девять дней и «несмотря на яростные протесты кулацко-эсеровской группы, съезд подавляющим большинством голосов утвердил предложение об организации нового Щегловского уезда и о переименовании села Щегловска в город

⁴ ГАТО, ф. 3, оп. 51, д. 69, л. 4.

⁵ Белов И. П. Съезды Советов Кузнецкого и Щегловского уездов // За власть Советов! Сборник воспоминаний. Кемерово, 1957. С. 45–46; Очерки истории партийной организации Кузбасса: в 3 ч. Кемерово, 1973. Ч. 1–2. С. 103–104

⁶ Кадейкин В. А. Город, рожденный революцией // 50 лет городу Кемерову: мат. науч. конф. Кемерово, 1968. С. 15.

⁷ Кемерово. 2005. 8 июля.

Щегловск. **Это решение было принято поздно вечером 17 мая, но интерес к нему был настолько велик, что в ту же ночь о нем знало все население села**»⁸ (выделено нами. – И. У.). В исторической литературе дата 17 мая 1918 года как дата преобразования села Щегловского в город не закрепились⁹, хотя, на наш взгляд, является более верной.

В конце мая, с падением советской власти, уездный Совет и его исполком были расформированы. Новые власти продолжили административные преобразования.

11 июля 1918 года восстановленная губернская земская управа окончательное образование Щегловского уезда отнесла к 1 января 1919 года, подтвердив тем самым решение Кузнецкого уездного земского собрания от 2 декабря 1917 года. Но уже 28 июля 1918 года постановлением *Временного Сибирского правительства* № 135/43 Щегловский уезд был образован, а 11 августа 1918 года проходят выборы в Щегловскую городскую думу из 11 гласных (т. е. депутатов)¹⁰.

В самом Щегловске продолжалась жесткая борьба между старожилами и новоселами (именовавшимися разночинцами) за земельные участки. Обе стороны апеллировали к губернским властям. А власть в Сибири продолжала меняться. В ноябре 1918 года упразднились все областные правительства, вся полнота власти переходила *Временному Всероссийскому правительству*, наступил период колчаковщины.

Полемика между двумя щегловскими «партиями» отразилась в докладе Управляющего Томской губернии [В. М. Михайловского?] в Министерство внутренних дел (колчаковское) от 17 февраля 1919 года: «...ввиду встретившихся почти непреодолимых затруднений при наделении его (Щегловска) землей под постройки, и отсутствия согласия Щегловского сельского общества о переводе своего села на городское положение, я нахожу устройство его крайне не целесообразным и не желательным, могущим вызвать в действительности большие недоразумения. Правильным выходом из создавшегося положения может быть наделение нового города Щегловска землей с. Щеглова за выкуп, в порядке государственного отчуждения, если высшие интересы государства этого требуют»¹¹. Всё же город был сохранен. *Министерство внутренних дел* 29 июня 1919 года извещало Городскую Думу, что город Щегловск утвержден. По вопросу о наделении города землей, с включением в городскую черту села Щеглова, колчаковские министры не смогли найти решения¹².

24 декабря 1919 года Щегловск был освобожден от колчаковских войск, создавался новый орган власти – *Щегловский уездный революционный комитет*. 27 апреля 1920 года на повестке дня заседания ревкома стоял один вопрос – «О восстановлении постановлений Советской власти, состоявшихся в 1918 году по поводу переименования села Щеглова в город». Заслушав докладчиков

⁸ ГАКО, ф. п-483, оп. 1, д. 26, л. 21. В опубликованных воспоминаниях Г. Д. Шувалова данные сведения отсутствуют. См.: Шувалов Г. Д. Первые Советы // За власть Советов! Сборник воспоминаний. Кемерово, 1957. С. 29–44.

⁹ Нам известно лишь одно упоминание в литературе о переименовании села в город 17 мая, см.: Очерки истории партийной организации Кузбасса: в 3 ч. Кемерово, 1973. Ч. 1–2. С. 104 (без ссылки на источник).

¹⁰ Киприянова Г. А., Сергиенко В. А. Кемерово: исторический паспорт города. Кемерово, 1998. С. 8; Звягин С. П. Создание щегловской милиции: конфликт властей // Балибаловские чтения: мат. науч.-практ. конф. Кемерово, 2003. Вып. 3. С. 27.

¹¹ ГАКО, ф. р-549, оп. 1, д. 1, л. 60б.

¹² ГАКО, ф. р-549, оп. 1, д. 1, л. 12.

по вопросу, бывших членов уездного исполкома Шувалова и Хомутникова, о переименовании села Щеглово в город в 1918 году с согласия центральной советской власти, и принимая во внимание, что на месте делопроизводства всех учреждений уничтожено отступавшими частями Колчака, ревком принял постановление просить губревком снести с центром и восстановить факт переименования села Щеглова в город (документ № 4).

16 мая 1920 года в Щегловске прошли выборы в городской Совет, власть переходила от временных революционных органов (ревкомов) к постоянным выборным (исполкомам)¹³. Именно новой власти предстояло окончательно решить спорный болезненный земельный вопрос, установить границы нового города (документ № 5).

Очень скоро молодой город выдержал экзамен на право быть административным центром. Постановлением ВЦИК от 27 октября 1924 года Кузнецкий и Щегловский уезды объединены в один Кольчугинский уезд с центром в п. Ленино (будущий город Ленинск-Кузнецкий)¹⁴. Однако практика показала, что именно Щегловск, в силу его географического положения и наличия в нем помещений под административные учреждения, является центром крупного административно-территориального образования. Поэтому уже 29 марта 1926 года Постановлением ВЦИК центр недавно образованного Кузнецкого округа Сибирского края перенесен в город Щегловск¹⁵.

Только 12 ноября 1928 года постановлением ВЦИК были включены в состав города Щегловска: «бывшее с. Кемерово, ст. Кемерово Томской ж/д, Химический завод и по-

селок при нем, Кемеровский рудник и поселок при нем»¹⁶.

Таким образом, город Щегловск изначально становился и развивался как административный центр, а со второй половины 1920-х годов и как центр зарождающейся промышленности региона.

В приложении приведены основные документы, показывающие процесс рождения города.

№ 1. Выписка из журнала заседания Кузнецкого уездного Земского собрания первоочередной сессии

Заседание 13-е. 2 декабря 1917 г.

Обсуждался вопрос о разделении Кузнецкого уезда на два – Кузнецкий и Щегловский, причем вынесена резолюция следующего содержания: выслушав доклад представителя 15 волостей северной части Кузнецкого уезда П. И. Ильиных о разделении уезда на два – Кузнецкий и Щегловский, с преобразованием села Щегловского в уездный город Щегловск, уездное собрание постановило: 1) признать ходатайство названных волостей о разделении Кузнецкого уезда на два – своевременным (больш. 22, против 16). 2) Определить за южную границу вновь образуемого Щегловского уезда волости: Мунгатскую, Барачатскую, Морозовскую, Баянскую, Крапивинскую и Касминскую, межуемых к Щегловскому уезду (больш. 19, против 16 при 4 возд.). Добавление к п. 1: но, ввиду сохранения целости сметы на 1918 год и правильности работы вновь учрежденного Кузнецкого уездного Земства, отделение северной части уезда для образования Щегловского уезда должно произойти не ранее 1 января 1919 года (больш. 20, против 16).

ГАКО, ф. р-124, оп. 1, д. 1, л. 32; ГАТО, ф. 3, оп. 51, д. 69, л. 4-4об.; «Сибирская жизнь» (г. Томск). 1917. 22 дек.

¹³ ГАТО, ф. р-173, оп. 1, д. 10, л. 86.

¹⁴ СУ РСФСР. 1924. № 84. Ст. 852.

¹⁵ СУ РСФСР. 1926. № 19. Ст. 151.

¹⁶ ГАКО, ф. р-22, оп. 1, д. 192, л. 68.

**№ 2. Постановление
по административному отделу
Губернского исполнительного комитета
Совета крестьянских,
рабочих и солдатских депутатов**

30 марта 1918 г.

Губернский исполнительный комитет, рассмотрев ходатайство северной группы волостей Кузнецкого уезда о выделении их в особый уезд с назначением уездным городом с. Щеглова Верхотомской волости Кузнецкого уезда, также ходатайство Арсентьевской волости Томского уезда и Барзасской волости Мариинского уезда о желании перейти в этот уезд и принимая во внимание:

1) что вопрос о разделении Кузнецкого уезда и об образовании из северной его части нового уезда не раз поднимался 1-м Губернским Народным Собранием и уездными земскими собраниями и разрешался там в положительном смысле;

2) что северная часть Кузнецкого уезда, будучи отделена от г. Кузнецка, непосредственной живой связи с ним не имеет;

3) что эта часть Кузнецкого уезда прекрасно обслужена всеми земельными и лесными угодьями, водными и рельсовыми путями сообщения, наличие же в его районе каменноугольных залежей – характеризует этот район как вполне самостоятельную единицу;

4) что от этого раздела не особенно страдает остающаяся часть Кузнецкого уезда;

5) что с. Щеглово по своему местоположению давно уже является промышленным, торговым и административным центром;

6) что существенных затруднений к переходу его на городское положение, за исключением земельных прирезок, – нет;

7) что наличие вблизи казенных земель-

ных дач устраняет и это по существу незначительное затруднение;

8) что волости Арсентьевская Томского уезда и Барзасская Мариинского уезда, как тяготеющие к с. Щеглову и далеко отстающие и ничем не связанные со своими уездными городами, необходимо при образовании этого уезда причислить к нему.

П о с т а н о в и л:

1) Образовать новый уезд в составе волостей: Баянской, Барачатской, Больше-Ямской, Верхотомской, Вновь-Стрельнинской, Зарубинской, Кемеровской, Крапивинской, Косьминской, Лебедевской, Морозовской, Подонинской (Алексеевской), Смоленской, Титовской, Тарсминской Кузнецкого уезда и Барзасской волости Мариинского уезда.

2) образуемый уезд наименовать Щегловским и образовать из с. Щеглово Верхотомской волости уездный город Щеглов и наделить его землями и лесами из свободных казенных дач.

3) Предложить вышеисчисленным волостям к 1-му мая с. г. покончить все расчеты и дела со старыми уездами.

4) К этому времени организовать уездному и городскому Совдепам, которым не позже 10 мая нов. ст. с. г. приступить уже к деятельности.

**Председатель А. БЕЛЕНЕЦ
Управляющий делами ОРЛОВ**

*Кадейкин В. А. Город, рожденный
революцией // 50 лет городу Кемерову:
материалы науч. конф. Кемерово,
1968. С. 14*

№ 3. Из воспоминаний Г. Д. Шувалова

...Существовавшая в Щегловске напряженная обстановка в апреле 1918 года несколько разрядилась. На первом же заседании сельского Совета неприписные были включены в число равноправных граждан

села, и они этой весной могли пахать, сеять, пасти скот на землях щегловского общества наравне со старожилами. С расширением объема работ кооперативной мастерской уменьшилась и безработица. Комитет неприписных, игравший ведущую роль в борьбе за установление в селе советской власти, после выборов сельского Совета потерял свое значение и был распущен.

Однако наступившее на селе затишье продолжалось недолго. Местная торговая буржуазия и кулачество, притихшие было после своего поражения в борьбе за сохранение земства, снова начали поднимать голову. Кулацкая контрреволюционная агитация на этот раз была вызвана развернувшейся подготовкой к созыву предстоящего Учредительного съезда Советов по организации нового Щегловского уезда с центром в Щегловске.

Кулаки пустили в ход свои излюбленные приемы: провокацию, клевету и запугивание. На этот раз они пугали тем, что с переименованием села в город, крестьяне перейдут в сословие мещан и будут обложены более высокими налогами, а их земельные наделы уменьшатся в 3–4 раза. Агитация велась под лозунгом – «Город нам не нужен, не хотим быть мещанами». Под влиянием этой агитации середняки и некоторые наиболее отстающие бедняки-старожилы заколебались. Сельский Совет и его большевистская фракция не обратили должного внимания на эту новую волну кулацкой провокационной пропаганды и не только не усилили свою работу по разъяснению стоящих задач, но несколько ослабили её и тем самым ослабили свое влияние на массы.

Первый (учредительный) Щегловский уездный съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов открылся в здании волостного Совета в назначенный день – 9 мая 1918 года. Делегатами съезда в большин-

стве были рабочие химического завода, кемеровских и кольчугинских угольных шахт, железнодорожники, а от крестьян бывшие солдаты-фронтовики из бедняков и середняков.

Еще до открытия съезда нам было известно, что щегловская контрреволюционная верхушка намерена посеять среди делегатов недоверие крестьян к рабочим, к нам, большевикам, и тем самым завоевать на съезде большинство, а если это не удастся, то сорвать работу съезда.

Делегатов прибыло более 150 человек. Организаторы съезда были в затруднительном положении – где их разместить. В Щегловске не было не только гостиницы, но даже хорошего постоянного двора. Кулаки воспользовались этим, гостеприимно раскрыли двери своих домов для делегатов и развернули среди них широкую индивидуальную агитацию. Для большевиков создавалось крайне невыгодное положение. И только благодаря хорошо поставленной работе, кулацкая агитация успеха не имела. В организации работы съезда и в объединении сил сторонников советской власти большую помощь оказал нам представитель губернского комитета большевистской партии И. М. Ситников.

Борьба на съезде разгорелась на первом же заседании при выборах президиума. Эсеры вместе с меньшевиками при поддержке небольшой группы крестьян выдвинула в президиум съезда своих кандидатов – Нестерова, Кузнецова, Ивлева и других. Но кулацко-эсеровская группа при решении этого вопроса была уже в явном меньшинстве. Их кандидаты не прошли. В президиум съезда были избраны: от фракции большевиков – Рукавишников, Ситников, Хомутников и я; два человека от левых эсеров и один от беспартийных. Такого результата кулацкая группа, очевидно, не ожидала. После

перерыва эсер Нестеров выступил с протестом против якобы неправильного подсчета при голосовании в президиум. Но и этот ход окончился полным провалом.

Еще до съезда делегатов организационной комиссией было принято решение, что в день открытия съезда, как только будут сформированы рабочие органы, в Щегловске будет проведена демонстрация. В связи с этим решением по селу ходили слухи о готовящейся в противовес нам кулацкой манифестации с иконами, церковным песнопением и тем самым кулаки намерены были сорвать не только нашу демонстрацию, но и работу съезда. Организационная комиссия, руководимая председателем волостного Совета Гулевичем, посчитала эти слухи не стоящими внимания и никаких мер не приняла.

Демонстрация ожидалась внушительной, однако вместо предполагаемых полуторадвух тысяч человек явилось не более четырехсот. Небольшой была и колонна рабочих химического завода, а из местных крестьян на демонстрацию пришли только демобилизованные солдаты из неприписных, да и то далеко не все. Щегловские старожилы к демонстрации отнеслись сдержанно. Улицы села, обычно оживленные в это время дня, были малолюдны. Обыватели ожидали нашего разгона.

Небольшая колонна демонстрантов уверенно двинулась по улицам села, развевались красные знамена, громко звучали боевые революционные песни. Ожидаемого крестного хода не последовало. Купцы и кулаки на этот раз открыто выступить против съезда не посмели. Население Щегловска, убедившись в благополучном шествии нашей демонстрации, осмелело, и, по мере продвижения колонны к центру села, в ряды демонстрантов стали вливаться не только молодежь, но и пожилые крестьяне.

Демонстрация закончилась на базарной площади большим митингом, на котором единогласно была принята резолюция с пожеланием съезду успеха в работе, а новому городу – процветания. Так прошел первый день щегловского уездного съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов. В последующие дни борьба на съезде обострилась еще больше. Кулацкая право-эсеровская группа делала все для срыва съезда. Но чем больше они клеветали на большевиков, тем меньше становилось у них сторонников.

Пламенные, идущие от всего сердца речи большевиков и беспартийных сторонников Советов производили глубокое впечатление на колеблющихся делегатов. Авторитет большевиков возрастал. Кулацко-эсеровская группа и меньшевики приходили от этого в ярость. Их главари лезли из кожи вон, чтобы посеять среди делегатов недоверие к большевикам, опорочить большевистские лозунги, втянуть делегатов в ненужную дискуссию и расколоть рабочих и крестьян.

Мы понимали, что кулацко-эсеровская группа свою провокационную работу ведет под руководством щегловской контрреволюционной верхушки – Балаганского, Домрачева, братьев Сайдашевых, Вейса, Ефремова и других. В первые дни съезда, пока шло обсуждение общеполитических вопросов, эта связь внешне ничем не проявилась, работой съезда эта группа как будто не интересовалась. Но когда в порядке дня стал вопрос об оформлении нового уезда и его центра, то в задних рядах зала заседания появились: молодой Балаганский, сын[овья] Вейса, Луговского и другие «гости», которые своими провокационными выкриками еще больше разжигали страсти и без того жаркой дискуссии. Контрреволюционная группа делегатов, подогреваемая выкриками «гостей», решила по этому вопросу дать генеральное сражение. Свой протест про-

тив утверждения Щегловска центром нового уезда они мотивировали нежеланием, якобы, щегловцев переходить на положение мещан.

Колеблющимся делегатам этот довод казался убедительным. Раз не желают, говорили многие из них, то насиловать мы не можем, теперь не старый режим. Разгоревшаяся дискуссия грозила срывом всей работы съезда. Но кулацко-эсеровская группа и их вдохновители просчитались и на этот раз. Мнение делегатов, особенно колеблющихся, резко изменилось, когда член комиссии по организации нового уезда, делегат Ильиных сообщил, что до Октябрьской революции щегловские торговцы и кулаки не только не возражали против переименования села в город, но сами поднимали этот вопрос, так как были убеждены, что при планировке города каждому из них будет отведено, как они требовали, по берегу реки Томи по четыре лучших усадебных участка.

– В настоящее время, – говорил в заключение Ильиных, – они против города, потому что этот куш при Советской власти им получить не удастся.

После этого сообщения, несмотря на яростные протесты кулацко-эсеровской группы, съезд подавляющим большинством голосов утвердил предложение об организации нового Щегловского уезда и о переименовании села Щеглова в город Щегловск. Это решение было принято поздно вечером 17 мая, но интерес к нему был настолько велик, что в ту же ночь о нем знало все население села.

На следующее утро задолго до открытия заседания съезда на площади около здания волостного Совета, где заседал съезд, собралось большое количество людей, и не только делегатов, но и щегловцев. Разбившиеся на группы, они горячо обсуждали принятое съездом решение. Не менее горячо обсуждался и другой вопрос – о предсто-

ящих выборах членов исполкома уездного Совета.

В разгар спора кем-то был пущен слух, что реакционная верхушка села от имени населения Щегловска послала в Томск делегацию с протестом против решения съезда о преобразовании села в город. Это еще больше разожгло страсти, в некоторых группах спор грозил перейти в рукопашную. Большевикам совместно с активом съезда стоило больших усилий восстановить некоторый порядок и собрать делегатов в зал заседания.

Открывая заседание съезда, мы были убеждены, что кулаки и эсеры не ограничатся только роспуском провокационных слухов, и не ошиблись. Как только съезд приступил к работе, в зал с шумом ввалилось человек десять щегловцев, возглавляемых хулиганом и пьяницей Ивановым, по прозвищу Васька Хрипатый, ставшим впоследствии правой рукой палача-колчаковца Кузеванова. Хрипатый, не снимая лихо заломленной кубанки, вскочил на помост президиума и, нагло угрожая съезду, потребовал отмены решения о переименовании села в город.

Заявление Хрипатого, его угрожающее поведение вызвало в зале целую бурю, делегаты повскакали со своих мест. Противники неоконченного спора с озлоблением сжимали кулаки, яростно наступали друг на друга. На звонок председателя никто не обращал внимания. Хрипатый, удовлетворенный своим провокационным выступлением, так же неожиданно, как и появился, вместе со своей свитой быстро вышел из зала. Заявление Хрипатого поддержала право-эсеровская группа. Но делегаты съезда с негодованием отвергли их предложение о пересмотре своего постановления, и решение съезда осталось в силе.

Последнюю попытку отстоять интересы буржуазии кулацкая группа сделала при выборах исполкома уездного Совета. Кан-

дидаты-большевики, особенно из рабочих, встречались ими в штыки. Щегловский уезд, демагогически утверждали они, это уезд крестьян-хлеборобов. Уезд сельскохозяйственный, следовательно, и руководящие органы уезда должны состоять только из представителей крестьян.

Однако, несмотря на все их усилия, кандидаты большевиков получили подавляющее большинство голосов. В исполком уездного Совета были избраны 17 человек, из них: рабочих – 4, служащих – 5, крестьян – 8 человек. По партийности состав был следующий: члены партии большевиков – Рукавишников, Хомутников Роман Никитович, Голкин Сергей Федорович, Белов Иван Петрович, Прищепов Петр Захарович, Иванов Николай, Баранов; эсер – Фестовец, анархист – Ильиных. В числе остальных членов Совета подавляющее большинство было сочувствующих большевикам, последовательных сторонников Советской власти.

Съезд продолжался 9 дней...

ГАКО, ф. п-483, оп. 1, д. 26, л. 17–23.

№ 4. Протокол № 57 заседания Щегловского уездного революционного комитета

27 апреля 1920 г.

Присутствовали: зам. председателя тов. Ермолаев.

Член ревкома: тов. Шувалов.

С участием председателя укомпарта тов. Старостина, председателя горкомхоза тов. Губарева, завед. уездэкономом тов. Попова, граждан города Щегловска Р. Н. Хомутникова и Г. Богословского.

При секретаре тов. Николаеве.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

О восстановлении постановлений Советской власти, состоявшихся в 1918 году по поводу переименования села Щеглова в город.

СЛУШАЛИ

По оглашении повестки дня председательствующий тов. Ермолаев объявляет заседание открытым.

Тов. Ермолаев, ознакомив собрание с ненормальным положением, создавшимся благодаря тому, что, с одной стороны, Щегловск считается городом, а с другой – у нас нет о том никаких фактических данных, полагает нужным детально осветить вопрос о переименовании села Щеглова в город и предлагает присутствующим высказаться по этому вопросу.

Слово предоставляется тов. Хомутникову. Щеглово, бывшее до 1914 года обыкновенным крупным сибирским селом, благодаря проведению Кольчугинской железной дороги, открытию химического завода, каменноугольных копей и других промышленных предприятий, стало быстро расширяться и заселяться пришлым рабочим и мастеровым людом, или, как говорится, «разночинцами». Отсутствие в селе, имевшем в себе всех жителей, помещений и квартир заставило этот пришлый рабочий люд покупать усадьбы у старожильческого населения и застраиваться. Пришлое население быстро увеличивалось и превысило состав старожильческого населения. Но это всё же не помешало старожилам, пользуясь своими правами «хозяев» своего села, обирать в буквальном смысле разночинцев. Так, разночинцы платили старожилам различные поборы, полетки, налоги за усадьбы, огороды, за скот, за право пользования выгоном и т. д. Из всех этих поборов создавалась кругленькая цифра, которая за последние годы достигла до 50000 рублей и, таким путем, разночинцами покрывались все общинные расходы старожил. Создавалось ненормальное положение, когда кучка старожил экономически и политически закабалила разночинцев, составлявших большинство, ибо это большинство, осевшее в

селе Щеглове, истратило свои последние гроши на постройку и домообзаводство, и тем самым было вынуждено подчиняться всем прихотям, произволу и аппетиту старожильческого меньшинства – «хозяйчиков», как их характерно называл тов. Ленин, стремившихся использовать свое привилегированное положение в узкогрупповых интересах. Дело доходило до того, что старожилы закрывали доступ в сельские школы детям разночинцев, отцы коих почему-либо не могли своевременно уплатить налога. Безусловно, из этой части разночинцев приходится выделить много и таких, которые приехали в Щеглово исключительно с целью наживы.

Всё это вместе взятое подало старожилам первым мысль о расширении сферы их хищнической деятельности в смысле обирания пришлого элемента, и на волостном сходе в 1916 году был поднят вопрос о переименовании села Щеглова в город. Бывшие на сходе представители Щегловского сельского общества с переименованием села в город согласились, на что они, конечно, имели определенные директивы от общества, которое, выражая через своих уполномоченных согласие на это, имело в виду, что при нарезке городских участков в Щегловске на их «хозяйскую» долю выпадут лучшие участки, которыми еще больше увеличится доходность общества, а следовательно, и членов его. Что это так, видно из того, что Щегловское общество, выражая свое согласие на переименование села в город, поставило условием, чтобы на каждого домохозяина при нарезке было дано по четыре городских участка и обязательно по берегу реки Томи, т. е. в лучшей части будущего города. Между прочим, скажу, что мною лично, в бытность мою писарем, а затем и секретарем Щегловского сельского общества, было составлено пять приговоров, вполне законных с

юридической и нравственной точки зрения, которые, к сожалению, сейчас найти нельзя, так как они, по-видимому, уничтожены белыми вместе со всем делопроизводством сельской управы.

Затем, в мае 1918 года уездным съездом Советов вопрос о переименовании села в город разрешен в положительном смысле, и постановление уездного съезда было санкционировано губисполкомом, на основании каковых распоряжений земля оставалась в ведении городских крестьян, которым, кроме этого, была предоставлена в пользование Ягуновская оброчная статья, взамен той части надела Щегловского общества, какая отошла под городские участки.

Тов. Шувалов, прерывая тов. Хомутникова, просит слово для фактического дополнения к сказанному. Получив разрешение председательствующего, тов. Шувалов, бывший в 1918 году товарищем председателя уездного исполкома, поясняет, что город Щегловск был утвержден в 1918 году не только губисполкомом, но и Советом народных комиссаров. Касаясь вопроса о причинах возникновения вопроса о переименовании села в город, товарищ подтверждает, что само население, сами старожилы ходатайствовали о том.

Тов. Хомутников продолжает. Внесенное тов. Шуваловым дополнение я могу подкрепить следующим аргументом: когда город Щегловск был утвержден центральной советской властью, губисполком, на основании разрешения Совета народных комиссаров, выдал новому городу безвозвратную ссуду в размере 25000 рублей.

Когда я был секретарем уездного исполкома, а тов. Шувалов в то время товарищем председателя, уездным исполкомом уже было вынесено постановление о ликвидации Щегловского сельского исполкома, но последовавшая дня через три после этого

чехо-эсэровская авантюра не дала возможности провести в жизнь постановление уездного исполнительного комитета, что после падения советской власти в Сибири и дало повод кулакам восстановить сельское самоуправление.

При власти Колчака новым городом заинтересовались высшие сферы его правительства и решили город Щегловск устроить по плану английского города-сада, и вот тут, при разбивке и раздаче усадебных мест, старожилы, увидев, что им никакого преимущества не будет, сразу же начали действовать иначе и составили приговор об отделении села Щеглово от города, но при Колчаке приговор этот был оставлен без внимания и город был утвержден так же, как и уезд.

Как при власти Советов в 1918 году, так и при Колчаке город был утвержден согласно плану, находящемуся сейчас в ревкоме.

Представитель разночинцев гр. Богословский докладывает, что он вел это дело и хорошо знает, что вопрос о переименовании села в город был разрешен в положительном смысле всеми инстанциями. Да иначе и быть не могло уже потому только, что разночинцев вдвое больше, чем старожил и меньшинство должно подчиниться большинству, а не наоборот, как того хотят старожилы.

Слово берет председатель укомпарта тов. Старостин, который говорит, что раз уже село Щеглово было переименовано в город ранее и утверждено центральной властью, то нашей обязанностью является только лишь подтвердить этот факт настоящим постановлением, не входя в детали. Из всего здесь сказанного я вижу только то, что нездоровая, хищническая, узкогрупповая сельскохозяйственная политика меньшинства, состоящего из старожил, и их нежелание о переходе на городское положение, объясняющееся этой политикой, нами и не должно приниматься во внимание, так как

поощрение старожил будет тормозить развитие нового города – чисто рабочего города, который в будущем будет одним из крупнейших центров нашей Советской Сибири.

Тов. Богословский, соглашаясь со всеми мнениями предыдущего товарища, находит лишь необходимым пересмотреть вопрос о границах города и включить в черту города Ягуновскую оброчную статью. Тов. Старостин полагает, что включить в городскую черту Ягуновскую оброчную статью – это значит прикрепить её в собственность городского населения, что как раз идет в разрез с Коммунистической программой Советской власти, и вносит конкретное предложение: в текущем году пользоваться землей согласно постановления Губернского съезда заведывающих земотделами, а в будущем – на основании общего положения о социалистическом землепользовании.

Предложение тов. Старостина принимается единогласно.

ПОСТАНОВИЛИ

Принимая во внимание все вышесказанное бывшими членами уездного исполкома тов. Шуваловым и Хомутниковым, из чего явно видно, что село Щеглово в 1918 году было переименовано в город с согласия центральной Советской власти; что на месте в Щегловске восстановить нельзя, т. к. делопроизводство всех учреждений уничтожено отступавшими частями Колчака. ПОСТАНОВИЛИ: просить Губревком снести с центром и восстановить факт переименования села Щеглово в город.

По рассмотрении вопросов председательствующий тов. Ермолаев объявляет заседание закрытым.

С подлинным верно: секретарь (речь).

ГАТО, ф. р-173, оп. 1, д. 112, л. 41–42об.
Копия; ГАКО, ф. р-549, оп. 1, д. 1, л. 1–3.

**№ 5. Из письма землемера-землеустроителя
Томского губернского земельного
управления Г. Богословского
Щегловскому уездному исполкому**

23 апреля 1924 г.

На Ваше требование дать сведения по возникновению и развитию дела устройства г. Щегловска сообщаю, что путем исследования архива Щегловского уездного земельного управления и опросов лиц мною выяснено, что с началом империалистической войны 1914 года на соседнем к Щегловску Кемеровском руднике развернулась широко добыча каменного угля, и в то же время началась постройка химического завода. Эти обстоятельства привлекли значительное количество рабочих, а за ними мелких торговцев и других посредников между трудом и капиталом. Родилась спекуляция на квартирах, дома и землю под постройки. У щегловских крестьян возник вопрос о регулировании торговли усадебными местами. Выявилась необходимость более-менее правильного отвода усадеб как предмета торговли.

В 1916 году щегловцами нанимается землемер, который нарежает 540 усадеб по числу мужских душ старожилов населения.

Вопрос об образовании г. Щегловска местные обыватели связывают с приездом в Щеглово члена Государственной думы Дурова в 1916 году. В конце 1916 и начале 1917 года щегловский крестьянский начальник собрал приговоры от волостных сходов, желавших образовать новый уезд в Щеглове. Документы были препровождены в Кузнецкий съезд крестьянских начальников.

После февральской революции 1917 года вопрос об уезде возбуждается на I губернском съезде представителей 7 мая 1917 года в связи с вопросом о разделении Томской губернии на две: Томскую и Алтайскую.

Был поднят вопрос о выделении Щегловского уезда с уездным центром в г. Щегловском, который должен образоваться из села Усть-Искитимского (Щеглово тоже).

Возвратившиеся со съезда граждане Фастовец и Ильиных предложили Верхотомскому волостному правлению созвать съезд представителей волостей предполагаемого уезда.

На уездном съезде представители села Щеглова отклонили предложение перейти на городское положение, а равно уступить свои земли под город. Созванный на второй день съезда общее собрание граждан Щеглова дало свое согласие на образование города.

Октябрьская революция смирила буржуазные инстинкты щегловских крестьян – в Щегловске проводится 2-процентный поимущественный подоходный налог, как в городе, коллегия профессоров Томского университета и Технологического института разработала проект города-сада с электрификацией, канализацией и трамваем, стиравшим с лица земли совершенно село Щеглово.

Чехословацкий переворот в мае-июне 1918 года уничтожил документы Томского совдепа, но часть работ осталась зафиксированной в натуре в виде разбивки центральной части города между железнодорожной линией и р. Искитимкой.

При Колчаке происходит борьба граждан города Щегловска со старожилами-крестьянами, в результате Министерство внутренних дел (колчаковское) 29 июня 1919 года № 1562 извещает городскую думу, что город Щегловск утвержден, но по вопросу о наделении города землей, о включении в городскую черту села Щеглова колчаковские министры так и не смогли договориться.

После изгнания Колчака щегловские крестьяне создают сельсовет, пытаясь освободиться от города, а наравне с этим уездный ревком выделяет коммунальный отдел. В феврале 1920 года уездный ревком

упраздняет Щегловский сельсовет, а вскоре переводит волостной исполком из города в село Ягуновское.

Вопрос о земле остается неразрешенным, хотя неоднократно создавались попытки к его разрешению: так, например, исполком 18 февраля 1921 года протоколом № 3 предлагает коммунальному отделу совместно с уездным земельным отделом определить границы городского землепользования.

В это время создается фантастический проект с включением в город окрестных деревень Плешки, Комиссаровой и т. д. Исполком этот проект отклоняет. Позднее со старожилами был заключен договор на производство землеустроительной подготовки, составлены и проверены списки земледельческого населения, по коим на 23 апреля 1924 г. состоит: приписного населения, пользующегося

землей, – 332 двора с 1089 едоками; проживающих на территории распланированного города 51 двор с 316 едоками, а всего получающими (кроме старожилов) земельного права 114 дворов с 673 едоками, тянувшие лямку арендаторов и субарендаторов щегловских крестьян-старожилов.

Неопределенность земельных отношений города тормозила землеустройство смежных с ними селений, ходатайствующих в большинстве о проведении землеустроительных работ. Залежная форма хозяйства отжила свое время, и сибирскому хлеборобу приходится переходить к многопольной системе хозяйства с посевом трав...

ГАКО, ф. р-549, оп. 1, д. 1, л. 11–13;

Киприянова Г. А., Сергиенко В. А.

Кемерово: исторический паспорт города. Кемерово, 1998. С. 16–18

● Василий Селиванов. На шурф. Акварель

РОВЕСНИК ГОРОДА

К 90-летию со дня рождения поэта В. Д. Фёдорова

Нашему народу дороги земные уголки, связанные с именами Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Толстого. Кемеровская область в числе немногих регионов России, ставших родиной всенародных литературных праздников. Как Рязань гордится поэзией Сергея Есенина, Алтай – произведениями Василия Шукшина, Смоленск – песенным творчеством Алексея Фатьянова, Вологда – глубинной народностью стихов Николая Рубцова, Кузбасс славен Фёдоровскими чтениями, которые, начиная с 1985 года, стали традиционными в Кемерове и в селе Марьевка Яйского района. В Кемерове, где Василий Дмитриевич Фёдоров родился, его имя носит

областная научная библиотека. В Марьевке создан мемориальный музей великого русского поэта.

Есть на нашей земле и Чивилихинские чтения – Всероссийский литературный праздник, посвящённый Владимиру Алексеевичу Чивилихину, родившемуся в городе Мариинск, где тоже создан музей большого русского писателя. Мы говорим о советском периоде Великой русской литературы, совестливой и пристрастной к судьбе народа, ответственной за состояние дел в нашем Отечестве, озабоченной сохранением его достоинства в жестоком и быстро меняющемся мире. Именно в этот период вышли на литературную арену наши прославленные земляки.

Ныне у Василия Дмитриевича Фёдорова юбилейная дата, ему исполнилось 90 лет. Он ровесник города, в котором родился. И мы вправе ещё раз подчеркнуть, насколько огромен и прекрасен духовный вклад поэта в сокровищницу отечественной культуры. Богатейшее художественное наследие Василия Фёдорова занимает достойное место не только в русской поэзии, но и в поэзии мировой. Истинно национальный поэт всегда интернационален. В своих поэмах «Проданная Венера», «Бетховен», «Седьмое небо», «Женитьба Дон Жуана» он прикоснулся к самым сокровенным струнам души человеческой. Его строки, написанные много лет назад, и сейчас звучат современно и пророчески. Например, такие:

*За красоту людей живущих,
За красоту времён грядущих
Мы заплатили красотой.*

Жертвенность, героизм, подвиг народа-первопроходца, который прокладывает путь в будущее всему человечеству, выражен в этих строках. И новейшая история подтвердила пророческую мудрость поэта-философа. Вспомните Фёдоровские чтения 1993 года, накануне расстрела Белого дома, в разгар антинародных реформ, поставивших страну на гибельный путь. Как тревожно и предостерегающе, в Кемерове и Марьевке, звучали классические строки поэта:

*Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг.
Займёт,
Сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет, нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.*

Такие стихи не стареют. Они всегда живут в нашем сознании, определяют наши поступки. Критики неоднократно подчеркивали, что Василий Фёдоров был чужд любой политической конъюнктуры, никогда не угождал «власть имущим». Но объективно и закономерно его поэзия причастна и к политической

борьбе. Он мудро предостерегал, например: «не ворошите старые могилы, они чреватые новою бедой». Целая плеяда политиков, литераторов, историков строит свои карьеры исключительно на «ворошении старых могил», ввергая страну в новые потрясения и катаклизмы, роняя её достоинство в глазах мировой общественности, лишая подрастающее поколение каких-либо идеалов.

Мы находим опорные строки и мысли в творчестве Василия Фёдорова для любого среза государственного строительства. В мирное время – в середине 90-х годов – снова заговорили о «демографической катастрофе» в России. Катастрофа выразилась в резком всплеске смертности среди всех категорий и возрастов населения и в резком спаде рождаемости в большинстве регионов России. Эта двойная тенденция получила зловещее название «Русский крест».

И мы говорим: «Сбережём народ – сохраним Отечество!» И вспоминаем строки Василия Фёдорова: «Семья как государство в государстве». Или такие: «По тому, как людям любится, здоровье мира узнают». Мы считаем, что в основу общенациональной идеи, поиском которой заняты сейчас все политические партии и движения, должна лечь именно семейная политика. Все решения, которые принимаются в Кузбассе, рассматриваются с одной точки зрения: как они повлияют на благосостояние семьи, на защиту детей и стариков, на создание рабочих мест для трудоспособной части общества. И в преодолении такой, чисто кузбасской беды, как экологическая, снова вспоминаем Василия Фёдорова: «Природа и сама стремится к совершенству. Не мучайте её, а помогайте ей».

На традиционных Фёдоровских чтениях сформировались такие понятия, как «Духовное поле провинции» и «Товарищеский круг» – содружество писателей Земли кузнецкой и их собратьев по перу из Москвы, Новосибирска, Иркутска, Барнаула, Томска, Красноярска, Омска, Тюмени и других городов России.

А как трепетно и внимательно относился Василий Дмитриевич Фёдоров к поэтическому творчеству своих земляков. Давайте вчитаемся в его строки о поэзии Кузбасса, написанные ещё в 1979 году:

«В ней не было и нет патриархов. В ней сравнительно молодые Валентин Махалов и Виктор Баянов уже и по возрасту заняли видное место, и Евгения Буравлёва, безвременно ушедшего от нас, можно считать её основателем. Кстати, в стихах последнего, как старшего, более заметен не только общий процесс поэтического роста моих земляков, но и социальная связь поколений, идущих от Революции.

О чём же бьют вечевые колокола моих земляков? За последние годы в нашей поэзии вообще на передний план выступили проблемы морально-нравственные. Обострился интерес к человеческой личности, к внутреннему миру человека, ставшему неизмеримо сложнее. Сегодня, как никогда, нам нужен не просто человек-исполнитель, а человек-деятель, не прячущийся за широкой спиной коллектива. Стали выше и шире наши представления о человеческом счастье, мы стали нетерпимей к дисгармонии жизни, к её аритмии, ко всякого рода небрежности».

В среде творческой интеллигенции легендой живет история о том, как Василий Дмитриевич Федоров посвятил стихотворение Петру Михайловичу Дорофееву. Их связывала многолетняя дружба. Партийный секретарь заботился о том, чтобы известному поэту было комфортно в Марьевке Яйского района, куда Федоров приезжал время от времени, чтобы поработать и прикоснуться к земле, родной с детских лет.

Случилось так, что в очередной приезд Василий Федоров заболел и перенес две тяжелейшие операции. Одну из них делал наш опытный хирург Теодор Израилевич Шраер. Кемеровские врачи, по сути, спасли тогда жизнь поэта. После этого у Федорова родилось стихотворение «Время».

Начинается оно так:

*Время село на плечи мои.
Как живое,
В извечном полете,
На одном, роковом обороте
Время село на плечи мои.
Время тот сторожило момент,
Когда жизнь моя
В беге запнется,
Скорость века с моей разойдется.
Время тот сторожило момент.*

Есть в стихотворении строфа, философское содержание которой очень важно для осмысления связи времен. Связь времен. Именно она волнует публициста Петра Дорофеева в его выступлениях и воспоминаниях.

*Не ветвями – корнями расту.
Есть у жизни
Почти до погоста
Хитрый фокус обратного роста.
Не ветвями – корнями расту.*

Петр Михайлович вспоминает: «Прочитав стихи вслух, Федоров спросил, нравятся ли они мне. И на мой утвердительный ответ вдруг неожиданно заявил: «Я хотел бы эти стихи посвятить вам». В неловком смущении я пытался говорить что-то о высокой чести, которую не заслужил, какие-то слова благодарности. А он, улыбаясь, пошутил: «К тем стихам, которые вы знаете наизусть, придется добавить еще одно, посвященное вам лично».

Петра Михайловича Дорофеева по праву считают отцом Федоровских чтений. В своей книге «Во власти долга» (Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005) Дорофеев пишет о Федорове:

«Его называют явлением русской поэзии, крупнейшим поэтом нашего времени, а провожая в последний путь в апреле 1984 года, справедливо нарекли «Великим». Он не был избалован критикой, «заласкан» радио и телевидением. Однако после его смерти, на первый праздник поэзии Василия Федорова, состоявшийся летом 1985 года в его родном селе Марьевке, съехались со всей России и Кузбасса около 20 тысяч почитателей его таланта».

И далее:

«Однажды, в один из заключительных дней Федоровских чтений прибывший в Марьевку губернатор области А. Г. Тулеев в своем выступлении подчеркнул, что творчество выдающегося поэта России Василия Дмитриевича Федорова заслуживает права именоваться классикой Отечественной литературы, и Министерству образования следовало бы подумать о предоставлении места его творчеству в школьных учебниках».

Василий ФЕДОРОВ

Проданная Венера

Я был у старших на примете.
И вот однажды мне велят
На комсомольском комитете
О красоте прочесть доклад.
Мой вкус был самый деревенский,
А други просят:
– Не забудь
О красоте, ну, знаешь, женской
В своем докладе помянуть.

А что я знал?
Что есть сутулость
И есть девическая стать?
На чем душа моя споткнулась,
Не надо мне напоминать.
И все же будущего ради,
Марая белые листы,
Задумал я в своем докладе
Раскрыть все виды красоты:
Все то, чем люди восторгались,
С чем шли, рассеивая мрак.
Все темы прочие давались,
А тема женская –
Никак!

Не помогал мне опыт древний,
Что лег в пудовые тома...
Все лезет на глаза деревня,
Подслеповатые дома,
И щучьи зубы частокола,
И ребра старого плетня,
И школа сельская...
Та школа,
В которой около меня
Сидела Граева Наташа...

В те дни она такой была,
Что ничего природа наша
Прекраснее не создала.
В деревне, помню, говорилось
С насмешкой острою, как нож:
– Ты что-то, девка, загордилась –
Как Ната Граева идешь!

Теперь
Хочу увидеть снова
Все то, что память сберегла.
И речка времени бывшего
Перед глазами потекла.

Избрал я место наудачу
У каменного голыша,
Сижусь за кустиком – рыбачу,
Ловчусь перехитрить ерша.
С настойчивостью непонятной
Мечтаю о его клевке
И все смотрю,
Как луч закатный
Разнежился на поплавке.

Не видел я, как по откосу
Прошла она,
Как на песок
Одежду сбросила
И косы
Под синий спрятала платок.

Но видел я,
Как стихли воды,
Когда она к реке прошла –
Фантазия!
Каприз природы!
Причуда света и тепла!

Она, омытая лучами,
Когда вода коснулась стоп,
Легонько повела плечами,
Как будто сбросила озноб.
Волна пред нею расступилась
И снова преградила путь...
Блестели плечи,
Золотилась
Ее заносчивая грудь.
Там,
Над речною глубиною,
Произнесли мои уста
Еще не троганное мною
Большое слово:
Красота.

Ничем
Не помешав Наташе,
Преодолев блаженный стыд,
Я подстерег ее тогда же
У зеленеющих ракушек.
Как, вспоминая, сердце билось,
Когда, проплакав полчаса,
Она пришла, остановилась
И заглянула мне в глаза!
Смутилась вдруг,
Стыдливой стала...
В моих зрачках –
Ей-ей, не лгу! –
Себя, должно быть, увидела,
Какой была на берегу.
А старики –
И это тяжело –
Судили Нату под гармонь:
– Конем любят в упряжке,
Конь на гульбе
Еще не конь...

Спеша продлить воспоминанья,
Как в прежние твержу я дни
Знакомое ей заклинанье:
«Ты с глаз моих не уходи!»
Но время воздвигает стены,
И самой страшною стеной

Огни и дымы дней военных
Заколыхались предо мной...

И вскоре
Я ее увидел,
Взглянув на мир из-под руки,
Не на гульбе –
В том самом виде,
Как выражались старики.
Увидел с темными горшками,
Перекаленными в печах,
С шестипудовыми мешками
На перекошенных плечах.

Порядок слов,
Звучавший мило,
Теперь бросал все тело в дрожь:
– Ты что-то, девка, приуныла –
Как Натка Граева идешь!.. –
При встрече
На дороге пыльной
Ее глаза несли мне весть,
Что от работы непосильной
Вся вяла, не успев расцвести.
Лицо обветрено и грубо.
И шла она,
Не шевеля
Губами,
Потому что губы
Потрескались,
Как в зной земля.

Давно успела позабыть,
Что до поры иссохли груди,
Что стала по земле ходить,
Как ходят пожилые люди,
Что живость света и огня
В ее глазах давно заснула.
В мои с надеждой заглянула –
И отшатнулась от меня.
В моих,
Повидевших немало, –
А в них я все сберечь могу! –
Себя в соседстве увидела
С той, прежней, Натой,

Что стояла
Передо мной
На берегу.

Я знал,
Что из морщин бесчисленных,
Примеченных издалика,
Любая черточка почетна,
Как честный шрам фронтовика.

* * *

За боль,
За раннюю сутулость
Спеши сторицею воздать.
Найди же, чем не стала юность
И чем она могла бы стать!
На чем от самого рожденья
Не отразятся
Ни ветра,
Ни мировое потрясенье,
Ни горе одного двора.

Ищи прекрасное на свете,
Суди, оправдывай, вини
И по нетронутой монете
Монету стертую цени.
Не изменив мечтам заветным,
По жизни в поисках пройди.
В каком-то облике бессмертном
Наташу Граеву найди.

Ее судьба да будет вехой,
Повсюду видной хорошо.
Искал я.
И в книжонке ветхой
Ее бессмертье я нашел.
Рука, листавшая устало,
Успела, к счастью, долистать
До той,
Кем милая не стала
И кем она могла бы стать.

Я видел:
В радостном полете
Кисть жизнетворца создала
Всю красоту горячей плоти,
Причуду света и тепла.

Влюбленный и ревнивый гений
В слиянье радости и мук
Набросил матовые тени
На легкие изгибы рук.
Такой лететь туда, где боги!
И он, уже не тратя сил,
Куском парчи,
Упавшим в ноги,
Ее чуть-чутьотяжелел.

Едва приметными мазками
На долгий срок,
На вечный срок
За темными ее зрачками
Свет человеческий зажгел.
Тем светом ей
Печаль, тревогу
И горе изгонять дано.
С такой легко искать дорогу,
Когда становится темно.

Она стыдлива без ужасов,
Как та,
Которую я знал...
И это был
Всего лишь снимок,
А где же сам оригинал?
Где рождена?
В какие эры,
В какой из поднебесных стран?
И кто она?
Прочел: «Венера»
А чуть пониже: «Тициан».
И тут же на бумажной сини
Отчетливо и на виду
Приписка: «Собственность России».
Прекрасно!
Я ее найду!

И снова,
В поиски ушедший,
Всем говорю:
Мол, так и так...
Смеются:
– Что за сумасшедший!

Венеру ищет! Вот чудак! –
Какой-то полный незнакомец
Откашлялся и пропыхтел:
– Избаловали!..

Комсомолец.

А то ж – Венеру захотел!

Иду,

Чем дальше, тем смелее

По городу – через снега,

Иду в картинных галереях

Через минувшие века,

Через сокровища народов,

Не падая пред ними ниц,

Через толпу экскурсоводов,

Учеников и учениц.

Переходя от века к веку,

В людской толкаясь тесноте,

Они пришли сюда, как в Мекку,

На поклоненье красоте.

И, красоте той благородной

Себя отдавши целиком,

Тянусь и я к ней,

Как голодный

За хлебным тянется пайком.

Ее ищу я в каждом зале,

В простенках каждого угла.

– У вас Венера не была ли?

– Нет, – отвечают, – не была. –

Вновь объясняю по порядку:

– Амур и зеркало...

Рукой

Венера поправляет прядку... –

Вновь слышу:

– Не было такой.

Но вот совсем неподалеку

Бородка над толпой всплыла.

Блеснуло старческое око

Из-под очков.

– Была! Была!

И вспомнил я,

Как поезд мчался

В лесную родину мою,

И я с таким вот повстречался

В металлургическом краю.

Теперь мне вспомнилось,

Как ночью,

В огнях увидев домен ряд,

Похвастал кто-то:

– Между прочим,

Я строил этот комбинат, –

Добавил, ус крутнувши лихо,

Что ставил там прокатный стан,

А старец, вот такой же, тихо

Заметил:

– Вы и Тициан.

Тогда,

Болтавшие о многом,

Толкуя обо всем слегка,

Как на обиженного богом,

Взглянули мы на старика.

И он притих,

Ни об искусстве,

Ни о других делах страны

Уже не говорил,

Лишь с грустью

Посматривал со стороны,

Как спорил с химиком строитель.

Так грустно на исходе дней

Разочарованный родитель

Глядит на выросших детей.

Теперь старик подвижен, светел.

Узнал и вновь не узнаю.

– Вы вспомнили ее?! –

Ответил:

– Я вспомнил молодость свою. –

Мы шли,

И не было мне странно,

Что говорил он не шутя:

– Вы знаете, у Тициана

Она не первое дитя... –

Дрожало старческое веко,

А он твердил мне об одном:

– Полвека! Да, мой друг, полвека

Я был ее опекуном.

Все черточки лица страдали,
Кривились, будто был он пьян.

– Что ж стало с ней?

– Ее продали.

– Куда?

– Туда... за океан.

Мы продаем
И лес, и кожи,
Но красоты нехватка в нас!
Едва ли нужен и возможен
Большого горя пересказ.
Он знал,
Что жили небогато,
И ведал, продана зачем,
Но только личные утраты
Не восполняются ничем...

Когда
В Магнитогорске рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.
Он говорил об этой встрече
Так,
Словно сам с ней в рабство плыл.
– Я парусиною прикрыл
Ее блистательные плечи. –
Он рисовал мне
Небо в тучах,
Над палубой туман густой...

За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

* * *

И с ней,
Не встретясь,
Я простился.
Нерадостен был мой уход.
Заснул я поздно.
Мне приснился
Металлургический завод.
Мне снились волны
В кудрях пены,
Бегущие за край Земли,

Мне снились грузные мартены,
Похожие на корабли.
Пусть окна в них
Прикрыты плотно,
И лишь на каждом красный глаз.
Но и в зашторенные окна
Бьет пламя,
Обжигая нас.

Но что такое?!
Шум стозвучный
Вдруг стих, рассеялся угар.
С открытым ртом стоит подручный,
Бородку щиплет сталевар.
В глазах у парня бес запрыгал,
И не возьму никак я в толк,
С чего он громко загыгыкал:
– Гы, баба!.. Голая!.. –
И смолк.

Гляжу я,
Тоже ошарашен,
Дивлюсь, как на печной пролет
Походкой легкою Наташи
Венера русая идет.
Боса, парчой полуприкрыта
В угоду прежним временам,
На крошки ступит доломита,
Поморщится –
И снова к нам.
Глядит все пристальней,
Все строже.
Ни слова нам не обронея.
Хочу, мол, посмотреть,
За что же
Вы про...
Вы отдали меня.

Старик,
Тихонько увлекая
Меня от госты и зевак,
Спросил негромко:
– Кто такая? –
Я мастеру: мол, так и так...

Мол, помните,
Когда здесь рыли
Для первой домны котлован.
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.
И мастер,
Подождав близко,
Остановился перед ней
И поклонился низко-низко,
Сняв кепку с головы своей...
Помедлил,
Дав словам отсрочку,
Потом, прижав ладонь к груди,
Заговорил:
– Прости нас, дочка...
Все видела, теперь суди.
Бывало, бьюсь,
Из кожи лезу,
И недопью, и недоем.
Мы пропадали без железа,
И рабство нам грозило
Всем.
Как строились,
Душой боля,
Ты, вечная, нас не поймешь.
И что тебе!
Ты, не старея,
До коммунизма доживешь.
Захочешь жить у нас, к примеру, –
Гости без никаких бумаг... –
Старик вздохнул:
– Вот так, Венера...
По батюшке не знаю как.
Я посмотрел
И вздрогнул даже.
В горячем отблеске огня
Уж не Венера,
А Наташа
С укором смотрит на меня.
Вновь покорила
Ясность взора
Глаз темных, затаивших зов,

Как затененные озера
Среди нехоженных лесов.
В них, укрываясь от напастей
Души глубинной чистотой,
Надежда на большое счастье
Все ходит рыбкой золотой.
Друзья не сразу догадались,
Что говорит она со мной:
– Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

* * *

Не знаю,
Так ли я ответил,
Когда в суровой простоте
На комсомольском комитете
Читал доклад о красоте.
Встречая взглядом
Взгляд сердечный
Сидевших прямо предо мной,
Я с грустью говорил о вечной
И с болью вспомнил о земной.

Я говорил,
Как перед Натой:
История от первых дней
Ни перед кем не виновата, –
Виновны только перед ней.
Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясения,
И горе одного двора.
На все
Я в жизни вижу отклик,
От горя к радости мосты.
Судьба Наташи – это подвиг.
А подвиг стоит красоты.

Глазами встретившись с одною:
– Ты знаешь ли, – сказал я ей, –
Какой заплачено ценою
За легкий взлет
Твоих бровей? –

Не знаю, так ли
Двум мальчишкам,
Зевнувшим нехотя в кулак,
Сказал и, может, строго слишком.
Послушайте,
Сказал я так:

– Все позабудется на свете,
Все сгладится в конце концов.
Вам, избалованные дети,
Не вспомнить бедности отцов.
Вам подавай лишь то, что мило,
Красавицу и сад в цвету.
Кровь пролилась,
А не чернила
В сражениях за красоту.
Вам огорчительно до боли,
Вам оскорбительно до слез,
Что материнские мозоли
Не пахнут лепестками роз.

Наташи прежней мы не встретим,
Но людям жить и быть красе.
На этот раз уже не детям,
На этот раз сказал я всем:
– Рост красоты по дням и годам

Мы обеспечим – верю я,
Как обеспечен курс рубля
Всем достоянием народным!

Мечтатель,
Верный почитатель
Земных красот,
Признайся, брат,
Что виноват,
И я, читатель,
С тобой в растратах виноват.
Мы равнодушны и незрячи,
Не знаем,
Что смелей резца
Моя ль,
Страны ли неудача,
Моришки складку обозначив,
Коснется каждого лица.
Судьбу,
Сгибающую лучших,
Мы не берем за горло:
«Стой!»

За красоту
Людей живущих,
За красоту времен грядущих
Мы заплатили красотой.

Иллюстрация Василия Кравчука

***Вера ЛАЩЕВСКАЯ,
заслуженный работник культуры России***

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ВСЕХ, НО И ДЛЯ КАЖДОГО

**История Кемеровской областной научной библиотеки
имени В. Д. Федорова**

Впригласительном билете на торжественное открытие в 1814 году первой в России Публичной Императорской библиотеки (ныне – Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге) наши предшественники так определили миссию Библиотеки на все времена: «Сия библиотека строилась для украшения Отечества. Юношам – привлечение, старцам – пособие, праздным – зрелище, занятым – забава, учащимся – упражнение».

В современном меняющемся мире человек и общество пытаются найти точку опоры и находят её в культуре. Именно она свидетельствует о долговечности общества и его устоев. Библиотека – хранилище земной мудрости, где каждый может осознать свое родство с миром человеческой культуры.

Знание истории библиотек помогает понять простую истину – библиотеки существуют так давно, что нет необходимости на каждом витке нашей истории доказывать их необходимость и право на финансирование.

Ни одно учреждение не связано так с историей своей страны, как библиотека, живо реагирующая на все изменения политического, экономического, философского характера, отражающая через свои фонды всё многообразие жизни.

Суть библиотеки не меняется; во все времена она нужна и востребована как центр культуры и просвещения (добавим – информации).

Библиотеки на практике подтверждают веру демократического общества в образование, как в процесс самоусовершенствования, продолжающийся в течение всей жизни. Они предоставляют каждому равные возможности для получения образования, повышения квалификации и проведения досуга, снижая тем самым социальную напряженность в обществе и внося стабилизирующее начало.

Библиотека не решает социальных проблем, но может способствовать достижению более справедливого и разумного общества.

Через призму библиотеки общество раскрывается с неожиданных сторон, очень редких и выразительных. Надо только научиться смотреть.

Областная универсальная научная библиотека на площади Волкова областного центра согласно Закону РФ «О библиотечном деле» и Закону Кемеровской области «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов» – центральная библиотека области. Это библиотека для всех, но и для каждого. Ее информационный имидж сложился и утвердился в борьбе за приоритеты и равноправное партнерство с другими библиотеками и информационными учреждениями области.

Светлое здание с колоннами и полукруглыми арками широких окон-витражей – одно из красивейших в небогатом на архитектурные излишества городе. Оно останавливает внимание в любое время года и дня – и в яс-

ные солнечные дни, и долгими зимними вечерами, когда так уютны и привлекательны ее ярко светящиеся окна.

Центральная библиотека Кузбасса основана в мае – июне 1920 года.

В конце 1919 – начале 1920 года развитие Сибири вступило в новую фазу – период культурного строительства. Основными организационными центрами библиотечного строительства в городах являлись библиотечные секции внешкольных отделов губернских отделов народного образования (уоно).

При Щегловском уоно библиотечная секция была создана 13 апреля 1920 года. На эту должность назначается бывшая учительница Н. Уварова. В своей докладной запис-

ке она отмечает, что в Щегловском уезде в прошлом существовало «...3 библиотеки: при обществе потребителей в Щегловске, железнодорожная – на ст. Топки и на Кемеровском руднике. Библиотеки же принадлежали частным организациям, а земской была одна библиотека, присланная Губернским земством в 223 экз. – исключительно беллетристика».

Н. Уварова, отчитываясь за сделанное в 1920 году, отмечает: «Получив такое бедное наследство, секция не могла сделать много. За все время существования отдела удалось организовать Центральную библиотеку в Щегловске с числом книг 1421 экз., 6 передвижных – с количеством книг от 125 до 139, по преимуществу, политического характера; положено начало организации 6 районных библиотек... После переворота (так в документе. – В. Л.) население повсеместно потянулось к свету знаний, отовсюду полились требования книг, литературы, открытия библиотек, но сделать почти ничего не удалось. Нет квалифицированных кадров, работу чаще всего совмещают или поручают члену культпросвета. На все просьбы, требования, даже мольбы, прислать инструкторов и работников, Губнаробраз отвечает отказом».

Центральная библиотека, созданная при участии Н. Уваровой, – ныне главная библиотека нашей области.

В документах отмечено, что отношение к открытию библиотеки – сочувственное.

Архивные документы свидетельствуют: 15 июня 1920 года на общем собрании членов Щегловской организации РКП(б) (протокол № 26) принято решение о передаче беллетристики в общеобразовательную библиотеку. На 3-й уездной конференции в докладе секретаря Щегловской партийной организации Чудинова К. Г. сообщается, что подобрана и открыта библиотека.

История переименований и изменения статуса библиотеки:

1920–1925 годы – Щегловская городская библиотека;

1925–1932 годы – Щегловская центральная городская библиотека им. Я. М. Свердлова;

1932 – июнь 1943 года – Кемеровская городская центральная библиотека им. Я. М. Свердлова;

июль 1943 года – Кемеровская областная библиотека; с 1972 года – научная.

В июне 1987 года библиотеке присвоено имя В. Д. Федорова – замечательного русского советского поэта, лауреата Государственных премий СССР и РСФСР, рождением, жизнью и творчеством связанного с городом Кемерово и Кузбассом.

В ноябре 1918 года Совнарком принимает декрет «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще». В Кузбассе из-за военных действий эти мероприятия проводятся в 1920 году. Архивные документы отражают эту непростую ситуацию в различных документах, в том числе и в письмах. Так, учитель М. Астратов 19 мая 1920 года пишет в хозяйственно-издательский отдел при отделе народного образования Мариинского уезда: «Убедительно прошу снять с меня полномочие о принятии на учет библиотек, кинематографов и пр., дабы избежать нежелательных для меня эксцессов с населением. Обязанность эту может с успехом выполнить местная власть».

Повсеместно органы народного образования проводили учёт и регистрацию всех частных библиотек и библиотек различных обществ. Постановление Томского губернского отдела народного образования от 20.05.1920 года указывает: «Взять на учёт всё книжное имущество, находящееся в

распоряжении уездных наробразов и различных организаций».

В большинстве эти книжные собрания были национализированы и послужили основой фондов многих вновь открываемых библиотек.

В редком фонде Кемеровской областной библиотеки бережно хранятся дореволюционные энциклопедии, труды по истории освоения Сибири, журналы по горному делу и другие издания из библиотек и частных собраний Томска, Мариинска, других городов.

С позиций сегодняшнего дня оценка всего, что произошло в те годы с библиотеками, – неоднозначна. С одной стороны, разрушительный процесс, как следствие революционных потрясений, принёс с собой невосполнимые утраты. С другой – впечатляет размах преобразований, произведённых в короткий отрезок времени. Создание библиотек следует рассматривать в одном русле с преобразованиями, приведшими к ликвидации неграмотности.

В начале 1920-х годов строительство библиотек стало делом государственной важности.

В 20–30-е годы Кузбасс формируется как мощная топливно-энергетическая база страны. Развитие промышленного потенциала края обусловило необходимость формирования квалифицированных инженерно-технических кадров и рабочего класса. А это, безусловно, способствовало возникновению и развитию библиотек – очагов общественного пользования книгой.

Органы новой власти создают свои библиотеки, понимая, что «...на коммуниста смотрят, как на человека всезнающего... а для этого необходимо подбором простых и понятных книг помочь ему в этом горе, введя его на путь сознательного самообразования».

Уездный исполком направляет срочное «Циркулярное письмо» в адрес волисполкомов, в котором требует «срочно прислать подходящих людей, даже, может быть, возвратившихся из Красной Армии, которые умеют бойко читать и по прочитанному рассказать, и таких здесь на курсах... могли бы подучить. Если нет таких, то присылайте и старых ваших библиотекарей, подходящих (не лодырей)».

Самая большая проблема – приобретение литературы. В Щегловском уезде, где положение было особенно тяжёлым, книги жертвовались, подбирались оставленные колчаковскими войсками, приобретались в Томске на толкучке и т. д.

В докладной записке о положении народного образования в Щегловском уезде зав. уоно В. Бехтерев одной из причин, являющейся тормозом в работе, называет «...существующий взгляд, что дело народного образования, являясь весьма необходимым для республики вообще, в данный момент должно уступить место другим боевым задачам». *Как нам это знакомо!* И далее он продолжает: «Чтобы хоть как-то направить работу, нужно несколько опытных организаторов и руководителей по всем отраслям народного образования... Ввиду исключительно тяжелого положения уезда, снабдить Щегловск в значительно большем количестве, чем другие города Сибири, учебниками, пособиями, бумагой, литературой как руководящего, так и агитационно-просветительского характера, театральными принадлежностями».

Во всех библиотеках проходит чистка фондов от устаревшей и контрреволюционной литературы, проводятся курсы политпросветработников. Факты, почерпнутые из документального массива эпохи, говорят о большой тяге к книге, знанию. Документы тех лет свидетельствуют: наибольшим спро-

сом пользуется классическая художественная литература, книги, дающие практические знания, и политическая литература.

Все дело внешкольного образования упиралось в большой процент неграмотности населения. Так среди жителей Щегловска в 1917 году на 3 с лишним тысячи населения было 869 человек грамотных.

С целью повышения культурного уровня народа в стране начинается кампания по ликвидации неграмотности.

Газета «Кузбасс» 20 февраля 1920 года пишет: «Приучить рабочую массу к систематическому чтению и, главным образом, руководить этим чтением – задача библиотек. Всякая организация, подбирающая библиотечных работников, должна запомнить, что быть библиотекарем – не значит быть просто грамотным. Такой библиотекарь будет напоминать собой приказчика, работа которого сводится к механическому (в большинстве, весьма скверному) обмену книг».

Самыми популярными формами работы городской библиотеки являются громкие читки, кружки: ликвидации неграмотности, самообразования, политграмоты; для более подготовленной аудитории – выставки к дням праздников и революционных торжеств, вечера памяти вождей, юбилеи писателей, театральные постановки.

Начальная стадия перехода к нэпу стала тяжким испытанием для библиотек. Большинство из них зимой 1921–1922 года были сняты с государственного бюджета.

В начале 1923 года 4-й съезд сибирских губернских экономических совещаний записал в резолюции по работе Сибнаробраза: «Разрешить частичную платность в библиотеках и музеях». Губполитпросвету было дано право в конце каждого месяца устанавливать плату, *в зависимости от курса золотого рубля*. 19 июня Сибревком принял постановление «О платности услуг

библиотек», суть которого заключалась в том, чтобы «разрешить губисполкомам по представлениям соответствующих губоно вводить платность в библиотеках, входящих в государственную сеть».

Центральная библиотека Щегловска организует платные мероприятия: лекции, театральные постановки, доход от которых шел на пополнение средств библиотеки. Были введены денежные залоги за взятую книгу, штрафные санкции. Массовое развитие получили платные лекции, юбилейные вечера, посвященные писателям, литературно-художественные кружки.

В 1925 году, когда библиотека стала центральной библиотекой города, фонд её составлял 3000 экз.; 420 читателям выдано 11760 экз. книг.

Город растёт: если на 01.01.1926 года его население – 12061 человек, то на 01.11.1926 года – 15530.

Однако Щегловск остаётся деревней, имеющей статус города. Так, «Кузбасс» (10.03.1925) сетует, что крестьяне не посещают библиотеку, так как книги выдаются членам различных организаций по поручительствам, а другим – под залог 3 руб. У крестьян таких денег нет. Из 494 читателей библиотеки крестьян – 10, рабочих – 13, служащих – 112; ими прочитано беллетристики – 638, детских книг – 408, научных – 68. В статье «Библиотека есть, а читателей нет» (25.03.1925) газета видит одну из причин небольшого количества читателей в том, что библиотека открыта всего 6 часов – с 13 до 19.

К концу 20-х годов библиотека продолжает наращивать свои фонды и расширять деятельность. Книги поступают из национализированных книжных складов, приобретаются у частных лиц. Для поддержания статуса центральной библиотеки уездный отдел народного образования при получе-

нии литературы один экземпляр передаёт в библиотеку.

Под девизом «Книгу – в массы» библиотека организует работу передвижек и книгоношеских пунктов, с помощью актива читателей распространяет рекомендательные списки литературы, проводит в рабочих бараках и клубах читательские конференции, вечера, громкие читки. Особое внимание уделяется обслуживанию ударников труда.

Посылая литературу через книгонош на квартиры ударников, сотрудники библиотеки вкладывали списки рекомендуемой для дальнейшего чтения литературы. Продвижению книг в массы способствовал энтузиазм самих рабочих-читателей.

Характерным явлением являлось приоритетное обслуживание рабочих-ударников, а затем – стахановцев. Спрос на литературу повысился, изменились формы пропаганды книги: вместо громких читок – литературные вечера и диспуты, читательские конференции и встречи.

Совещание библиотечных работников, проходившее в марте 1935 года, отмечает, что центральная библиотека имеет мало квалифицированных работников, недостаточные фонды: при 500 читателей – 2000 экз. художественной литературы. Эта ситуация объяснима сложным материальным положением библиотеки, поэтому Кемеровский горсовет 25 июля 1935 года принимает решение: «Считать нетерпимым дальнейшее пребывание центральной библиотеки в подвальном помещении, включить строительство помещения для нее и музея в контрольные цифры на 1936 год».

27 марта 1937 года к этой проблеме обращается зав. районо Никульков. В докладной записке председателю Кемеровского горсовета Токареву он пишет: «Районная библиотека (так в документе. – В. Л.)

в г. Кемерово находится в очень плохих условиях. Помещается в полуподвальном этаже здания Дворца Труда в 4-х маленьких полутемных комнатах. Через коридор находится врачебно-трудова экспертная комиссия. Коридор, через который читатели попадают в библиотеку, занят пенсионерами и больными. Такое расположение библиотеки не обеспечивает нормальных условий, а влияет в сторону уменьшения посещаемости читателей».

Основываясь на постановлении ЦИК СССР о библиотеках от 27.03.1934 года, районо решительно настаивает на немедленном переводе библиотеки в другое помещение, обеспечивающее условия для ее работы с читателями.

Заместитель председателя горсовета г. Кемерово Герасимов отвечает: «В настоящее время помещения, более пригодного для библиотеки, совершенно нет, потому и перевод библиотеки в др. помещение невозможен».

В последний предвоенный год библиотеке по-прежнему не хватает помещений для размещения фонда, обслуживания читателей, поэтому большинство мероприятий перенесены в передвижки. Так, из 994 громких читок – 932 проведены в передвижках. Были прочитаны: биография В. И. Ленина и рассказы о нём, биография М. Горького, «Поднятая целина» (к юбилею М. Шолохова), другие книги «о славном прошлом и героях».

Во время уборочной в культбригаду выделен библиотекарь, выпущено 16 стенгазет.

Учтены занимающиеся самообразованием – 15 чел., заочников – 5, изучающих историю ВКП(б) – 42 чел. Для них организован «Справочный стол», принимаются индивидуальные заявки на литературу по МБА из Новосибирской и Свердловской областных библиотек. Всего получено по

МБА – 246 экз.; из Свердловска и Новосибирска – 99 экз.

Штат библиотеки – 6 сотрудников, из них одна сотрудница имеет образование 5 классов, четверо (в т. ч. директор) – 7 классов и одна – среднее образование.

События Великой Отечественной войны серьёзно отразились на процессе развития библиотечного дела Кузбасса. Так, из 494 библиотек, имевшихся на территории будущей области в 1940 году, к 1945 году осталось 160.

Центральная библиотека была переведена из Дворца Труда в другое помещение, а на её месте разместились цеха эвакуированного завода «Карболит». Не хватало топлива, электроэнергии, квалифицированных кадров.

В сентябре 1941 года Наркомпрос РСФСР принял специальные постановления «О работе политико-просветительных учреждений в военное время» и «О работе массовых библиотек в военное время».

Началось обслуживание призывных пунктов, семей военнослужащих, госпиталей. Активизация всех форм работы позволила библиотеке в сложных условиях военного времени не только не сократить объёмы работы, но и добиться увеличения показателей.

Материалы отчётов библиотеки показывают преобладание нестационарных форм обслуживания. 43 передвижки решают целый ряд проблем обслуживания. Введение нестационарных форм позволило распределить влияние библиотеки на те категории населения, которые не имели возможности посещать библиотеку: это раненые в госпиталях, рабочие оборонных предприятий, колхозники. Читателей на передвижках в 1943 году – 2540; выдано – 14705 экз. книг.

Согласно сохранившимся архивным документам, библиотека получила статус обла-

стной в июле 1943 года. В Государственном архиве Кемеровской области имеется решение Кемеровского исполкома от 12 марта 1943 года № 39 об утверждении свода бюджетов области со сведениями о выделении на организацию областной библиотеки 100 тыс. рублей.

Распоряжением СНК СССР от 11.11.1943 года библиотека с 15 ноября 1943 года включена в перечень на получение платного обязательного экземпляра.

Структура вновь образованной областной библиотеки включает читальный зал, МБА, абонемент, отдел обработки и передвижной фонд. Штат – 7 сотрудников – не соответствует задачам областной библиотеки, согласно штатному расписанию должно быть 18 человек.

В течение 1943 года организована 81 выставка, 31 монтаж по темам: «О пяти красных маршалах», к дням рождения, юбилеям И. Сталина, К. Маркса, Дню памяти В. Ленина; «Наши великие предки: Суворов, Кутузов, Ледовое побоище»; «О великих людях русского народа: Пушкин, Горький, Салтыков, Чайковский...»; «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы». Проведено 377 громких чтоток, 8 лекций и докладов о международном положении, о событиях на фронтах Великой Отечественной войны. Проведён «День школьника» в городском саду. Систематически ведётся работа в помощь изучающим книгу И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

Оперативно пополняется доска «Последние известия» сводками Совинформбюро. Приходят рабочие, служащие, школьники, чтобы прочесть последние сводки, получить ответы. Всего массовыми мероприятиями обслужено 14197 человек.

В «Заключении по отчету Кемеровской областной библиотеки за 1-е полугодие 1943 года», подписанном зам. начальника

Управления библиотек Наркомпроса Кавтасьевой и старшим инспектором К. Пановой, читаем: «Кемеровская областная библиотека реорганизована из центральной городской библиотеки им. Свердлова. ...Библиотека занимает на окраине города маленький деревянный домик, состоящий из 3-х небольших комнат, соответствующих объему районной библиотеки...»

В аналогичном документе от 8.05.1944 года отмечено: «Работа библиотеки во втором полугодии улучшилась. Хорошо пополнился книжный фонд – 11053 экз. Проведена значительная работа с читателями по изучению и пропаганде книги товарища Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Библиотека провела значительную массовую работу: 112 книжных выставок, монтажей – 113, лекций, докладов, литературных вечеров – 23, громких чтоток – 377». Большая неукomплектованность библиотекарей приводит к ежедневной переработке сотрудников, так как в течение 12 час. (библиотека работает с 11.00 до 23.00) ведётся обслуживание. Вся внутренняя работа – за счёт переработок.

На пожелтевших страницах отчетов о работе библиотеки, приказов директора – будничная работа: комплектование, обслуживание, информирование читателей, выставки. По заявкам научных работников, докладчиков, специалистов, лекторов библиотекари подбирают литературу. Инвалиды войны обслуживаются лучшей литературой на дому. В адрес читателей, которые не могут посещать библиотеку, отправляются посылки с необходимыми книгами, их посещают на дому книгоноши. Так, инвалиду тов. Крумбергу – молодому поэту из Яи – выслано за год 6 посылок с книгами, кроме того, заведующая абонементом помогает комплектовать его личную библиотеку. Молодые рабочие учитываются отдельно, с ними на абоне-

менте проводятся индивидуальные беседы о прочитанном, выясняется, всё ли понято и не требуется ли консультация специалиста. Для учащихся 8–10-х классов организована «комната школьника».

И здесь же – трудная жизнь военного времени: ко дню 8 Марта за хорошую работу – благодарность, ордер на платье или юбку, плюс хлебная надбавка. В 1943 году библиотекой получено литературы – 11058 экз., по обязательному экземпляру – 421.

Другое открытие – как мало меняется суть библиотеки! В воюющей стране она, как и сейчас, – информационное, культурное, образовательное учреждение для читателей; методический, консультационный центр для библиотек области.

В августе 1944 года библиотека переведена в здание школы № 4 (р-н Соцгорода, ул. Октябрьская, 48). Здание школы каменное, отопление центральное. Помещение светлое, теплое. Большим неудобством для работы являются маленькие комнатки в 20–30 кв. м. Из 8 комнат только читальный зал имеет 118 кв. м. Общая площадь библиотеки – 320 кв. м. Книжный фонд – 34761 экз., читателей – 4232, посещений – 53375, выдано – 87812 экз.

«Счастливым сочетанием в улучшении массовой работы с читателями и широкими массами избирателей» считает директор библиотеки организацию в 1945 году при библиотеке Центрального избирательного участка по выборам в Верховный Совет и местные Советы. В ходе подготовки к выборам проводится работа по обслуживанию агитаторов и избирателей, организованы выставки, сделано 203 подборки литературы, проведено 12 чтоток. Для лучшего обслуживания организована система очередных заявок на книги; принято 1273, удовлетворено 1006 заявок. Большим спросом пользуется краеведческая литература.

Поражает число активистов библиотеки, только чтецов – 42 человека. Ими в общежитиях, цехах заводов, ФЗО, госпиталях проведено 336 групповых чтот, обслужено 7746 человек. Читали «Чайку» Н. Бирюкова; «Как закалялась сталь» Н. Островского; «Пётр I» А. Толстого; «Войну и мир» и, конечно, сводки Совинформбюро и газеты. Классические произведения перечитываются всегда и пользуются любовью.

В Книге приказов 1945 года список сотрудников, представленных к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»:

Гайдук Е. Я. – заведующая абонементом;

Подонина О. Я. – библиотекарь абонемента, работает в библиотеке 7 лет;

Целуйко Н. В. – заведующая читальным залом, в библиотеке – 9 лет. Выросла от «технической единицы» до должности заведующей читальным залом;

Гроссман Л. А. – с 1 февраля 1920 года – заведующая отделом обработки Николаевской детской библиотеки на Украине; в областной библиотеке – с 1 июля 1943 года.

В послевоенные годы работа библиотеки не претерпела значительных изменений. По-прежнему, среди главных задач – помощь трудящимся в изучении основ учения Маркса, Ленина, Сталина, участие в подготовке и проведении выборов; систематическое повышение идейно-политического уровня и деловой квалификации; широкая пропаганда и изучение программы восстановления и развития народного хозяйства и работа по повышению производственных знаний молодых рабочих кадров. Не забыты борьба за увеличение и закрепление читателей, доведение книги до каждой семьи, улучшение дифференцированного обслуживания читателей, сохранность и лучшее использование книжного фонда библиотеки.

Облплан, наконец, выделил пишущую машинку и, таким образом, разрешён вопрос размножения методических материалов.

В июне 1946 года Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР выделил для ОНБ 2000 экз. политической, естественнонаучной, художественной и др. литературы (Кузбасс. 1946. 8 июня). В сентябре того же года из Москвы поступило 20 тыс. экз. технической, художественной литературы, в т. ч. на иностранных языках.

Ещё острее встал вопрос о площадях для библиотеки. Так, газета «Кузбасс» в статье с красноречивым названием «Книжное кладбище» (1946. 20 окт.) пишет: «Книгохранилище библиотеки представляет собой настоящее книжное кладбище. На имеющихся полках стоит около 25 тыс. книг. «Навалом» на полу лежат 30 тыс. уже наполовину обработанных томов. В нераспакованных тюках находится около 20 тыс. книг. Они получены месяц назад из Госфонда. Сейчас в Ленинграде библиограф отбирает новых 22 тыс. томов... Ждать в течение 2-х лет каких-то полок и допустить, чтобы 50 тыс. томов лежали под спудом – это вовсе не значит по-большевистски заботиться о культурных запросах трудящихся. Необходимо разрешить вопрос о помещении для растущего библиотечного фонда».

В справке о работе библиотеки, направленной 22 декабря 1950 года члену бригады ЦК ВКП(б) С. С. Брыкину, директор библиотеки П. К. Савицкий пишет: «Помещение настолько мало, что нет возможности разместить имеющийся книжный фонд: книги сложены штабелями. Небольшой читальный зал ограничивает массовую работу. Существующий штат в 11 библиотекарей не позволяет обеспечить нормальную работу. Ответственных работников партийных, советских и комсомольских организаций очень мало интересуется работа областной библио-

теки... Не доходят руки до областной библиотеки и у работников отдела пропаганды и агитации ОК ВКП(б) и у Облисполкома».

И вот перед нами долгожданное решение исполкома Кемеровского городского Совета депутатов трудящихся № 293 от 4.07.1951 года «Об отводе земельного участка Кемеровской областной библиотеке для проектирования и строительства библиотеки». Исполком решает: «Отвести Кемеровской областной научной библиотеке земельный участок площадью в 5588 кв. м для проектирования и строительства здания Областной библиотеки на 500 тыс. томов по ул. Ворошилова № 11». Проектное задание составлено и подписано в июне 1952 года. Площадь застройки определена в 1510 кв. м, площадь здания – 3858,5 кв. м. Автор проекта – главный архитектор города В. А. Суриков.

Здание ставится на красной линии ул. Ворошилова, главным фасадом в сторону площади. С противоположной стороны – здание Горного института. В центре площади газон, в газоне по оси площади – монумент первооткрывателю недр Кузбасса – М. Волкову. Проектировалось не отдельно стоящее здание, а весь комплекс застройки площади, бывшей тогда заболоченным пустырём.

50-е годы в истории библиотеки – время становления и утверждения в статусе областной.

5 февраля 1950 года прошла отчётная читательская конференция. Она констатирует рост популярности библиотеки, избирает совет, куда входят представители партийных и советских органов, работники радио, преподаватели вузов. Конференция призывает исполкомы областного и городского Советов выделить библиотеке помещение, средства на оборудование, «проявить большевистскую оперативность» в разрешении этих вопросов. По рекомендации конференции библиотека открывает в городском

саду филиал – библиотеку-читальню, переносит выходной день на среду с тем, чтобы освободить его для проведения в библиотеке лекций, вечеров, читательских конференций.

Кузбасс бурно развивается, растёт спрос на краеведческую литературу. В 1959 году библиотека приступила к изданию текущих рекомендательных указателей «Литература о Кемеровской области», серии указателей технической литературы совместно с Домом техники.

Для коллектива библиотеки, «чтобы закрепить знания и использовать их в работе», организуются лекции «Об автоматизации и механизации производства», экскурсии на заводы, обзоры литературы о производстве пластмасс и технологии полиграфического производства. Выезжающие в сельские библиотеки знакомятся с памяткой о раздельной уборке урожая; преподаватели Горного института дают в читальном зале библиотеки консультации. Библиотека пропагандирует литературу по вопросам конкретной экономики. Составлен и разослан в библиотеки области рекомендательный список литературы «Пути снижения себестоимости продукции на шахтах Кузбасса». Большое внимание уделяется пропаганде литературы в помощь массовым профессиям. Книговыдача технической литературы растёт.

В 1953 году библиотека получила помещение для обслуживания читателей в жилом доме по ул. Весенней, 6; в 1956 году – в доме № 7, где были размещены городской и межбиблиотечный абонементы, отделы музыкально-нотной и иностранной литературы; создан сектор патентов и стандартов.

Переезд в центр сказался плодотворно в деятельности библиотеки, число читателей значительно выросло. Но, по-прежнему, книжные фонды хранятся в подвальных помещениях по четырём адресам.

- П.К. Савицкий – директор библиотеки в 1948–1955 гг.
- З.Ф. Шипицына – директор библиотеки с 1955 по 1981 гг.
- В.А. Никулина – директор библиотеки
- Книгоноши работают под девизом «Книгу в массы» – 1930-е годы

История в лицах

- Коллектив Щегловской центральной библиотеки – 1920-е годы.
- Начало 1950-х годов. Библиотекари Л.И. Цымбалова, Н.А. Спасская, З.Ф. Шипицына, С.А. Джуринова, В.П. Зубова, М.И. Васькина

Строительство здания библиотеки было начато в 1958 году; первый колышек вбит 3 марта. Пройдёт ещё 5 лет и библиотека впервые получит собственный, для неё построенный дом. Но зато какой – дворец!

Как поэму читаешь этот проект и удивляешься настойчивости и целеустремлённости наших предшественников. «Главный фасад решён в виде восьмиколонного портика коринфского ордера, ограниченного двумя пилонами с общим венчающим карнизом и общим цоколем. В целях придания фасаду большей пластичности и выразительности колонны выступают за пределы стены на $\frac{3}{4}$ толщины». Соответствует фасаду и внутренняя архитектура и отделка помещений.

2 октября 1963 года библиотека открылась. В новом здании 400 читательских мест, 11 специализированных залов и отделов, лингафонный кабинет, зал для чтения микрофильмов, отдел искусств с фонотекой.

С этого события началась эпоха «нового времени» Кемеровской областной библиотеки.

На длительное время задачи и характер работы библиотеки определило Постановление ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» (1959 год), наметившее широкий круг мероприятий.

В 1959 году введена единая запись (13501 читатель). В 1960 году внедрены открытый доступ к фондам и единый читательский билет. К этому времени фонд библиотеки достиг 378 тыс. томов, число читателей – 18 тыс. чел., книговыдача – 384 тыс. экз.

Библиотека всегда живет в меняющемся мире и чутко реагирует на изменения экономического, политического характера: пропагандирует литературу о великих стройках коммунизма и освоении целины, преимуществах кукурузы на полях Кузбасса и проблемах химизации сельского хозяй-

ства; приветствует Стокгольмское воззвание сторонников мира и собирает подписи в его защиту, проводит читательские конференции совместно с библиотекой КЭМЗ «Скоростное и силовое резание металлов» и цикл мероприятий в помощь экономическому образованию трудящихся.

Сотрудники библиотеки организуют на предприятиях и в организациях города, области дни специалиста, дни информации, выступают в цехах заводов города и на полковых станах хозяйств Кемеровского и Топкинского районов с беседами «Превратим Кузбасс в край высокой культуры», «Решения... съезда партии – в жизнь» и на другие общественно значимые темы.

Высокий уровень работы библиотеки, ее авторитет – достижение всех тех, кто преданно и самоотверженно работал в библиотеке в период её рождения, становления и развития.

С уважением и признательностью называем мы имена руководителей Щегловского уездного отдела народного образования, стоявших у истоков создания библиотек нашего города и, прежде всего, Кемеровской областной, – Н. Уварову и В. Бехтерева.

Первый директор, о котором у нас есть достаточно достоверные сведения – Маслова Екатерина Николаевна (1938–1948 годы). Директором Кемеровской центральной библиотеки назначена в 1938 году; до этого времени работала в библиотеке клуба Химстроя, образование – 7 классов и спец. курсы библиотекарей.

Пётр Константинович Савицкий (1948–1955 годы) – фронтовик, инвалид войны. Те, кто помнят его, говорят о поистине рыцарском служении Библиотеке. Отчёты о работе библиотеки, публикации в газетах, в т. ч. и цитируемые нами, подтверждают – директор областной библиотеки «стучится во все двери», защищая интересы её читателей.

Благодаря его настойчивости и преданности проблема строительства здания библиотеки была решена.

Строительство начала и довела до конца его преемница – Зинаида Фоминична Шипицына (1950–1981 годы). По характеру и судьбе Зинаида Фоминична – из поколения строителей и созидателей. Она была проектировщиком, строителем и прорабом на строительстве нового здания и пристройки библиотеки. В конечном итоге, именно её инициативе и подвижничеству обязан город Кемерово прекрасным дворцом – зданием областной библиотеки, украсившим его.

Когда в октябре 1963 года библиотека открыла свои двери, стало ясно, что здание уже мало для размещения быстрорастущих фондов и организации обслуживания. Началась эпопея проектирования и строительства пристройки, завершить которую в 1988 году выпало преемнице и ученице З. Ф. Шипицыной – Л. М. Храмовой.

Главным технологом библиотеки – заместителем директора – стала в 1954 году Валентина Петровна Зубова (1950–1981 годы). Закончила вместе с З. Ф. Шипицыной Ленинградский библиотечный институт и была распределена в областную библиотеку, где проработала 31 год.

Нина Алексеевна Спасская (1948–1968 годы) приехала по распределению после окончания Московского библиотечного института, стала первым специалистом со специальным высшим образованием.

За 88 лет существования Кемеровской областной библиотеки её школу прошли сотни специалистов – ярких и талантливых личностей: руководителей, библиотекарей, библиографов, методистов...

В 1920 году Н. Уварова писала, что нет квалифицированных кадров для работы в библиотеке. И так было на протяжении многих лет. Все переменялось в послевоенный

период. Начиная с 1950 года, штат областной библиотеки систематически пополнялся выпускниками Московского и Ленинградского библиотечных институтов. Л. В. Шеленко, А. В. Буровцева, Т. И. Шалыгина, С. Е. Семенкин, Т. Я. Голубева и многие другие стали настоящими профессионалами и патриотами Кемеровской областной. Затем кадровый корпус библиотеки пополнялся и ширился за счет выпускников заочных факультетов столичных библиотечных вузов. Среди них С. А. Джуринова, Г. И. Бадаева, Л. И. Ионова, К. В. Другова, Г. А. Ткаченко, Г. А. Драчева, М. С. Воракунто, Н. А. Червова и многие другие.

Библиотека притягивала в свой особенный мир и людей, первоначально избравших другие профессии. Прежде всего, это, конечно, педагоги. Многие из них прочно и надолго связали себя с библиотечной работой. А. С. Редькина, педагог-историк, с 1960 года на протяжении без малого двух десятков лет была квалифицированным библиографом и одним из самых уважаемых и любимых в коллективе работников. Десятилетия отдали Кемеровской областной библиотеке Л. В. Шалаева, Л. С. Явкина, В. В. Спецова.

С 1973 года Областная научная библиотека получила надежный источник пополнения кадров: состоялся первый выпуск библиотечного факультета Кемеровского государственного института культуры и начался долговременный творческий союз библиотеки и вуза. Союз плодотворный, это видно уже хотя бы из того, что его выпускницы Л. М. Храмова, Т. М. Смольская, В. А. Никулина стали достойными преемницами З. Ф. Шипицыной на директорском посту. И было достроено библиотечное здание, и развивается библиотека.

Групповой портрет коллектива библиотеки представлен в экспозициях музея истории

библиотечного дела Кемеровской области, открытого в год 85-летия библиотеки.

Материалы музея позволяют увидеть библиотеку на фоне культурной жизни города, уловить атмосферу времени, его интонацию. Каждый документ отражает дух и стиль времени. Собранные вместе, они обретают смысл, они перекликаются или, наоборот, контрастируют друг с другом, и в результате рождается рассказ о жизни библиотеки.

Экспонаты в музее воспринимаются уже не как «информационный ресурс», а как живое, материализованное в книге и документе свидетельство о мгновениях действительности и бытовании в нем человека – читателя и библиотекаря.

Не всё было легко и гладко, но, вспоминая трудные послевоенные годы восстановления и строительства, 60–70-е – годы создания новых библиотечных систем, 80–90-е годы перестройки и обновления, мы отмечаем, что в Кузбассе развитию культуры всегда уделялось внимание, и с благодарностью вспоминаем имена руководителей, которые помогали библиотеке, создавали режим благоприятствования: секретарей обкома КПСС – З. В. Кузьмину, П. М. Дорофеева, заместителей председателя облисполкома Н. Я. Мирошниченко, Г. В. Корницкого, руководителей отрасли культуры последних 50 лет – А. М. Лыткина, И. Л. Курочкина, В. И. Бедина.

В бурные, безденежные 90-е годы совместными усилиями Администрации области, департамента культуры удалось сохранить сеть библиотек, в условиях финансового кризиса – не разрушить сложившуюся систему библиотечного обслуживания населения Кузбасса.

Одним из важнейших условий развития образования, науки и культуры в Кемеровской области, ее социально-экономического

прогресса является возможность оперативного получения нужной информации, которая может быть обеспечена только через систему общедоступных библиотек при развитии и внедрении в них новейших информационных технологий.

В октябре 1997 года принят Закон Кемеровской области «О библиотечном деле и обязательном экземпляре документов» (среди его разработчиков – специалисты Кемеровской ОНБ). Закон создает правовую базу для сохранения и развития библиотечного обслуживания населения области, которое реализуется через исторически сложившуюся сеть – 1980 библиотек всех правовых форм и форм собственности: профсоюзных, вузовских, школьных, технических, медицинских и других.

К инициированным президентом В. В. Путиным четырем национальным приоритетным проектам по инициативе губернатора области А. Г. Тулеева в Кузбассе разработан и успешно реализуется проект «Культура». Цель реализации проекта – социальная поддержка работников культуры, формирование мощной системы стимулирования и поощрения активных, талантливых деятелей культуры и искусства, укрепление материальной базы, модернизация учреждений культуры, в т. ч. подключение библиотек к сети Интернет и широкое внедрение информационных технологий, создание, прежде всего, на селе и в малых городах модельных библиотек.

Областная библиотека – методический и научно-исследовательский центр для библиотек региона. Как методический центр библиотека участвует в формировании региональной библиотечной политики. Здесь рождаются концепции, идеи, правовая и нормативная документация. Библиотека – инициатор создания профессионального объединения библиотекарей «Некоммерческое

библиотечное партнёрство». Это позволяет библиотекам утвердиться в качестве полноправных членов республиканского и мирового библиотечного сообщества, более тесно сотрудничать с Российской библиотечной ассоциацией и через неё влиять на библиотечную политику.

Признанием заслуг библиотеки явились ее участие в конкурсе газеты «Культура» и звание лауреата в номинации «Лучшая библиотека года», признание Международным институтом «Открытое общество» Кемеровской областной научной библиотеки «Модельной публичной библиотекой», победы в различных конкурсах проектов и программ модернизации библиотеки.

Кемеровская областная научная библиотека – крупнейшая библиотека Кемеровской области по фондам, объемам и доступности оказываемых услуг, по количеству категорий читателей.

В фонде библиотеки – 2,35 млн экз., в т. ч. 2,33 млн – печатные издания, 1,8 тыс. – электронные, 16,1 тыс. – аудиовизуальные, 48,4 тыс. экз. – на иностранных языках и языках народов РФ.

Предмет особой гордости – редкая книга: прижизненные издания классиков русской литературы, книги по истории освоения Сибири, справочные и периодические издания XVIII–XX веков.

Среди раритетов: **рукописный Месяцеслов**; том полного собрания всех **сочинений А. П. Сумарокова (1781)**; **Крашенинников С. Описание земли Камчатки (1786)**; **Головачев П. Сибирь. Природа. Люди, жизнь. Со многими рисунками и двумя картами (Изд-во И. Д. Сытина, 1905)**; **Исследование свойства и причин богатства народов. Творения Адама Смита (1802. Т. 1)**; **Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири.**

Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее (1882) и др.

В редком фонде представлена *личная коллекция книг губернатора области А. Г. Тулеева* – более 1400 экз. подаренных им библиотеке уникальных изданий, большинство из которых – с автографами авторов.

Пользователями библиотеки являются более 58 тыс. человек, штат библиотечных работников – 126 человек, из них 81 процент имеет высшее профессиональное образование.

В библиотеке созданы условия для комфортной работы, читальные залы оснащены всем необходимым, два зала отведены для проведения встреч, вечеров, занятий клубов, просмотра кинофильмов. Широко известны в городе заседания клубов: «Кемеровский виноградарь», документального кино «Свет», садоводов-любителей, любителей старины; концерты в Малой филармонии, художественные выставки, презентации, юбилейные вечера...

Сегодня ОНБ располагает парком компьютерной (153) и копировальной техники (34), сетевым и мультимедийным оборудованием.

Более 100 видов услуг оказывает библиотека. Бесплатными услугами и юридическими консультациями публичного Центра правовой информации пользуются не только читатели библиотеки, но и жители города. На базе Центра организована волонтерская служба студентов юридического факультета КемГУ, работает клуб защиты прав потребителей «Перекресток».

Библиотекой совершен прорыв от автоматизации отдельных процессов к созданию автоматизированных библиотечных систем, созданы базы данных по проблемам краеведения, экономики, права. Ведутся полнотекстовые базы данных.

Электронная почта используется с 1993 года, отдел межбиблиотечного абонемент

работает в режиме электронной доставки документов с библиотеками города, области и России.

Получил поддержку проект создания Центра открытого доступа к Интернету. В компьютерном классе, созданном для предоставления доступа (в т. ч. и безвозмездного) к сети Интернет, проводятся занятия. Программа Unlimited Potential предлагает пользователям широкий выбор учебных курсов «Основы работы с компьютером», «Основы работы с базами данных» и семинаров, направленных на совершенствование профессиональных навыков пользователей библиотеки. Доступ к сети Интернет обеспечен во всех подразделениях библиотеки.

Реализуется проект «Электронный архив краеведческих периодических изданий» по организации доступа к региональным краеведческим ресурсам, сохранности краеведческих фондов библиотек области, которые являются историческим источником и информационным ресурсом Кузбасса.

Участие ОНБ в международном проекте «KNOWLEDGE» – Кузбасская компьютерная сеть для работы в библиотеках в режиме он-лайн» – позволяет привлечь библиотеку к работе в системе дистанционного образования. В целях обучения пользователей свободной навигации по ресурсам библиотеки и Интернет разработан комплексный пакет гибких обучающих программ.

Получили поддержку Президентского фонда, фонда МК РФ, института «Открытое общество» проекты создания Единого центра каталогизации, Центральной справочной службы, Публичного центра правовой информации. Для жителей города, не являющихся пользователями библиотеки, организовано обслуживание в доконтрольной зоне – сервис-центре, где можно получить разнообразный спектр услуг, доступ к сети Интернет, электронному каталогу библиотеки.

Статус центральной библиотеки области и сегодня определяет основные направления деятельности библиотеки как регионального научно-исследовательского и методического центра. Здесь вырабатываются концепции развития библиотек, их модернизации, анализируются инновационные процессы.

Ежегодно библиотека издает более 10 наименований изданий.

Ежеквартальный указатель «Литература о Кемеровской области» (с 1959 года), «Библиотечная жизнь Кузбасса» (с 1993 года), «Календарь знаменательных и памятных дат по Кемеровской области» (с 1966 года), «Ежегодный доклад о деятельности библиотек Кемеровской области» (с 1996 года), Справочники-путеводители по библиотекам Кузбасса. Их электронные версии представлены на сайте библиотеки.

Единое информационное и библиотечное пространство России и мира – реальность, не подвластная никаким экономическим изменениям. Не прерываются творческие, профессиональные связи с библиотеками России, иностранными коллегами. Через издание областной библиотеки «Библиотечная жизнь Кузбасса» идёт активный обмен идеями, планами.

Мы не можем позволить себе быть именинниками прошлого. Мы активно работаем в настоящем для будущего.

Библиотека вступила в новое тысячелетие, в котором она будет жить и развиваться как мощный информационный центр, использующий новейшие технологии, как современный центр образования и досуга для всех жителей области и, самое главное, как центр сохранения и развития культурно-исторического наследия Кузбасса.

Соответствие библиотеки реалиям сегодняшнего дня оценивается ее востребованностью современным пользователем.

Анатолий ЛОПАТИН

НОВАЯ КНИГА О ГОРОДЕ

В начале было слово. И слово это было произнесено в конце декабря 2006 года в мастерской художника Василия Кравчука. На встрече присутствовал Григорий Шалакин, известный кузбасский журналист, хозяин мастерской и я. Завели разговор о приближающихся юбилейных датах – 65-летию Кемеровской области и 90-летию областного центра. Вспомнили Ивана Алексеевича Балибалова, летописца города, его книгу «Кемерово: вчера, сегодня, завтра». Вспомнили, что в 2007 году исполняется 25 лет, когда в последний раз, еще при жизни И. А. Балибалова, вышло 5-е издание его книги. Тогда в оформлении книги принимал участие Василий Кравчук. Решили, что было бы неплохо каким-то способом продолжить летопись города. Поручили мне переговорить с руководством города по этому вопросу.

В начале 2007 года такой разговор состоялся с главой города В. В. Михайловым, его заместителями В. М. Цыганковым и И. Ф. Федоровой. На этой встрече были решены все организационные и финансовые вопросы, сроки издания книги.

После встречи, теперь уже как будущие авторы, структуру будущей книги мы определили как строго документальную. Решили использовать архивные документы администрации города, газетный материал, воспоминания горожан, причастных к строительству города.

Мы исходили из того, что с 1982 года в истории города, как и в целом в истории

страны, произошло немало важных событий, которые существенно повлияли на развитие города, на жизнь кемеровчан. Нам было важно показать в этой книге, какой ценой выстоял наш город в 90-е годы прошлого столетия, годы лихолетья, и не только выстоял, но и вырос, похорошел, стал одним из благополучных и процветающих городов не только Сибири, но всей Российской Федерации.

Нашему городу 90 лет. Это, наверное, самый молодой столичный город России. Сотни тысяч россиян родились в нашем городе, они творили и продолжают творить его историю. Наш город похож на неоконченную книгу. Первый летописец нашего города И. А. Балибалов в своей книге приводит такой факт. В одной из томских газет была напечатана следующая заметка: «Кто-то из горожан распустил слух, что Щеглово будет городом. Вряд ли это сбудется... Село Щеглова Щегловым и останется.» Автор заметки ошибся. Мы, кемеровчане, построили свой город и продолжаем писать его историю.

Книга «Кемерово. С любовью к городу» вышла в Кемеровском рекламном-издательском доме «Книга» в ноябре 2007 года. Составитель книги – Г. Шалакин, художественный редактор – заслуженный художник России В. Кравчук, материалы к книге готовили А. Лопатин, Е. Прокопьева, Д. Шалакин.

18 декабря 2007 года в Театре для детей и молодежи состоялась презентация этой книги.

Х. А. ИСХАКОВ,

доктор технических наук, профессор

ПАМЯТЬ О ЛЕТОПИСЦЕ КЕМЕРОВА

Областной краеведческий музей и администрация города Кемерова выпустили сборник «Летописец города Кемерова», посвященный памяти Ивана Алексеевича Балибалова. Прочитал книгу, как говорится, от корки до корки и только потому, что невозможно оторваться, хотя многое – и люди, и события – знакомо.

В июне 1957 года в Кемеровском совнархозе состоялось совещание, посвященное сырьевой базе коксования коксохимических производств Кузбасса. Из Томского политехнического института был приглашен профессор И. В. Геблер – мой научный руководитель. Я как аспирант тоже поехал – хотелось быть в курсе событий.

В президиуме сидели первый секретарь Кемеровского обкома партии Пилипец, московский профессор, углепетрограф Аммосов, известные мне по газетам Герои Социалистического Труда П. Кокорин и В. Кожевин. Разве мог я тогда полагать, что через каких-то 8 лет буду работать в КузПИ, возглавляемом тогда Кокориным и позже Кожевиным.

В зале присутствовал директор КМК Жеребин, горячо отстаивавший интересы коксохимиков. А интересы были вот какие. В Кузбассе обогащение углей для коксования только-только начинало внедряться. В 1954 году ТПИ выпустил разом свыше ста инженеров-обогащителей, распределили их по всем угольным бассейнам страны, а затем вместо факультета выпуск обогащителей сосредоточили лишь на одной кафедре.

На коксование шли в основном угли без обогащения, была лишь ручная породовыборка на угольном конвейере. Металлурги требовали

селективной (раздельной) выемки наименее зольных угольных пластов. Но так как в шахтах, как правило, происходит добыча нескольких пластов, то, естественно, селективная выемка шахтерам была невыгодна, а в основном даже невозможна. Совещание свелось к ППР (посидели, поговорили, разошлись).

Моя давняя болезнь – равнодушие к литературе – затянула в книжный магазин на углу улицы Кирова и проспекта Советского. В магазине, недалеко от выхода, за небольшим столом сидел мужчина средних лет, рядом кипа книг под названием «Кемерово». Распространителем книги был сам автор И. А. Балибалов, худенький, скромный человек, точно такой, как изображен на фото в книге на странице 73. К сожалению, больше мне с Иваном Алексеевичем встречаться как-то не пришлось, хотя с ноября 1965 года я проживаю в Кемерове.

В те времена почти все взрослое мужское население страны состояло из бывших фронтовиков, были они в послевоенные годы и среди студентов. Однако в лице И. А. Балибалова за столиком сидел герой войны, обладатель полководческого ордена Александра Невского. Откуда было знать? После Победы прошло всего 12 лет, фронтовикам никаких льгот, никаких подарочных автомобилей, шли пятилетки восстановления страны.

Для меня в книге оказалось много знакомых и близких людей. Вот семейная фотография бывшего директора Кемеровского коксохима Бориса Сергеевича Филиппова, лауреата Сталинской премии. За что? Пековые печи более 6 месяцев эксплуатации не выдерживали, а после внедрения новой технологии, им пред-

И. А. Балибалов

ложенной, стали работать в течение двух лет. Новинка быстро прижилась на всех коксохиммах страны.

На днях по телефону разговаривал с Борисом Сергеевичем; с 1951 года он живет в Москве, сейчас ему 97 лет, однако ясный ум, нормальный слух – получился приятный разговор. А звонил я ему опять-таки после прочтения книги о Балибалове. В ней часто упоминается бывший главный инженер Кемеровского КХЗ Иван Иванович Лоханский. В моей библиотеке имеется два издания (из трех) его книги о коксохимическом производстве. Лоханский – единственный инженер, будучи главным на заводе, написал прекрасный учебник, одобренный академиком В. М. Ипатьевым. Вот и звонил Б. Филиппову: знает ли он Лоханского. «Как не знать, я при нем начинал работать после окончания Томского индустриального института».

Сверлит голову мысль – есть ли портреты и памятные доски на нашем заводе, посвященные ушедшим и ныне здравствующим великим

коксохимикам Ивану Лоханскому, Борису Филиппову, Виктору Коминову, Макару Рытенкову? Если нет, надо сделать, восстановить музей. С этим словом обращаюсь к выпускникам политеха Е. Кошелеву, Б. Булаевскому, Н. Назаровой и многим другим, которые еще помнят меня, а я хорошо помню послевоенный «батальон» кемеровских коксохимиков. Да ведь и Балибалов начинал с коксохима.

В книге упоминается Даниил Оречкин, крупный инженер-химик, впоследствии автор работ по молекулярной структуре углей. Близким товарищем Балибалова был декан химического факультета КузПИ Константин Иванович Шутов – замечательный, душевный человек, фронтовик.

Воспоминания о Балибалове написаны его дочерью Д. И. Балибаловой, в них находишь и своих знакомых, а также коллег. Вот фото группы фронтовиков (стр. 58) – первый слева в полковничьем мундире бывший многолетний парторг КузПИ Петр Михайлович Новожилов. На странице 60 Д. И. Балибалова очень тепло пишет о Крелии Ивановне Воробьевой – доценте КузПИ, фронтовичке, женщине с сильным характером. Могу лично подтвердить, что у Крелии Ивановны был не только сильный характер, но и доброжелательность к окружающим.

Поэт Г. Е. Юров назвал И. А. Балибалова государственным человеком (стр. 82). Да, это действительно так: больших постов не занимал, но жил нуждами города, области, страны, переживал политические и хозяйственные неудачи, не страдал черной завистью к коллегам по перу, высоко ценил А. Волошина: «Главной фигурой у нас остается Александр Волошин...» (стр. 86). Кемеровские писатели, журналисты, музейщики раз в два года устраивают Балибаловские чтения. Считаю, что надо подумать о Дорофеевских чтениях: Петр Михайлович Дорофеев был одним из немногих партийных деятелей, внимательных к человеку. Предложение о Дорофеевских чтениях направлено мною в Совет ветеранов области. Прошел год, в Совете думают.

Петр ЛАВЛИНСКИЙ

КОМАНДИРЫ УГОЛЬНОГО ФРОНТА

Этой публикацией мы возвращаем в литературный и историографический обиход документальные очерки известного в Кузбассе журналиста и ученого Петра Ивановича Лавлинского, выпустившего свою книгу двадцать лет назад. Сейчас нет в живых ни автора, ни большинства его героев, сыгравших большую роль в развитии угольной промышленности Кузбасса. Книга «Командиры угольного фронта» (Кемерово, 1988) стала свидетельством о жизни и труде знаменитых представителей шахтерской гвардии, чьи имена всегда нам будут дороги. Это Василий Иванович Бажанов, Иван Васильевич Парамонов, Николай Андреевич Чинакал, Александр Николаевич Задемидко, Андрей Савельевич Стугарев, Владимир Ильич Воробьев, Петр Иванович Кокорин, Николай Иванович Линденау, Александр Андреевич Сурначев, Яков Яковлевич Гуменник, Алексей Никифорович Белопол... И другие.

Сегодня мы представляем командиров угольного фронта Кузбасса, чьи биографии наиболее тесно связаны с девяностолетней историей города Кемерово. Это Владимир Григорьевич Кожевин и Владимир Павлович Романов, которого по праву называют «шахтерским маршалом». Имя Романова носит фонд «Шахтерская память», которым руководит Михаил Иванович Найдов.

НЕУКРОТИМЫЙ КОЖЕВИН

Открывая калитку легкой металлической ограды, опоясавшей старый особняк с овальными окнами, я невольно вспомнил свое далекое детство. По пыльной, исчерченной ободьями тележных колес дороге мы, мальчишки, постоянно бегали в школу мимо этого особняка. Укрытый тополями и густой акацией, он представлялся необыкновенно таинственным. Еще большую робость вызывал его хозяин, дядька здоровенный, с виду суровый, с

наголо бритой головой. Завидев его, мы задавали стрекача.

Не утерпев, рассказываю об этом Владимиру Григорьевичу. Он заразительно смеется и гостеприимно приглашает в дом.

Хозяину перевалило за семьдесят пять, но выглядел необычайно свежо и бодро. Говорил энергично, подкрепляя слова резкими жестами рук:

— Сколько сейчас шумят: выбросить щитовую систему! А позволительно спросить, что взамен? Пока ни-че-го! Совершенствовать ее надо, бороться с потерями. Да и открытчикам уже пора поаккуратнее относиться к выемке коксующихся углей. Зачем их валить в один отвал с рядовыми. На кафедре мы только что рассматривали возможность отдельной выемки угля для металлургов и

В. Г. Кожевин

энергетиков. Это же безобразие – коксовыми углями котлы топить!

Теперь уже не восстановить всех деталей того разговора – времени прошло довольно много, но убежденность и страстность профессора Кожевина памятна.

...В Егозовском управлении треста «Кузбассшахтопроходка» сложная ситуация. Из-за обильного притока воды остановилась проходка блочного ствола для шахты «Октябрьская». Начальник управления А. И. Филиппов обратился к Кожевину:

– Выручайте, Владимир Григорьевич, тонем.

Кожевин не заставил себя долго ждать, собрал специалистов – и в Ленинск-Кузнецкий. Обстановка на шахте была действительно угрожающей – каждый час на проходчиков обрушивалось более четырехсот кубометров воды. Но умудренные опытом гости нашли выход: нужна предварительная цементация горных пород. А вскоре были готовы

необходимые расчеты и рекомендации. Фронт работы проходчикам был открыт.

Этот пример – далеко не единственный. Кафедра строительства горных предприятий Кузбасского политехнического института изучила физико-механические свойства горных пород на полях шахт и разрезов Кузбасса. Имея эти данные, проектировщикам совсем не трудно выбрать способы управления кровлей в проектах реконструкции шахт «Распадская», «Капитальная», «Судженская», «Бирюлинская».

– Глядишь, – улыбается Владимир Григорьевич, – и не будут проектировщики мраморные колонны рекомендовать для крепления, что-нибудь полегче да подешевле подберут.

И все же главную свою задачу профессор видел в другом – воспитании толковых инженеров. Он, помнится, даже Чернышевского цитировал: «...знание возбуждает любовь: чем больше знакомишься с наукой, тем больше любишь ее». Смотреть в корень, быть творчески мыслящим – аксиомы педагогического поприща ученого. Не этим ли объясняется, что на кафедре Кожевина проблемные для бассейна научные исследования всегда составляли неотъемлемую часть учебного процесса, а многие дипломные проекты оценивались как научные работы?

Полувековая хозяйственная, инженерная и научная нива Владимира Григорьевича Кожевина дала завидный урожай. С гордостью называют его своим учителем главный инженер треста «Таштаголшахторудстрой» В. К. Ширяев, главный инженер комбината «Кузбассшахтострой» П. С. Сыркин, управляющий трестом «Проконьевскшахтострой» В. В. Трофимов, кандидаты наук из ВостНИИ В. И. Чикунев, В. И. Климов, главный маркшейдер ВПО «Кузбассуголь» Л. А. Западинский.

– Мы все учились у Владимира Григорьевича самоотдаче, принципиальности и шахтерской мудрости, – говорит бывший начальник комбината «Кузбассуголь», Герой Социалистического Труда В. П. Романов. – Щедро и искренне делился он с

молодежью багажом знаний, накопленным за полвека сложной и беспокойной шахтерской жизни.

Воспоминания накатываются волнами... Память зовет остановиться, оглянуться назад... Осмыслить... Когда это все начиналось? Может быть, в середине тридцатых, когда он уходил вместе с будущим академиком И. П. Бардиным в отроги Горной Шории на поиски железной руды? А может, чуть позже, на шахте «Северная», когда впервые почувствовал уверенность в своих силах...

...Они стояли по разную сторону стола и минуту-другую внимательно разглядывали друг друга. Один изучающе, другой твердо и прямо. Перед Александром Николаевичем Задемидко, главным инженером шахты «Северная», стоял плотный широкоплечий мужчина. В свои тридцать он выглядел внушительно. Спокойно, с достоинством рассказал о своей сравнительно короткой трудовой жизни. Политехнический техникум в Томске... Геологическая экспедиция в Горной Шории... Индустриальный институт... Проектная контора... Преподавание в техникуме... Теперь направление заместителем главного инженера шахты...

«Северная» для Кожевина оказалась крепким орешком. Условия сложные, метана много, нарушения. Кожевин быстро вписался в коллектив горняков – работы не боялся, от решения сложных дел и ответственности не уходил. Внешне суровый и немногословный, он охотно шел туда, где требовалась помощь. Умел и спрос учинить отменный. Первым делом за соблюдение технологической дисциплины.

– А как по-другому? – пояснил он. – За газом и пылью глаз да глаз нужен. Чуть проморгал – жди беду. Наука тогда только подбиралась к секретам борьбы с метаном, угольной пылью. Не знали шахтеры толком и механизма внезапных выбросов, а это тоже сигнал катастрофы. Оставалось единственное: четкое соблюдение дисциплины, паспортов, инструкций. Уверен, поэтому и не знала шахта многие годы серьезных аварий.

Владимир Григорьевич считает себя счастливым человеком потому, что с первого шахтерско-

го перекрестка судьба многократно сводила его с А. Н. Задемидко.

– Удивительно интересный и разносторонний человек Александр Николаевич. Сочетание высокой культуры и широкой инженерной эрудиции с несгибаемой волей и требовательностью. С «Северной» его назначили начальником комбината «Кузбассуголь», а я стал главным инженером шахты. После нам не однажды приходилось работать рядом – в Осинниках, комбинате «Кузбассуголь». Некоторое время были, как говорится, на равных – заместителями министра. И в Кемеровском совнархозе вместе трудились: Александр Николаевич – председателем, я – его первым заместителем.

Тепло и душевно вспоминает Владимир Григорьевич о начальнике шахты «Северная» Анатолии Акимовиче Демьяненко, который еще в 1917-м стал членом партии и с тех пор находился на руководящей хозяйственной и партийной работе.

Многим казалось, что Кожевин, открыто и, на первый взгляд, настойчиво выступив против применения врубовых машин на мощных крутопадающих пластах, просто проявляет свое упрямство. Сверху, из треста «давили», а он упорствовал, доказывая, что уголь мощных пластов мягкий, легко отваливается, нарушает крепление, делает врубовку малоэффективной. Неизвестно, чем бы кончился этот спор с трестовским начальством, но «выручила» беда. В одну из смен лава села, накрыв породой машину. Получил травму помощник машиниста. Кожевин ходил темнее тучи, а в кабинете Демьяненко разрядился:

– Пусть со мной делают что хотят, а все врубовки я приказал убрать из шахты. Не годится для нас такая техника.

Тогда же впервые на Кемеровском руднике Кожевин предложил применить закладку. Легче стало управление кровлей, уменьшилась опасность самовозгорания угля, сократились его потери. В декабре 1940 года газета «Угольная промышленность» отметила, что «организация закладочного хозяйства на шахте «Северная» позволила начать

эксплуатацию пласта, который долгое время был законсервирован».

На слете ветеранов труда Рудничного района Кемерово я познакомился с бывшим забойщиком, а потом парторгом и начальником шахты Ф. В. Спириным. В свои почти восемьдесят лет он выглядел внушительно. Высоченный, широкоплечий, ну прямо Илья Муромец. А говорил на удивление мягко, когда вспоминал прошлое, от каждого слова так и веяло теплотой. Вспомнил Федор Васильевич и о Кожевине.

– Помню, как он вручал нам значки «Отличник социалистического соревнования». В то время эта награда высоко ценилась среди шахтеров. Гремит оркестр, цветов – море: праздник настоящий. Награждается бригадир Прасковья Ивановна Герасимова. В низком поклоне склоняется перед ней с виду такой недоступный и гордый Кожевин и душевно благодарит Прасковью Ивановну за усердие и мужество. Тогда на шахтах еще работало немало женщин. Они спускали в выработки лес, грузили породу и уголь. Что и говорить, дело они выполняли тяжелое, мужское.

Здесь, на «Северной», обозначилась твердая жизненная позиция Кожевина, основу которой составляли новаторский поиск, оперативность и настойчивость в решениях, обязательность и твердая воля в достижении поставленной цели. Последнее Владимир Григорьевич никогда не ставил в зависимость от обстоятельств.

– Раз тебе доверено руководство людьми и производством, кровь из носа, а обеспечить работу так, чтобы все было задействовано на выполнение конкретной задачи. В наших условиях первое – это план добычи угля. За него – спрос по самому крупному счету, и в первую очередь с руководителя. Недавно на одной из шахт, что по уши увязла в долгах, вижу огромный плакат: «Дадим 60 тысяч тонн сверхпланового угля!» Думаю: почему не совестно за него руководителям? Зачем такое всенародное вранье? Все же знают, что пока и плана-то нет. Пустословие и дешевый самообман это, наносящие непоправимый ущерб делу.

В этих словах весь Кожевин – прямой, резкий, справедливый.

За год до войны стал Владимир Григорьевич коммунистом. Ответственно выполнял обязанности депутата горсовета. Будучи главным инженером шахты, руководил группой агитаторов, встречался на десятидворках с населением.

В первые дни войны Кожевин срочно вернулся на шахту из санатория, а здесь уже ждал его приказ начальника комбината «Кузбассуголь» выехать в Осинники, принять дела начальника техотдела треста.

Все было предельно ясно. Добыча коксующегося угля определялась как важнейшая задача военного времени. Для ее решения обком партии и комбинат подбирали самых надежных и способных руководителей.

Сводки Совинформбюро приносили сообщения, одно тревожнее другого.

Лихорадило добычу угля и на Осинниковском руднике. В 1942 году в очередной раз приехав сюда, нарком угольной промышленности Василий Васильевич Вахрушев собрал командный состав отстающей шахты «Десятая». Голос охрипший, простуженный, глаза от бессонницы красные. Еще раз взвесив обстановку, заключил:

– Нужных выводов так и не сделано. Шахта завалена. Передайте дела Кожевину, а с главным инженером он сам решит. Вы же, Кожевин, запомните: при любых обстоятельствах обязаны до грамма выполнять задание по углю. Не только шахтой, каждым участком, всеми бригадами.

Кадровые перестановки коснулись не только «Десятой». Передав руководство комбинатом Поченкову, Задемидко принял трест «Осинникиуголь». Главным инженером к нему прислали Т. Ф. Горбачева, будущего члена-корреспондента АН СССР.

Осинники... Там, совсем рядом с «Десятой», на Елбанских косогорах, по которым нестройными рядами разбросались скромные шахтерские дома, проходило мое нелегкое детство. В стужу и распутицу взрослым и детворе самой надежной

обувью были «чуни»: голенища из прорезиненной ленты, соединенные нитками и клеем с лицевыми резиновыми галошами. К обеду, прихватив узелок с незатейливой домашней снедью, бегал я к шурфу. Высокий и худой, отец поднимался, насквозь пропыленный углем. Наскоро перекусив, он снова спускался под землю, где его – коногона – ждали лошади... Все мерялось тоннами угля, добываемыми с напряженным трудом и риском. Шахтеры, да и все мы, жители горняцкого поселка, видели в угле танки и пушки, самолеты и снаряды, так необходимые для победы над заклятым врагом...

И вот в то суровое время Кожевин стал начальником «Десятки».

Ее ветеран Андрей Филиппович Фриц рассказывает:

– Владимир Григорьевич не пропускал ни одного наряда перед спуском рабочих в шахту. Разбирался в обстановке. Уточнял задания. Потом с парторгом рассказывал о делах на фронтах и шахте. Но выходил из себя, если узнавал о чьем-либо проступке или небрежности. Тут уж стружку он умел снять.

Дважды в неделю сам работал в забое и не уходил, пока не выполнит сменной нормы забойщика. Это была продуманная линия: быть во всем примером для подчиненных. Из отстающих шахта стала передовой на руднике, и до конца войны, начиная с четвертого квартала 1942 года, ее коллектив ни разу никому не уступал переходящего Красного знамени ГКО.

В партийном архиве Кемеровской области есть протокол Осинниковской городской партконференции, состоявшейся в августе 1942 года. Выступая на ней, Кожевин резко говорил о благодушии шахтостроителей и необходимости в связи с этим своими силами обеспечивать повышение добычи угля.

Пока шахтостроители «пробовались» к новым горизонтам, Кожевин убедил трест прирезать к своей шахте угольные запасы Тайжинской группы пластов. Спешно подготовили чертежи,

пробурили в тайге просеку к будущей штольне. Почин шахты поддержал обком партии: направил на помощь опытных проходчиков из Анжеро-Судженска. Спустя несколько месяцев новая штольня «Черная Тайжина» дала первые тонны угля, обеспечив в дальнейшем заметный прирост шахте добычи ценнейших коксующихся углей.

Красноречивой оценкой трудовой доблести Владимира Григорьевича в годы войны явилось присуждение ему в 1948 году, вместе с другими отличившимися шахтерами, высокого звания Героя Социалистического Труда.

В Киселевске, куда после войны Кожевин был направлен управляющим трестом, снова пришлось иметь дело с мощными пластами. Обстановка была сложной. Нарушен технологический порядок, оставленные целики грозили пожарами, наращивать добычу мешала низкая техническая оснащенность. Но были прошедшие огонь и медные трубы люди – главный инженер треста В. В. Шалков, его заместитель П. М. Ковачевич, главный маркшейдер В. А. Бакатин, начальники шахт – В. П. Романов, К. Д. Степаненко, К. И. Рубин, А. А. Сурначев, многие другие опытные руководители и специалисты. Были известные всему Кузбассу своим мастерством бригадиры-щитовики и проходчики.

Не меняя своих принципов, Кожевин и здесь занялся прежде всего наведением дисциплины и порядка на шахтах. Приедет на шахту – ничего не упустит, все заметит. И тут же найдет виновного: «Не будет к такому-то сроку очищен от хлама лесной склад – пеняй на себя», «Еще раз увижу на смене рабочих без дела – сам пойдешь в забой».

– Что и говорить, – рассказывал бывший начальник шахты имени Вахрушева А. А. Сурначев, – при первом знакомстве одним внешним видом подавлял – массивный, с большой, начисто выбритой головой. Все, кто не в ладах с порядком и дисциплиной, старались по возможности избегать неприятных с ним разговоров. Стружку умел снимать основательно. Но строгость была обоснованной и справедливой. Не было у него в характере

ни злобы, ни мстительности, ни унижающего человека злорадства. Я бы назвал это строгой деловой порядочностью руководителя.

Забываясь о перспективе рудника, Владимир Григорьевич решил силами треста построить разрез в районе Красного Брода, который стал первенцем открытой добычи угля в бассейне. При решении судьбы труднодоступных углей Абинской синклинали родилась идея – сжигать их под землей, а полученный газ выдавать на поверхность. Так начал работать участок газификации, обеспечивший ряд предприятий Киселевска калорийным газом...

В ту пору все угольные предприятия бассейна объединяли два комбината: южные – «Кузбассуголь» и северные – «Кемеровоуголь». В сентябре 1947 года Кожевина назначают начальником комбината «Кемеровоуголь». Сюда входили шахты Кемеровского, Ленинского и Анжеро-Судженского угольных районов. Коксующихся углей здесь добывали сравнительно немного, поэтому шахтам отводилась роль поставщика, главным образом, энергетического топлива, который шел бы в топки паровозов, давал ток на электростанциях, обеспечивал нужды предприятий и населения. И все же – так повелось с войны – материально-технически он обеспечивался заметно хуже комбината «Кузбассуголь». И объемы строительства здесь были скромнее и темпы отставали.

Изучив и взвесив обстановку, Кожевина нацеливает усилия и ресурсы на коренное обновление шахтного фонда и улучшение экономических показателей угольного производства, что соответствовало и духу решений прошедшей весной 1947 года областной партийной конференции.

...Уже пятый час кряду Владимир Григорьевич, собрав специалистов, рассматривает схему развития северного крыла бассейна, подготовленную институтом «Сибгипрошахт». Проект, доложенный ведущим специалистом В. В. Поповым, был разработан грамотно, с размахом. Речь шла о закладке ряда новых шахт на наклонных и пологих пластах в Анжеро-Судженске, о сооружении шахт «Промышленновская», «Березовская», «Перво-

майская», о развитии Беловского и Ленинск-Кузнецкого угольных районов. Тогда же, пожалуй, впервые начальник комбината широко и остро поставил вопрос о завтрашнем дне открытой добычи угля.

– Располагая данными геологов, – рассказывал позднее Владимир Григорьевич, – предложивших ряд участков для открытой добычи угля, мы обратились в министерство. Единственное, что нам тогда разрешили, – построить Бачатский и расширить Краснобродский разрезы, с которых еще задолго до официального ввода в строй пошел уголь. Выгодный по всем статьям – солидная производительность, отсутствие расхода леса, облегчение труда горняков... Все, кажется, наглядно и убедительно. Так нет же. Нашлись авторитетные противники. Уйму доводов напридумывали, критикуя открытые работы! Нельзя, мол, портить месторождения. Не будут разрезы рентабельными... Один оппонент, – добавил Кожевина, – даже статью в «Литературке» поместил, уверял, что надо немедленно остановить открытую добычу, а не то «Кожевина распашет весь Кузбасс от Анжерки до Томусы».

Здесь очень своевременной оказалась поддержка партийных органов. В Совет министров СССР обком партии направил глубоко аргументированное письмо о необходимости развития в Кузбассе добычи угля открытым способом. И лед тронулся. Один за другим строились новые разрезы. Они оснащались могучей техникой. Прошло совсем немного времени, а открытчики уже довели годовую добычу угля до 53 миллионов тонн. У истоков этой впечатляющей и внушительной горы добытого топлива стояли люди непоколебимые, настойчивые, по-своему одержимые. И признанный правофланговый у них – Владимир Григорьевич Кожевина.

В 1953 году всю угольную промышленность страны объединило одно министерство, два комбината Кузбасса слились в один – «Кузбассуголь». К этому времени В. Г. Кожевина являлся уже заместителем министра угольной промышленности.

Однако, когда ему предложили возглавить новый комбинат в Кузбассе, он не колеблясь согласился и никогда не жалел об этом.

Определяя перспективы бассейна, Кожевин нацеливал аппарат комбината на приоритетное развитие открытых работ. Его заботили форсирование строительства, техническая вооруженность, выбор новых технологических схем работы разрезов. Владимир Григорьевич становится авторитетным союзником автора нового гидравлического способа подземной добычи угля доктора технических наук, профессора Владимира Семеновича Мучника.

Много лет в бассейне работало производственное объединение «Гидроуголь», над многочисленными проблемами гидродобычи ломают головы ученые Москвы, Новокузнецка, Новосибирска. Но все же...

– Удельный вес гидродобычи остается неоправданно низким, – сетует Владимир Григорьевич. – В чем причина? Мало активной настойчивости, кровной заинтересованности у тех, кто обязан заниматься ею. Пути и возможности развития гидродобычи определены давно, но и ныне пока четко не обозначены районы ее применения. Нужны новые гидрошахты, особенно для отработки верхних горизонтов. Вторая тормозящая причина, я считаю, полностью на совести министерства – идут годы, а нужной гидротехники как не было, так и нет. Сделают где-нибудь, скажем, в Малаховке или Копейске экспериментальный образец и успокоятся. Нельзя же развивать целое технологическое направление, работая такими темпами.

Что и говорить, в бурное время подъема угольной промышленности довелось Кожевину быть ее руководителем. История бассейна едва ли знала время, когда так широко шествовал по шахтам технический прогресс. Взрывчатку и отбойные молотки заменяли комбайны, внедрялись новые крепи, получала дорогу шахтная автоматика.

Не без поддержки руководства комбината на вооружение шахтеров поступает комбайн Якова

Гуменника, опрокинувший все рекорды скоростной проходки выработок по углю.

Много времени уделяет Кожевин освоению Томусинского и Березовского месторождений. Не выпускает он из поля зрения и проблемы Прокопьевско-Киселевского района, настойчиво стучится с ними в Госплан и министерство, обращается к ученым. За десять лет, что находился во главе комбината Владимир Григорьевич, добыча угля по бассейну увеличилась в два с половиной раза. В пять с лишним раз возрос за это время поток угля из комбайновых лав.

За достигнутые успехи в 1957 году около 650 горняков бассейна получили ордена и медали, десять из них стали Героями Социалистического Труда. Подобных темпов роста добычи угля еще не знал наш шахтерский край.

Вспоминая то время, Владимир Григорьевич с особой теплотой говорит о становлении и мужании славной плеяды механизаторов, прославивших Кузбасс выдающимися трудовыми достижениями. Один Порфирий Трефелев с шахты имени Кирова чего стоил! Модернизовав комбайн «Донбасс», он с товарищами первым перешагнул рубеж месячной добычи в двадцать тысяч тонн.

– Позднее, когда я стал ректором политехнического института, снова встретился с Трефелевым, но уже как со студентом. Вообще, у нас много тогда молодежи работало – более восьмидесяти тысяч человек. О многих из них можно добрые слова сказать. Хорошее, здоровое поколение росло. Нам, старикам, смена на радость.

Чувствуется – старому шахтеру приятны эти воспоминания. И улыбка, и взгляд становятся мягкими, даже слегка грустными.

А вообще-то об успехах и достижениях Кожевина говорит сдержанно и скупое. Видимо, это от характера, привыкшего больше созидать, чем говорить о сделанном.

– Об угле в те годы говорили во весь голос, считали его всему головой, – с какой-то особой интонацией замечает Владимир Григорьевич. – Что-то я и не припомню случая, когда бы мы отбивались,

как это часто сейчас случается, от постоянно растущих планов. И выполняли их, как бы ни приходилось трудно. Возможности для роста у Кузбасса огромны. Но использовать их надо комплексно, с учетом всех сопутствующих факторов.

Вопросы долговременной технической политики, капитального строительства, пусть недостаточного, но и сооружения жилья, соцкультобъектов занимали у Кожевина не меньше времени, чем оперативная работа по выполнению текущих производственных планов.

Так было и тогда, когда Владимир Григорьевич являлся первым заместителем председателя Кемеровского совнархоза. Заботой и ответственностью за будущее шахтерского края пронизаны его выступления на XX съезде КПСС, сессиях Верховных Советов СССР и РСФСР, в центральной и местной печати.

Символично, что, начав свою трудовую биографию с преподавателя горных дисциплин в техникуме, Владимир Григорьевич, став крупным руководителем угольного производства страны и авторитетным специалистом горного дела, снова вернулся к педагогике, возглавив после П. И. Кокорина кузницу инженерных кадров – Кузбасский политехнический институт. И здесь он с головой ушел в работу: укреплял профессорско-преподавательский состав, налаживал деловые связи института с предприятиями, строил студенческие общежития, совершенствовал учебный процесс, развивал научную базу...

Внушительен и научный багаж Владимира Григорьевича. Его перу принадлежат более 160 работ по различным проблемам горного дела. Венцом их является энциклопедическая монография «Разработка угольных месторождений Кузбасса», написанная в содружестве с такими известными учеными, как Д. А. Стрельников и Т. Ф. Горбачев. Об этой работе, названной в ученом мире «выдающимся произведением горнотехнической литературы», академик Н. В. Мельников писал В. Г. Кожевину: «Книга великолепна, фундаментальна и редка. Вы сделали огромное и полезное дело для

горных инженеров, ознакомив их в книге так подробно и точно с разработкой угольных месторождений Кузбасса».

Кожевин никогда не забывал о своих обязанностях коммуниста, избранника народа в высшие органы власти страны. Будучи делегатом двух съездов партии, депутатом и членом бюджетной комиссии Верховного Совета республики и страны, Владимир Григорьевич относился к общественным обязанностям необычайно щепетильно и ответственно. Шестнадцать лет он возглавлял Кемеровское областное правление общества «Знание», выступал с лекциями в Румынии, ГДР, Венгрии, на Кубе, в Финляндии. Его активное участие в пропагандистской и лекционной работе отмечено орденом Трудового Красного Знамени и почетной медалью имени академика С. И. Вавилова. Уместно в этой связи вспомнить слова Н. К. Крупской: «Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью... Благодаря такому слиянию личная жизнь обогащается».

...Много вечеров провел я с Владимиром Григорьевичем. Мне даже казалось, что Кожевин ждет моего очередного визита. Видимо, и ему было небезынтересно вспомнить, прочувствовать пережитое.

Мы усаживались в зале в кресла и неторопливо перебирали месяцы, годы, судьбы и события. Во время этих незабываемых бесед, в которых так много промелькнуло лиц и жизненных эпизодов, невольно напрашивалась мысль – в одиночку Кожевин не решал никаких задач. Он работал с людьми, вел их за собой. Главное его призвание состояло в том, чтобы, сплотив их в одно целое, направить все устремления и чувства к единой цели – расцвету угольной промышленности края. Для этого необходимы организаторский талант, дар стратега, неукротимая сила воли. Всего этого у Владимира Григорьевича оказалось в достатке. Его трудовая жизнь – яркое подтверждение неизмеримости человеческих возможностей, богатства ума и опыта. Именно такая целеустремленность позволяла шахтерскому командиру Кожевину вышиться над обстоятельствами.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

– Научно-технический прогресс неумолим. Не проходит и десятка лет, как на шахтах все обновляется – техника, технология, наконец, люди. Нынешний горняк не чета старому: за его плечами десятилетка, техникум, а то и вуз. И все равно – чтобы не отстать, горняки должны постоянно учиться, совершенствовать свое мастерство. Вот этим-то повышением квалификации командиров угольного производства – руководителей смен, участков, шахт – и занимается наша фирма. Слушатели у нас со всей страны, – это рассказывает директор Кемеровского филиала Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов угольной промышленности Владимир Павлович Романов. Человек известный всему горняцкому краю. За его плечами полувековой трудовой путь от горного мастера до руководителя крупнейшего в стране угольного объединения «Кузбассуголь», Героя Социалистического Труда.

Ныне он персональный пенсионер союзного значения. Но без работы себя не мыслит. В 1978 году, сдав полномочия генерального директора объединения «Кузбассуголь», Романов сразу же пришел в институт по подготовке шахтерских кадров.

– Кое-кто тогда поговаривал: «генерал» отдохнуть захотел, – вспоминает заведующий кафедрой научной организации труда и производства, кандидат технических наук Ю. П. Киселев, – а с его приходом в институте словно свежим ветром потянуло и дела совсем по-иному пошли. Связи с объединениями стали конкретными и деловыми. А чему удивляться? Владимир Павлович знает наши проблемы как свои пять пальцев и умеет добиваться намеченной цели. А цель Романов ставит одну: создать для шахт бассейна надежный и

В. П. Романов

устойчивый резерв руководящих кадров, годных в любое время на выдвижение.

Для этого предстояло прежде всего совместно с объединениями улучшить отбор курсантов и поднять уровень и качество учебы в институте. Потребовалась перестройка учебно-методической работы. Качественно вырос профессорско-преподавательский состав института. Лекции слушателям сейчас читают около двадцати доцентов и столько же кандидатов наук – горняков, экономистов, социологов. К занятиям привлечено множество ведущих специалистов угольных объединений, учебных и научно-исследовательских институтов. Преподаватели, как правило, используют методы активного обучения слушателей навыкам аналитического мышления, приучают их к самостоятельному решению инженерных и технических

задач, широко используют в учебе новейшие технические средства.

Став наставником молодых шахтерских командиров, Владимир Павлович беззаветно отдает этому делу свой богатейший опыт, энергию и незаурядные организаторские способности.

...Третий час ночи. Устало шаркая чунями, Романов шел по основному штреку к стволу. Почти две смены находится он под землей. Одну, как и положено главному инженеру шахты, провел на участках, а другую отработал с забойщиком Кузнецовым. Глаз не отведешь от того, как хозяйничает в забое Георгий Зосимович. Ни тебе лишнего слова, напрасного движения, все выверено, рассчитано. Кливаж чувствует, как свое дыхание. Характер спокойный, добрый – недаром молодняк к нему тянется. И два десятка его учеников работают «по кузнецовски». «Надо, – думает Романов, – организовать на шахте стахановские школы. Поставить в них учителями забойщиков Романенко, Симовича, Сидорова, Бондаренко, Скударнова, навальщиков Калинина, Шанина...» Владимир Павлович оставался. Мысли разбередили свежую рану.

Два дня назад, когда проводил наряд, позвонили из шахты. Тревожный голос горного мастера донес из-под земли: «Беда, Владимир Павлович! Взорвался оставленный взрывниками недочет. Смертельно травмирован Сулейманов...» Страшная весть оказалась настолько неожиданной и разящей, что у Романова беспомощно опустились руки. Минуту-другую в ушах стоял звон.

Муса Сулейманов... погиб... Нет больше Мусы – неукротимого, горячего и доброго. Какая жестокая несправедливость – потерять не только одного из лучших забойщиков, слава о котором с первых дней войны гремела по всему Кузбассу, но и друга. Еще в сороковом перешел он на «Пятую» шахту, сколотил здесь бригаду и работал всем на зависть. По одиннадцать забоев успевал за смену обуривать. А это как-никак норма шестнадцати горняков. На фронт постоянно просился. С обидой говорил: «Фашистов бить не пускают. Буду углем уничтожать шайтанов». Вот и оказалась для тебя, Муса, шахта полем боя... Сколько же пройдет вре-

мени, пока зарубцуется в памяти эта рана, утихнут боль утраты...

Владимир Павлович набрал пригоршню воды из струйки, стекавшей между стойками, плеснул в лицо. И снова неторопливо зашагал к подъему.

С того дня, как началась война, шахтеры не знали передышки. Вместе с начальником шахты Шишкиным и парторгом ЦК Скрипиным позабыл счет времени и главный инженер Романов. Всем коллективом бились над одной задачей – дать больше угля и обеспечить безусловное выполнение заданий Государственного комитета обороны. Вспомнился вчерашний утренний звонок управляющего трестом Одноволова:

– Что вы там с Шишкиным мудрите? Почему падает добыча угля? Что-о? Людей не хватает?.. Переводите с поверхности!

– Допереводились, Василий Маркович. Все подсобные службы оголили. На лесоскладе некому крепеж готовить, баня без услуги... Но меры принимаем. Начальниками на все участки направили коммунистов. Днями пустим северное крыло, установим новую эстакаду с круговым опрокидом. Будет уголь...

Подобные вопросы-требования, как и ответы-обещания, каждодневны. Звонят и наведываются из горкома, треста, комбината. Напряжение как струна. Это и понятно – шел 1942 год, самый тяжелый и драматичный в военной судьбе угольного Кузбасса.

Вот и сегодня на двух участках ералаш. Шесть забоев у Плаксиенко на седьмом, а плана нет. Понятно, что трудно. Ленты па транспорте изнасились, постоянно рвутся, «больных» вагонеток – третья часть парка. Пустить бы электровоз, да рельсов не могут найти. Лошади из сил выбились... Нет, так дальше дело не пойдет...

На ближайшем партийном собрании Романов ставит вопрос о снятии с работы и исключении из партии начальника подземного транспорта. Тогда же комсомольцы получают шефское поручение по уходу за лошадьми.

Тяжело – с перебоями и срывами давала шахта уголь. Потребовалось немало усилий, чтобы к

концу второго года войны она твердо «встала на план». Очень помогла этому инициатива главного инженера по развитию северного крыла. По проектам отработка угля определялась движением выработок в южном направлении. За пять довоенных лет лучшие запасы угля были уже всерьез подработаны. Выход казался единственным: хоть и накладно, но надо делать углубку и браться за следующий горизонт. А тут война. Как быть?

— Есть у меня, Иван Степанович, одна прикидка. — Романов положил перед начальником шахты набросок чертежа. — Спасти добычу может только прирезка северного крыла. Потребуется. Пробьем туда штрек, оборудуем рудничный двор... А пока, не теряя времени, возьмемся за уклоны и нарезку забоев сразу на двух пластах. Тогда и с новым горизонтом до лучших времен можно подождать.

Больше года, днями и ночами, жил Романов работами о северном крыле, и в декабре 1942 года оно порадовало шахту первыми тоннами угля. С тех пор вопрос о запасах угля на многие годы был снят. Что ж, не зря говорят, что в истории предприятий есть общая закономерность — лучшие и худшие их страницы так или иначе связаны с именами руководителей.

Разница между словом и поступком — в легкости первого и трудности второго. Человек обязательный, Романов постоянно стремится поднять слово до поступка. Ему чужды невыполнимые обещания, немыслимые посулы. Хорошо памятен приезд на шахту заместителя наркома Э. О. Миндели, секретаря горкома партии И. И. Лаврухина и управляющего трестом В. М. Одноволова. Они побывали в забоях, посетили бытовые службы. Миндели, энергичный и въедливый кавказец, ругался за кладбище исковерканных вагонеток, беспорядок на подъеме и в ламповой. Одноволов, поднявшись из шахты, свое гнул: «Вместо соревнования за «удостоверение гвардейца» мордуете горняков посторонними работами. Один забойщик канавки чистит, другие выработки осланцовывают. А кто, спрашиваю, уголь будет давать?!»

Секретарь горкома партии, обращаясь к Романову, вдруг спросил:

— А вы, молодой коммунист, но уже зрелый руководитель, в чем видите главные упущения?

Подумав, Романов ответил:

— Для такого большого коллектива у нас все-таки маловато коммунистов.

— А почему?

— Мало занимаемся изучением людей, плохо их знаем.

И Владимир Павлович рассказал о горном мастере третьего участка Федоре Лаврентьевиче Щербинине. Бывший алтайский крестьянин не один год проработал навалыщиком, забойщиком, взрывником, стал руководителем смены. Отлично трудится! Организует массовые рекорды, создает скоростные бригады. На таких и надо воспитывать молодежь. Главный инженер не ошибся в Щербинине. В конце войны по рекомендации Владимира Павловича он возглавил участок, быстро вывел его в лучшие, а в 1948 году стал Героем Социалистического Труда.

В начале 1943 года И. С. Шишкина переводят на «Капитальную» — крупнейшую шахту Киселевского рудника. Начальником шахты «Пятая» назначается Романов. В течение пяти лет, которые Владимир Павлович стоял во главе шахты, она была одной из лучших на руднике. И не только по сверхплановым тоннам угля. Это была пора мужания и зрелости коллектива, технического и социального роста предприятия. В военные годы горняки «Пятерки» четырнадцать раз были обладателями переходящего знамени ГКО. А, как известно, зря оно не давалось. Страна получила с шахты 16 тысяч тонн сверхпланового угля.

Вспоминая о тех далеких днях, ветеран труда, бывший заместитель главного инженера шахты Василий Андреевич Магницкий рассказывает:

— Время было трудное, военное. Приходилось сутками не покидать шахты, но никто из нас не скажет, что делали это по прихоти или приказу Романова. Да в таких командах не было и нужды: люди понимали свою ответственность и все делали на совесть. Не последнее слово в этом имело и доверие начальника шахты к исполнителям. Помню случай. С рельсов на пересечении основ-

ного штрека с квершлагом сошел электровоз. Удар о борт выработки оказался настолько сильным, что враз вылетели семь кругов крепления. А это ЧП – застопорилось движение к стволу. Выслушав меня, Владимир Павлович кричит в телефон: «Сбрось к чертовой матери электровоз в сторону и пускай по колее транспорт в оба направления». Повторяю, что сделать это трудно.

– А может попробовать поставить его, – вношу я свое предложение.

– Если не допустишь простоя – делай, – сразу же согласился Владимир Павлович.

Горняки тут же взялись за ремонт выработки. Сообща и быстро поставили электровоз на рельсы. И все были рады: сменный план шахтой был выполнен.

Главной пружиной нелегкого командирского долголетия Владимира Павловича всегда оставались общность интересов, искренность и внимание к людям. Об этом рассказывают и пишут многие. Сошлюсь на мнение Евгения Петровича Шеметова, в прошлом главного инженера шахты «Краснокаменская»: «Романов требовательный и талантливый горный инженер, к тому же скромный и добрый человек. Будучи управляющим трестом «Киселевскуголь», он не только интересовался технической стороной производства. Обязательно проверит, как обут, одет горняк, хватает ли инструмента, как организованы доставка рабочих и питание. Провинившихся толковых руководителей Романов «не списывал», спустя время вспоминал о них. Даже не знаю – почему, но на шахтах треста Владимира Павловича уважительно называли «графом Ростовым». Думаю, за справедливость и трудолюбие».

К концу войны трудовой Киселевск переживал отрадную полосу подъема. В числе лучших предприятий города была и шахта «Пятая».

...Стояли последние знойные июльские дни 1948 года. Все вокруг как бы плавилось и дрожало в зыбком мареве. Романов прислонил к березе двустволку, снял патронташ и спустился к зеркальной глади озера. Вышел на песчаную отмель среди прибрежного ивняка и, пораженный, замер.

Цвели лилии. Белые лепестки щедро распластались по воде, подставив солнцу ярко-желтую сердцевину цветка. Их было много, они раскрылись буйно, вдруг, все вместе.

Словно замороженный, смотрел Владимир Павлович на раскинувшуюся перед ним красоту, и показалось ему, что находится у родного, милого сердцу села Верхние Деревеньки, что в Курской области, где окончил семилетку и начал трудиться в колхозе. Тогда селян захватила лихая година. Небывалая засуха и голод заставили людей сниматься с насиженных мест и отправляться на поиски более приветливой судьбы. В 1933-м Владимир Павлович с отцом приехал в Ленинск-Кузнецкий к одному из многочисленных родственников. Узнал о работе шахтеров и поступил в Прокопьевский горный техникум. Преддипломную практику прошел на шахте «Пятая», на нее же вернулся после учебы и, как оказалось, на многие годы. С первой встречи с главным инженером шахты В. Т. Шибаевым, которая впоследствии переросла в добрую многолетнюю дружбу, понял Владимир Павлович, что ему необычайно повезло с наставником.

Василий Тихонович относится к числу видных горных инженеров Кузбасса. После шахты «Пятая» его назначили главным инженером рудника, а в 1943 году – управляющим трестом «Прокопьевскуголь». После войны Шибаев руководил комбинатами в Караганде и Донбассе, был заместителем министра угольной промышленности страны, председателем Карагандинского облисполкома. После ухода на пенсию и до кончины Шибаев жил в Днепропетровске. Он очень много сделал для технического перевооружения Киселевского рудника и воспитания кадров.

Работящий и цепкий к горняцкой науке, Романов увлеченно внедрял на мощном пласту систему с закладкой. И когда в конце 1940 года главный инженер шахты И. С. Шишкин стал начальником, на свое место он рекомендовал молодого специалиста.

Горячо и вдумчиво взялся за дело новый главный инженер. Учился у старших, прислушивался к мнению рабочих, решения принимал обдуман-

но, основательно, по-крестьянски рачительно. В начале войны совсем рядом геологи обнаружили солидные запасы угля, лежащие под пяти-восьмиметровыми наносами глины. Романов предложил вскрыть их гидроспособом, а уголь по выработке сбрасывать на откаточный штрек. На речке Тугай отсыпали небольшую плотину, установили насосы, проложили трубопроводы и стали производить гидровскрышу. Дешево и просто. Об экологии в то время никто не думал. Позднее подобная практика была взята на вооружение многими горняками...

...Белые лилии на глади тихого озера. Они почему-то всколыхнули щемящее чувство одиночества. Владимир Павлович еще и еще перебирал в памяти вчерашний разговор с заместителем министра А. С. Кузьмичем. Решался вопрос о переводе его на другой рудник. Жалко было оставлять налаженное дело и коллектив шахты, с которым сроднился. Не вняв доводам, Кузьмич подписал приказ о его назначении начальником шахты имени Орджоникидзе.

И вот другой рудник, другая шахта. Обстановка не радовала. Давно не выполняется план угледобычи. Шахтеры теряли в зарплате, потянулись на другие шахты. «Вопрос стоит ребром, – раздумывал Романов. – Надо вселить веру в коллектив. Для этого прежде всего требуется поднять ответственность инженерно-технического состава. Дать людям свободу действий. Пусть каждый проявляет инициативу, принимает решения в рамках своего служебного долга и поставленных задач. Опекать их не буду, вмешиваться в их дело тоже. А вот помочь и научить отвечать за то, что делается, моя забота».

Так и сложились на шахте отношения – полное доверие и ответственность. Быстро нашли общий язык с главным инженером А. Г. Табаковым, человеком спокойным и рассудительным. (Позднее, окончив Горную академию, Алексей Григорьевич возглавлял ВостНИИ, а затем стал доцентом политехнического института в г. Фрунзе.) Вместе рассматривали планы горных работ, совершенствовали организацию труда в бригадах. Участ-

ки укрепили новыми кадрами. Прошло два месяца – шахта вышла из прорыва.

Владимир Павлович стремился, чтобы шахтеры понимали, что не углем единым и заработком побольше жизнь меряется. Так и говорил: «Если об одной расчетной книжке у шахтера будет голова болеть – не велика цена нашего труда. Совесть – вот что должно определять все дела, тогда и деньги будут, и уважение».

Рабочие и командиры шахты с полуслова понимали своего руководителя. Сообща намечали задачи, сообща искали пути их решения.

– Надо мной иной раз подшучивали, что слишком много советуюсь. А я не боюсь за свой авторитет, и слава богу, что мои подчиненные думают, умеют преодолевать трудности. Мое дело – выбрать лучший вариант, «добро» дать. Знать все и успеть за всем просто невозможно, ну как тут без коллег и товарищей обойдешься.

Летом 1951 года начальник комбината «Кузбассуголь» В. И. Воробьев подписал приказ о назначении Романова, теперь уже начальником крупнейшей прокопьевской шахты «Коксовая».

Приживаться на этой, имеющей богатые трудовые традиции и высокий авторитет, шахте совсем не просто. Понимая это, Владимир Павлович занял и соответствующую позицию. Приглядывался, событий опередить не спешил, изучал людей. Шахта была большой и сложной, с хорошо налаженным производством. Радовало и наследство, оставленное самобытным и талантливым организатором А. Ф. Кучиным, – дружный, с крепкой дисциплиной горняцкий коллектив. Тон по традиции задавали сильные и надежные кадры – опытные рабочие и итээровцы. В них Романов и нашел опору. С благодарностью вспоминает он парторга Пешкова, главного инженера Литвиненко, инженеров Саркева, Помякшева, Крылова, Милованова, Тищенко, Вайпиканиса, начальников участков братьев Егора и Илью Смоляковых.

За три года работы Романова шахта ни разу не сорвала месячного плана угледобычи. Ее часто ставили в пример не только на руднике, но и в бассейне.

– Владимир Павлович был реалистом: он никогда не обещал лишнего, ничего не приукрашивал и не сулил никому наград и выгод, – вспоминает бывший помощник главного инженера, а впоследствии начальник шахт имени Калинина и «Ягуновская» М. И. Кушнир. – Работал, как вол, сам и требовал полной отдачи и от других. В сложных ситуациях он брал на себя не только нагрузку, но и ответственность...

...Десять лет спустя, окончив высшие инженерные курсы, Романов снова вернулся в Киселевск, вернулся уже управляющим трестом. Шла памятная для шахтеров бассейна вторая половина пятидесятых годов. Вступили в строй новые шахты, разрезы, обогатительные фабрики. Круто шла в гору добыча угля. Комбинат «Кузбассуголь» и все его тресты работали ровно, постоянно выполняли план. Киселевский рудник был в лидерах. Гремела по бассейну слава об открытках разреза имени Вахрушева, достигших наивысшей производительности труда. Маяком хорошо организованной работы была шахта «Тайбинская». Принимая трест, Романов по достоинству оценивал умелое руководство рудником своего предшественника Глеба Александровича Быстрова, возглавившего комбинат. Главное, думал, постараться сохранить и развить достигнутое. Романов понимал, что принять хозяйство на подъеме и достойно держать его на уровне – дело не менее трудное, чем раскачивать и выводить вперед отстающее.

Впрочем, проблем и задач, требующих забот и внимания на руднике, как и всюду, было больше, чем достаточно. Взять, к примеру, шахту «Тринадцатая». Пришел Владимир Павлович на пятый щитовой участок и спрашивает начальника Кустова:

– Похвались, как это ты сумел за полмесяца две тысячи тонн задолжать?

В ответ – молчание. Романов поворачивается к сопровождающему Мирошниченко:

– И тебе нечего сказать, начальник шахты? – Не дожидаясь ответа, Романов по ходуку пробирается под щит, внимательно, с пристрастием осматривает забой, рамы с накатником, крепление. Замечает,

что не на месте пробурена скважина. Короткий разговор с рабочими. Те в один голос жалуются: аварии замучили.

Вечером начальники участков собрались в кабинете Мирошниченко.

Владимир Павлович беспощаден:

– Если так безграмотно водить щиты, как Кустов, доброго угля не видать. Смотрите, что получается. Стоило нарушить направление скважины – углеспускные печи оказались на мягкой прослойке, целик между печами разрушился, а заполнить пустоту никто не додумался. А за паспортом крепления кто должен следить? Такое верхоглядство надзора и ведет к простоям забоя. А потом удивляемся, почему люди уходят с расхлябанных участков. Кому охота иметь дело с такими командирами?..

С ноября 1958 года в тресте организовали строжайший контроль за расходованием средств и материалов. На шахтах стали обычаем комплексные проверки работы плановых отделов и нормировщиков. Вводилась строгая отчетность за численность рабочих-сдельщиков.

Бывший главный инженер треста Г. П. Кузьмин рассказывает:

– В то время в Кузбассе шло «омолаживание» шахт. В Киселевске велась усиленная их реконструкция, строилась новая – «Карагайлинская». Романов метался по шахтам, спорил со строителями, решал множество технических и организационных вопросов. При этом всегда о людях заботился. Владимира Павловича одинаково тревожили, скажем, перевод подземного транспорта на большегрузные вагонетки и сооружение спортивного зала на стадионе «Шахтер».

Управляющий трестом яро боролся с фактами инертности и иждивенчества командных кадров, заставлял искать и использовать в интересах дела все резервы и возможности. Помню, приехал он на одну из шахт, и ее начальник жалуется на недостаток кранов в мойке. Обычно спокойный и выдержанный, Владимир Павлович взорвался: неужели, говорит, для того, чтобы добавить в мойку десяток кранов, дядя со стороны нужен. Какой же

ты хозяин?! Или другая вспоминается история – с автодорогой по городу. Долго она мучила киселевцев и всех, кому приходилось проезжать по руднику, своими одиннадцатью железнодорожными переездами. Романов сумел договориться с шахтостроителями и дорожниками, изыскал в тресте средства на сооружение капитальной объездной дороги, которая разгрузила город от потока транзитного транспорта.

Четыре года руководил Киселевским рудником Романов. Много успел сделать за это время, но многого, о чем мечталось и думалось, осуществить не удалось: слишком уж сложными и большими были проблемы горного хозяйства рудника и растущего с ним города.

Еще тогда вынашивалась, например, в тресте задумка начать развитие открытых горных работ на богатейшем Ерунаковском месторождении. Проектная контора треста даже прикидки сделала на прокладку железнодорожных путей и электроснабжение. Но в комбинате «Кузбассуголь» не поддержали: обойдемся пока без разреза. А ведь широко начни работы тогда, сегодня Ерунаковский район уже наверняка давал бы по меньшей мере десяток миллионов тонн угля. Только вставляли на пути инертность, нежелание обременять себя лишними заботами.

На руднике тогда трудились опытные, отличные специалисты и командиры производства. Достаточно вспомнить таких инженеров, как И. И. Тараканов, Л. С. Городков, руководителей шахт А. А. Талалайкина, В. М. Сергиенко, Д. Ф. Шиматюка, Р. Р. Тихонова, М. С. Медютова, И. Т. Митичкина, В. И. Коняхова, А. И. Костарева или открытчиков С. И. Устинова и А. К. Барредо. И большим достоинством Владимира Павловича было уважительное и поистине товарищеское отношение к своим помощникам и коллегам.

...Было ветрено и по сибирским меркам совсем не холодно – градусов пятнадцать ниже нуля. Начальник комбината «Кузбассуголь» Романов и многоопытный главный инженер Линденау объезжали шахты Ленинского рудника. До нового 1962 года рукой подать, и они спешили. Предстояло вы-

работать программу работы комбината, а для этого требовалось точно знать обстановку на местах. Что ни день – новые записи, сделанные размашистым почерком Романова, ложились в объемистую рабочую тетрадь. Одни – на будущее, для раздумий и выводов. Другие, чтобы принять решения тут же, на месте. Как, например, на шахте «Журилка».

Начальник шахты Гребенщиков и главный инженер Манко, исходя из реальной обстановки, представили график отработки годного к выемке угля. Выходило, что, исчерпав эти запасы, где-то к концу года шахте предстояло сворачивать производство.

– А если, Трофим Евстигнеевич, – задает вопрос Романов, – вскрыть уклонами нижний горизонт? На сколько лет хватит фронта работ?

Гребенщиков в Ленинске-Кузнецком с институтской скамьи и шахту знает как свою квартиру.

– Самое малое, на двадцать пять, а то и на все тридцать.

Здесь же, в Ленинске-Кузнецком, Романов поручает проектной конторе комбината разработать проект углубки шахты и согласовать его с Кемеровским филиалом Сибгипрошахта. Спустя месяц-другой началась работа по углубке. Шахта была не только спасена, но и получила развитие на годовую добычу более двух миллионов тонн угля. И еще припоминается... К 1975 году в критическом положении оказалась кемеровская шахта «Северная». Кончались запасы угля на вскрытых горизонтах. Вставал вопрос о закрытии шахты, на которой трудился многотысячный коллектив с богатыми рабочими традициями. А если попытаться прирезать шахте запасы угля на пластах соседней Боровушинской свиты? Раз и два эти идеи отвергаются большинством членов технического совета. Пугала неординарность предложения, велика была сила инерции и нежелание взваливать на себя дополнительные хлопоты. Но Романов не был бы Романовым, если, будучи убежденным в правоте решения, не добился бы своего. Опираясь на четкие технические расчеты, он дает указа-

ние форсировать работы по прирезке запасов Боровушинской свиты.

И через несколько лет уголь, причем коксующийся, пошел из новых забоев. Впервые на шахте сказала свое слово серьезная механизация – появились гидромеханизированные комплексы, резко поднявшие производительность труда шахтеров. С тех пор «Северная» прочно удерживается среди благополучных шахт.

Подобных примеров, свидетельствующих об инженерной убежденности и хозяйственной дальновидности Романова, можно привести немало. Сам Владимир Павлович об этом рассуждает обыденно, по-мужички просто:

– Оно ведь как получается. На большинстве шахт ныне комплексы, комбайны, автоматика. Но есть и шахты-«старушки». Иные рассуждают, какой, мол, с них спрос, только под ногами путаются. И забывают, какие в свое время затраты понесло государство на их сооружение. Люди здесь корнями приросли, отдали производству многие годы жизни. Нет, не отмахиваться надо от старого наследия, а, по возможности, модернизировать и подтягивать его до современного уровня. Уголь, он во все времена нелегко давался... Нельзя жить по принципу: мы, мол, народ не мелочный, не копейный. Что и говорить – прибыли считать приятно, а убытки на грусть наводят. Мы обычно итожим то, что есть, а не то, что потеряли, разбазарили, растеряли, – на это можно, вроде, и рукой махнуть. А зря. Вредна такая психология. Вредна и опасна.

С судьбой многих горняцких коллективов у Романова сложились особые отношения. Вспоминается взлет шахты «Чертинская-Южная». В канун XXII съезда партии ее горняки отказались от государственной дотации, решив переложить на плечи машин и механизмов наиболее трудоемкие операции. В ту же пору комбайновая бригада Ивана Корнева с шахты «Полысаевская-1» делом доказала, что ежемесячно выработку на комбайн можно поднимать на 500 тонн. Почин так и называли – «плюс 500». Комбайны и комплексы только входили, что называется, в силу. Влади-

мир Павлович требовал от трестов всячески поддерживать и распространить инициативу новаторов. Примеру Корнева последовала почти половина комбайновых бригад бассейна. Благодаря этому в 1962 году только Ленинский рудник перекрыл программу добычи угля на 53 тысячи тонн. По этому поводу Владимир Павлович вспоминает: «В числе делегатов от Кузбасса мне посчастливилось участвовать в работе XXII съезда партии. Слушал я выступление Героя Социалистического Труда, бывшего парторга ЦК ВКП(б) шахты «Центральная-Ирмино» Константина Григорьевича Петрова о времени, когда Алексей Стаханов установил невиданный рекорд, и думал: только нарубил забойщик отбойным молотком свои легендарные 102 тонны угля – его почин производительной работы сразу же стал достоянием всей страны, послужил запалом небывалого по размаху и результатам всенародного стахановского движения. Никто не остался в стороне. Могут сказать: время теперь другое, техника, люди изменились. Так-то это так, а вот энтузиазма, смею утверждать, поубавилось. Покажут, скажем, бригады Егора Дроздецкого или Петра Фролова, как можно по-настоящему трудиться, им цветы подарят, оркестр туш сыграет, статья о них в газете появится. Ну, а дальше?... Добрый пример так и остается лишь примером».

В шестидесятые годы распространению передового опыта придавалось особое значение, оно было повседневной практикой работы партийных и профсоюзных комитетов шахт. И не случайно то время породило множество выдающихся трудовых рекордов, о которых не стыдно говорить и сегодня. Вспомним некоторые из них.

...В апреле 1962 года бригада Н. Г. Малютина с шахты «Чертинская-Южная» продвигает с помощью комбайна К-52М 140-метровую лаву и дает более 50 тысяч тонн угля. В конце года бригада Г. И. Конончука с шахты «Березовская» с таким же комбайном добывает за 31 рабочий день почти 77 тысяч тонн. Подобной производительности еще не знала мировая горная практика. Тогда же возшла звезда таких мастеров

горняцкого дела, как П. И. Титов, П. И. Фролов, А. Ф. Никитин, Т. И. Мигаль.

По приказу комбината во всех трестах и на шахтах были выделены ответственные лица за распространение передового опыта. Повсеместно действовали школы передовых методов. Результаты не замедлили сказаться. За год выработка на комбайн К-52М увеличилась в бассейне более чем на 500 тонн в месяц. Значительно эффективнее стали работать бригады, обслуживающие комбайны «Донбасс», ЛГД, комплексы КГУ, ОМКТ, КМ-87.

Большой и глубокий смысл был заложен в создании суточных комплексных бригад. Их преимущества перед сменными оказались неоспоримы. Сменные бригады больше о себе пеклись, для себя побольше старались вырвать. Система суточных комплексных бригад заставляла работать по-другому – один за всех, все за одного.

В новой форме организации труда начальник комбината видел взаимозависимость ответственности всех горняков за результат работы. Как-то весной 1954 года с первым секретарем Кемеровского обкома КПСС А. Ф. Ештокиным он спустился в забой шахты № 3-3 бис, где работала известная в стране бригада проходчиков. Руководил ею делегат нескольких съездов КПСС, депутат Верховного Совета республики Николай Георгиевич Кочетков. Проходчики завершали штурм двухпутевого штрека по пласту Безымянному. Работалось трудно, мешали пережимы пласта, прослойки породы, обилие воды и газа. Но выработка была крайне нужна, и весь коллектив шахты заинтересованно следил за ее проходкой. Секретарь обкома партии – тоже не новичок в горном деле. На шахтах Урала он прошел все ступени командирской лестницы от горного мастера до начальника комбината «Челябинскуголь».

В забое, после отпалки, в свежей струе воздуха еще ощущался кисловатый запах аммонита. Ештокин и Романов внимательно наблюдали за экономными и выверенными действиями проходчиков. Ни суматохи, ни горячки. Все продумано, рассчитано. Две погрузочные машины убрали

уголь из забоя, а третья непрерывно грузила его в два ряда вагонеток. Прямой и резкий луч лампы высветил напряженное, с резкими чертами худое лицо бригадира. Выключив двигатель машины, он улыбнулся гостям:

– Последние метры одолеваем, Афанасий Федорович. Ребята по пять циклов в смену берут. Так что за нами задержки не будет.

А назавтра Владимир Павлович был среди тех, кто чествовал бригаду Н. Г. Кочеткова, пробывшую за 31 рабочий день 1200-метровый тоннель двухпутевого штрека. Это была невиданная доселе скорость проходческих работ.

Пройдет еще несколько лет и знатный бригадир, ставший Героем Социалистического Труда, возглавит шахту «Манеиха», а в 1978 году ему доверят высокий пост председателя областного комитета народного контроля.

– Сейчас нередко спорят, нужны ли нам рекорды, – рассуждает Владимир Павлович, – не являются ли они стремлением отдельных руководителей и рабочих выделиться, заработать на этом дешевый авторитет и славу. У меня на этот счет твердое мнение – рекорды нужны, очень нужны. Они показывают, на что способен человек или коллектив, поставивший перед собой достижение высокой цели. При такой работе мобилизуются технические, материальные, организационные и духовные резервы и возможности, идет творческий поиск лучших и более коротких путей к цели. Все это создает необычайно ценный и поучительный капитал, широкое использование которого позволяет горнякам, да и не только им, быстрее двигаться вперед.

Заразительный для других пример широкого использования научной организации труда подал коллектив шахты «Зыряновская», возглавляемый энергичным инженером Владленом Даниловичем Ялевским, ныне Героем Социалистического Труда, генеральным директором ГПО «Кузбассгосуглепром».

Целеустремленная политика по техническому перевооружению, совершенствованию технологии и организации труда, проводимая в комбинате

«Кузбассуголь», возглавляемом Романовым, благоприятно сказалась на добыче угля. В седьмой пятилетке она поднялась на 14,2, в восьмой – на 20,4 и в девятой – на 22,7 миллиона тонн. В 1975 году шахтеры бассейна дали народному хозяйству страны 137 миллионов тонн угля, более 56 миллионов тонн из которых были коксующимися. Как показало время, это были лучшие годы подъема угольной промышленности Кузбасса.

За это время тысячи новаторов и передовиков угольного производства отмечены высокими наградами Родины, а 43 лучших из лучших стали Героями Социалистического Труда. Среди них были М. Г. Измestьев, А. А. Бабенко, Е. И. Дроздецкий, А. П. Земцов, А. С. Ременский, П. И. Соколов, П. И. Скорик, Н. М. Путра, Э. Ф. Батулин, А. Ф. Никитин, Н. М. Романцов, С. Д. Нагорнов и другие. Высшей награды – ордена Ленина был удостоен и комбинат «Кузбассуголь», а в мае 1966 года Героем Социалистического Труда стал и его неутомимый руководитель Владимир Павлович Романов.

В одной из наших последних бесед с Владимиром Павловичем разговор коснулся организационных реформ, выпавших на его время работы генеральным директором объединения «Кузбассуголь». С горечью говорит он о том, что немало из того доброго и толкового, что сложилось за многие десятилетия, на глазах затормозилось в своем развитии или просто под нажимом сверху рушилось.

– Когда-то у нас был единый штаб угледобычи для всего бассейна. Вначале от него отрезали открытчиков. В известной мере это был оправданный шаг, продиктованный спецификой открытых работ и быстро растущим их объемом. А дальше началась непонятная чехарда. Ликвидировали компактные, хорошо отлаженные тресты, создали громоздкие объединения «Южкузбассуголь», «Прокопьевскуголь», «Северокузбассуголь». Управлять горным хозяйством стало труднее. Пришлось формировать новые объединения: «Киселевскуголь» и «Ленинскуголь». Штаты раздулись вдвое, а добыча угля стала, если не падать, то топтаться на месте: почти

десять лет бассейн не мог осилить 150-миллионного рубежа годовой добычи.

Одной из важных причин застоя в угольной промышленности Романов называет необычайно слабое влияние науки на совершенствование горного дела. Тревога эта давняя. Я вспоминаю выступление Владимира Павловича на представительной научной конференции по развитию производительных сил Западной Сибири, организованной Кемеровским обкомом КПСС и Академией наук СССР.

Внешне Романов выглядел на трибуне спокойным, только неровный тембр голоса выдавал предельную напряженность. А говорил он о сокровенном. Научные и проектные институты, связанные с углем, десятки лет чураются и всячески обороняются от проблем отработки мощных крутопадающих пластов.

Нужны шахты-лаборатории. Именно там должны получать путевку под землю современная технология и оборудование, вплоть до передачи его в руки рабочих.

Тревожит и другое. За последние полтора десятка лет в бассейне не построено ни одной мощной шахты, а две трети действующих отстают с реконструкцией и подготовкой новых горизонтов. Многие шахты вот-вот окажутся без фронта работ. Чтобы не потерять добычи, надо немедленно форсировать шахтное строительство, особенно на месторождениях с коксующимися углями. Коренного улучшения требует и горное машиностроение бассейна. Без этого двигаться вперед нам уже нельзя.

Человек беспокойной судьбы, Романов поражал всех прямоотой, искренностью и силой чувств, глубиной переживаний за любимое дело. Подобная эмоциональность встречается, к сожалению, не так уж и часто. Подчас это вызывает ироническую усмешку «трезво» мыслящих людей. Но не эта ли способность всей душой отдаваться любимому занятию в жизни, стремиться достичь поставленных целей и определила трудовой путь шахтерского командира, Героя Социалистического Труда Владимира Павловича Романова.

1988 год

Ю. И. ДЬЯКОВ,
лауреат премии Совета министров СССР

ШАХТЕРЫ

История треста «Кемеровоуголь»

Кемеровский рудник занимает особое место среди угольных районов Кузбасса. Ведь основы нынешнего индустриального центра Кемеровской области заложены открытием первой шахты. Коксохимзавод родился и вырос на базе коксующихся углей шахты «Центральная».

За годы первых пятилеток Кемеровский рудник преобразился. Вошли в строй новые шахты: «Пионер», «Октябренок», «Северная», «Щегловская», реконструирована шахта «Центральная». Шахта «Северная» была пущена в эксплуатацию в январе 1939 года. По тем временам это была самая механизированная шахта в Советском Союзе. Ее проектная мощность была определена в 1,2 млн тонн угля в год.

Шахты рудника стали оснащаться врубовыми машинами, отбойными молотками, электросверлами, конная откатка заменялась электровозной.

В декабре 1936 года в целях улучшения руководства предприятиями угольной промышленности Кузбасса на базе треста «Кузбассуголь» был образован комбинат «Кузбассуголь», которому подчинялись на

территории Кузнецкого бассейна все рудоуправления, преобразованные в январе 1937 года в восемь государственных трестов каменноугольной промышленности. На базе Кемеровского рудоуправления был образован трест «Кемеровоуголь». Первым управляющим треста был назначен И. П. Ивонин.

Так сложилась сравнительно устойчивая система управления угольной промышленностью: шахта – трест – комбинат.

До 1957 года управление треста имело от 4 до 7 отделов, с 1957 года до 1965 года – 12, а с 1965 года – уже 14.

Обычно обязательными были геологическая служба, отделы капитального строительства, производства, обогащения и качества угля, технический, плановый, организации труда и заработной платы, рабочих кадров, бухгалтерии и финансовый, административно-хозяйственный, жилищно-коммунального хозяйства и другие.

Эта структура (учитывая директивное централизованное руководство трестом через министерство и комбинат) не только сохраняла устойчивую перспективу для отдельных предприятий, но и освобождала

местные органы власти от постоянного поиска средств для финансирования, оборудования и кадрового обеспечения многих объектов социальной сферы.

Во второй половине 30-х годов угольная промышленность Кузбасса работала крайне напряженно. В 1937 году резко упали темпы добычи угля, а в 1938 году (впервые за последние 14 лет) добыча угля по сравнению с 1937 годом снизилась на 2,7 процента – годовой план бассейн не выполнил. Страна недополучила 2,8 млн тонн угля. В числе отстающих предприятий оказались все тресты и почти все шахты.

На результатах работы отрасли в определенной мере сказалась борьба против так называемой троцкистско-зиновьевской контрреволюционной деятельности. Руководителей предприятий, не справляющихся с выполнением плановых заданий, стали обвинять во вредительстве, называть «троцкистами», «врагами народа» и подвергать репрессиям.

Вот что писала газета «Кузбасс» в сентябре 1937 года в статье «Несколько слов об аппарате треста «Кемеровоуголь» за подписью «Местный»:

«На шахтах рудника изо дня в день происходят «неполадки». Внезапное обрушение лав, порча моторов, замыкание проводов подземной сети, забуривание скипов и другие виды аварий и «неполадок» превратились в систему. Если ко всему этому добавить извращения организации труда, опошление безнарядной системы, крайнюю медлительность в ликвидации вредительских последствий, то станет совершенно ясным, что на руднике неблагополучно, что здесь продолжают орудовать враги – последыши троцкистско-бухаринской банды Дробниса – Носкова – Черных.

Пособники бандитов Черных и Носкова до сих пор гнездятся в аппарате треста и на ряде

шахт. Они, пользуясь идиотской болезнью – беспечностью ряда руководящих работников рудника и Эйхевского района, вели и продолжают вести свою подрывную работу.

Вот несколько фактов...

В проектном бюро треста «Кемеровоуголь» недавно исчезли планы. Кто гарантировал, что эти планы не попали в руки шпионов? Кто возглавлял этот отдел? Киличкин – махровый белогвардеец. Бок о бок с этим вредителем долгое время работал коммунист Погодин (сейчас начальник планового отдела), имевший вредительские связи с расстрелянным врагом народа Шубиным. Погодин и сам приложил руку к тому, чтобы задержать составление пятилетнего плана по угледобыче и запутать сведения о запасах угля, например, по Волковскому пласту.

Несмотря на наличие подобных вопиющих фактов, которые говорят о продолжающемся вредительстве в тресте «Кемеровоуголь», отдельные руководители шахт и треста пытаются не замечать этого и, хуже того, пытаются сеять успокоение, что у них в тресте и на шахтах нет вредителей, что «На Шипке все спокойно».

Можно ли после этого удивляться, почему рудник продолжает отставать, почему Центральная шахта длительное время находится в прорыве? Все это свидетельствует о том, что здесь продолжают орудовать осколки разгромленной троцкистско-бухаринской банды».

Такие статьи в жанре доноса обычно ставили крест на судьбах и карьерах специалистов. Обвинения, как правило, стряпались произвольно, под подозрением можно было оказаться совсем неожиданно. В результате положение дел в тресте и на шахтах еще сильнее усугублялось, лишало инициативы руководителей, вносило растерянность, инженеры и техники из-за боязни не стремились идти работать на шахты.

17 ноября 1938 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР осудили грубые нарушения социалистической законности, допущенные в операциях против право-троцкистских элементов. 26 ноября 1938 года были упразднены созданные ранее внесудебные органы – «тройки», в том числе и в Новосибирске. Начали пересматривать дела арестованных «врагов народа». Многих из них ввиду необоснованных обвинений освободили из-под ареста. Обстановка в тресте и на шахтах разрядилась.

Для усиления политической работы среди шахтеров и мобилизации их на выполнение производственных заданий на 22 шахтах бассейна, в том числе на шахтах «Центральная» и «Северная», были введены должности парторгов ЦК ВКП(б). Они отчитывались непосредственно перед ЦК за выполнение шахтами производственных заданий и проведенную для этого работу.

Первичным партийным организациям шахт было предоставлено право контроля деятельности администрации. Они переводили многих коммунистов и комсомольцев на подземные работы, создавали партийные группы, контролировали организацию всего процесса производства. На каждом партсобрании заслушивали отчеты о работе руководителей участков, служб, шахты в целом.

Постановлением ЦК ВКП(б), СНК СССР и ВЦСПС от 28 декабря 1938 года была установлена ответственность трудящихся за нарушение трудовой дисциплины, вплоть до увольнения за прогул. Работники, уволенные за нарушение трудовой дисциплины и уволившиеся по собственному желанию, лишались жилплощади, предоставленной им предприятием.

Одновременно за непрерывный стаж работы на предприятии устанавливались преимущества при назначении пенсий, выплате пособий по временной нетрудоспособности, выделении путевок в дома отдыха и са-

натории. Для упорядочения учета рабочих и служащих с начала 1939 года на всех предприятиях треста были введены трудовые книжки.

Существенно усилилась и забота о шахтерах. В июне 1939 года на основе решений правительства была создана сеть закрытых магазинов и столовых, через которые обеспечивалось снабжение шахтеров продовольственными и промышленными товарами.

Свои предложения по совершенствованию техники и технологии добычи угля вносили инженеры, техники, рационализаторы и новаторы треста и шахт.

По предложению главного инженера треста «Кемеровоуголь» А. С. Стугарева на шахте «Пионер» была произведена установка нового копра методом предварительной сборки и передвижки его на место старого. Работа была выполнена за пять дней вместо полутора месяцев по проекту. В дальнейшем Андрей Савельевич Стугарев работал управляющим трестом «Сталинуголь», первым секретарем Прокопьевского горкома ВКП(б), летом 1943 года он был избран секретарем Кемеровского обкома партии по угольной промышленности, а затем вторым секретарем обкома.

Усилили работу среди шахтеров оправившиеся после репрессий и окрепшие партийные организации. Они возглавили развитие социалистического соревнования. На его размах оказало вдохновляющее влияние награждение 6 февраля 1939 года 106 передовых шахтеров бассейна государственными наградами. Среди них ордена Красного Знамени был удостоен забойщик, мастер угля первого класса шахты «Центральная» И. В. Бобров, работающий на шахте свыше 20 лет. Со дня возникновения стахановского движения он систематически, из месяца в месяц, перевыполнял задание по угледобыче в два с лишним раза. Отлично владеющий

горным делом, прекрасный реализатор передовых методов труда, он являлся лучшим бригадиром треста «Кемеровоуголь».

Впервые в тресте медалью «За трудовую доблесть» был награжден машинист главного подъема шахты «Центральная» А. В. Майоров, медалью «За трудовое отличие» – механик капитальных работ 11-го уклона шахты «Центральная» К. И. Барсуков и горный мастер шахты «Пионер» Г. М. Сизов.

Своей блестящей стахановской работой завоевал признание горняков шахты «Центральная» забойщик М. Я. Сырчин. В 1938 году он был избран депутатом Верховного Совета РСФСР I созыва по Кемеровскому сельскому избирательному округу. Михаил Яковлевич стал первым представителем в парламенте Российской республики от рабочих-шахтеров Кузбасса.

Всеобщий подъем в развитии соревнования произошел в связи с обращением коллективов прокопьевских шахт – «Черная гора» и шахты имени Ворошилова – ко всем шахтерам Кузбасса с призывом организовать соревнование за досрочное выполнение годовых планов. Новосибирский обком партии учредил переходящие Красные знамена, которые вручались трестам и шахтам-победителям. Если в 1938 году на руднике в соревновании участвовало 58 процентов шахтеров, то к концу 1939 года их количество возросло до 79 процентов.

Примером для всех шахтеров треста была работа стахановца-машиниста Л. А. Шерина и стахановца-забойщика 2-го участка шахты «Центральная» И. В. Шинкаренко. Л. А. Шерин, машинист участка № 3 шахты «Северная», первым на Кемеровском руднике освоил врубовую машину «БШ», на которой за половину мая 1939 года прошел 65 м двухпутевого основного штрека, выполняя ежедневную норму на 160–170 процентов. Забойщик 2-го участка шахты «Центральная»

И. В. Шинкаренко выполнял производственную норму на 227 процентов.

В августе 1939 года две декады подряд удерживала переходящий мандат городского райкома ВКП(б) и райсовета бригада (бригадир А. С. Мальцев) по укладке шахтных путей шахты «Северная». Она ежемесячно выполняла план на 180–190 процентов. Участок № 3 шахты «Центральная» (начальник Сыван) ежемесячно в течение года перевыполнял план угледобычи.

Высокие темпы добычи угля обеспечивали забойщики Гайбидулла Хайбрахманов, братья Михаил и Павел Доронины с шахты «Пионер». Они втроем выдали на-гора за четверть века героического труда миллион тонн угля. Именно за эти большие дела Гайбидулла Хайбрахманов был награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и одним из первых шахтеров треста стал кавалером знака «Шахтерская Слава».

Шахтеры Кемеровского рудника внесли достойный вклад в решение задачи, поставленной XVI съездом ВКП(б) по созданию второй угольно-металлургической базы на востоке СССР. За десять лет (с 1930 по 1940 годы) добыча угля на руднике выросла почти в 4 раза, а производительность труда – более чем вдвое.

Образование Кемеровской области в составе Российской Федерации в 1943 году преследовало главную цель: обеспечение промышленности в тяжелые для страны годы коксующимися углями и металлом для нужд войны. Но и потребность в энергетических углях, особенно в связи с эвакуацией в Кузбасс промышленных предприятий, также росла. В Кемерово было эвакуировано оборудование 40 заводов, а на их базе создано 11 новых предприятий. Обеспечение промышленных предприятий, а также жителей города теплом и электроэнергией

● Николай Вертков. Уголь шахты «Центральная». Смена

являлись главной заботой шахт треста «Кемеровоуголь».

Кемеровский рудник расширялся. В 1941 году была введена шахта «Южная», в 1942 году – шахта «Бутовская». Общее число рабочих на руднике за годы войны увеличилось с 3560 до 4474 человек. Добыча на шахтах треста увеличилась почти в полтора раза и в 1945 году приблизилась к 2 миллионам тонн. Большой вклад в увеличение добычи угля внесла молодежь, комсомольско-молодежные бригады, передовые рабочие – «мастера угля», рядовые жители города, члены шахтерских семей, прибывшие на шахты в годы войны, а также различные категории трудомобилизованного населения и так называемый специальный контингент.

К концу 1942 года на шахтах треста работали 1314 женщин (37 процентов от всех рабочих), из них 321 – непосредственно в забоях, 78 были взрывниками. Наиболее сильные и выносливые из них организовались во фронтовые бригады. Одной из таких бригад на шахте «Северная» руководила Валентина Спирина. Сменные задания ее бригада перевыполняла в полтора раза. Первым машинистом электровоза на шахте «Северная» была Маша Беликова.

На шахте «Бутовская» бригады забойщиков Марии Давыдовой и Али Альковой были передовыми по добыче угля на протяжении всех военных лет.

Горняки шахты «Северная» первыми в Кузбассе на митинге 23 июня 1941 года обратились к правительству с просьбой разрешить им на шахте ежедневно работать сверхурочные часы. За основу работы на шахте был взят опыт Алексея Стаханова. Забойщик Федор Спирин установил рекорд 1942 года: за одну смену отбойным молотком нарубил 204 тонны угля. Примечательно, что ассистентами Федора Васильевича в уборке угля и доставке леса в лаву были

парторг ЦК М. В. Бобылев, начальник шахты М. А. Замула и секретарь комитета комсомола Мария Печерина.

Пример Спирина окрылил шахтеров. На ударные вахты заступили многие, в их числе забойщики Егор Бабанак, Федор Венжега, Мубарак Мухаметчин. Лучшие забойщики шахты «Северная» И. Е. Журков и М. К. Балаботкин, выполняющие норму добычи угля на 250–280 процентов, в дни наступления Красной Армии на Харьковском и Брянском направлениях в августе 1943 года давали до четырех норм за смену.

За военное лихолетье шахта отправила на нужды фронта и народного хозяйства 3,6 млн тонн высококачественного угля. Это был такой нужный тогда для страны уголь, воистину «черное золото»! И доставали его, не считаясь ни с чем, такие замечательные люди, как очистники из бригад Фомы Егорова, Дмитрия Ведрова, Василия Волкова, Степана Цыщука, Михаила Цербунова, Ивана Потапкина.

За обеспечение высококачественным углем народного хозяйства страны в 1941–1945 годах 597 работников шахты «Северная» были удостоены правительственных наград, из них 93 шахтера – ордена Ленина. А коллектив шахты, единственный в Кузбассе, за работу в годы войны был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Образцы самоотверженного труда показывали и горняки других шахт треста. В первой декаде июля 1945 года на сменном митинге шахты «Центральная» по поводу полугодового отчета трудящихся Кузбасса товарищу Сталину на трибуну поднялся бригадир комсомольско-молодежной бригады Егор Бурлов. За ним издавна укрепилась слава вожака. Пять раз его отмечала коллегия Народного Комиссариата угольной промышленности СССР как лучшего проходчика комбината «Кемеровоуголь». Бригада Егора

Бурлова в 1945 году добилась второго места во Всесоюзном соревновании шахтеров.

– За годы войны, – сказал знатный шахтер, – я прошел 1867 метров горных выработок. Наша бригада стремилась не отставать от Красной Армии. Воины с боями шли по полям и болотам на запад, и вместе с ними мы пробивались к победе под землей. Шестьсот пятьдесят метров сверх плана прошел я за это время.

В годовом отчете шахтеры Кузбасса клялись И. В. Сталину год вмещать в полгода. Проходчик Бурлов – один из тех, кто по-солдатски выполнил эту клятву. Годовая норма его была далеко позади. Началось второе полугодие, за которое Бурлов взялся выполнить еще одну годовую норму.

– Каждый из нас, – сказал на митинге бригадир забойщиков 2-го участка шахты «Центральная» Ильиных, – делал все для того, чтобы помочь Красной Армии разгромить немцев. За годы войны я сам добыл свыше 26 тысяч тонн угля. Война закончилась. Но родине нужно еще больше угля, чтобы скорее возродить хозяйство в освобожденных районах. Поэтому во втором полугодии я буду выполнять не менее полутора норм.

Шахтеры треста в годы войны работали практически на износ. Но они никогда не забывали о том, что на фронте еще труднее. «Все – для фронта! Все – для Победы!» – это был не просто лозунг. Люди подчиняли девицу себя без остатка. Каждый миллион тонн добытого угля на кемеровских шахтах обошелся ценой жизнью 22 шахтеров.

В послевоенное время трест «Кемеровоуголь» продолжал развиваться быстрыми темпами. На левом берегу Томи, возле шахты «Пионер», была построена новая крупная механизированная шахта «Ягуновская» (1947 год), а в Барзасской тайге, в пойме реки Промышленной, – шахта «Промышленная». В 1949 году была заложена шахта

«Березовская» и начато освоение Березово-Бирюлинского месторождения коксующихся углей. В 1953 году на Кемеровском угольном поле открылся Кедровский угольный карьер.

Повысился и жизненный уровень горняков.

К 1950 году было полностью завершено переселение рабочих из землянок и временно приспособленных помещений: одиноких – в общежитие, семейных – в отдельные квартиры. За 10 послевоенных лет шахтеры треста получили 82 545 квадратных метров жилой площади, были построены школы на шахтах «Южная», «Бутовская», «Пионер», музыкальная школа, несколько детских яслей и садов. В конце 1956 года открылся замечательный Дом культуры шахтеров вместимостью 600 человек в зрительном зале, 180 – в лекционном, с большим количеством комнат для кружковой работы. В 1956 году была сдана в эксплуатацию трамвайная линия, соединившая шахту «Центральная» с левым берегом.

Мощным рычагом дальнейшего повышения добычи угля явились указы Президиума Верховного Совета СССР от 10 сентября 1947 года о введении персональных званий для работников угольной промышленности, награждении работников угольной промышленности орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу, об установлении ежегодного всенародного праздника Дня шахтера.

Проявлением глубокой заботы о шахтерах явилось и Постановление Совета Министров СССР от 10 сентября 1947 года о преимуществах и льготах для подземных рабочих, руководящих и инженерно-технических работников угольной промышленности и работающих на строительстве угольных шахт.

Постановлением Правительства были установлены выплата вознаграждения за вы-

слугу лет, существенно повышающая объем заработной платы; выплата повышенных пенсий в размере 50 процентов оклада, тарифной ставки по достижении 50 лет и при наличии 20 и более лет трудового стажа в угольной промышленности и в шахтном строительстве; также принято положение о звании «Почетный шахтер», которое стало присваиваться рабочим, бригадирам и горным мастерам, проработавшим не менее 10 лет на подземных работах в угольной промышленности и на шахтном строительстве. Высокое звание «Почетный шахтер» получали шахтеры, которые непрерывно в течение года и более добивались высоких производственных показателей.

Этими государственными документами Родина отметила напряженную работу шахтеров в годы войны и послевоенный период. А самое главное, был поднят на высочайший уровень общественный престиж шахтерских профессий.

Новым фактором в развитии соревнования явились личные пятилетки. Стахановцы-шахтеры города Кемерово приняли в начале 1948 года вызов стахановцев города Прокопьевска на социалистическое соревнование за выполнение пятилетки в четыре года.

С этой целью 21 мая 1948 года впервые в послевоенное время комбинат «Кемерово-уголь» провел совещание передовиков-стахановцев и командиров шахт. В работе совещания приняли участие забойщик-щитовик шахты «Северная» Иван Архипович Потанкин, забойщики шахты «Бутовская» братья Иван Абрамович и Филипп Абрамович Федоровы, проходчик шахты «Центральная» Егор Афанасьевич Бурлов, закончившие выполнение своих пятилетних планов. Шахтеры треста взяли обязательство в 1949 году достигнуть уровня угледобычи, утвержденного на 1950 год, и с честью сдержали свое слово.

Впервые в угольной промышленности

Кузбасса за лучшее выполнение принятых обязательств в социалистическом соревновании по досрочному выполнению пятилетнего плана и достойной встрече первого Дня шахтера областной комитет ВКП(б) присудил за январь 1948 года звания «Лучший по профессии» забойщику в лаве пологого падения И. В. Широкову с шахты «Бутовская», горному мастеру участка № 8 И. А. Колесникову и начальнику участка № 8 Е. Н. Бабанову с шахты «Северная».

Впервые в угольной промышленности Кузбасса в канун Дня шахтера 1948 года 24 лучшим шахтерам Кемеровской области, в том числе и проходчику шахты «Центральная» Егору Афанасьевичу Бурлову, за высокие достижения по добыче угля в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Первыми среди шахтеров рудника за свой самоотверженный труд получили звание «Почетный шахтер» стволочная Галина Кротова, отгребщица Татьяна Примакова и запальщица Мария Первушина, проработавшие на шахте «Центральная» по 15–18 лет, а также забойщики Яков Храпов с шахты «Пионер» и Филипп Крылов с шахты «Бутовская».

В октябре 1948 года председатель Кемеровского областного исполнительного комитета В. А. Москвин вручил ордена и медали за выслугу лет и безупречную службу в угольной промышленности горнякам шахт «Северная» и «Бутовская». Орден Ленина получили Дмитрий Иванович Паюсов, начальник динамитного склада шахты «Бутовская», Петр Иванович Кобзарь, горный мастер, и Валентин Иванович Сергеев, посадчик лав шахты «Северная»; орден Трудового Красного Знамени – начальник участка Павел Иванович Кузнецов, почетные шахтеры Яков Михайлович Вяткин, Михаил Иванович Дубинин, Леонид Михайлович Журович и другие.

В начале 50-х годов замечательную инициативу проявил коллектив шахты «Северная», начав общественный смотр организации труда и усовершенствования процессов производства. Здесь была создана лавная бригада, которая строила свою работу по новому методу. Предложил его молодой бригадир забойщиков участка № 6 Владимир Юрчевский. Его бригада стала называться «сквозной суточной». Что нового внес шахтер-новатор в организацию труда? Раньше очистные бригады ежемесячно простаивали в ожидании заряжения, отпалки и проветривания забоя от двух до трех часов. Суть предложения – создание комплексной организации с твердым разделением труда, то есть в первую смену производить заряжение, отпалку, уборку забоя и выгрузку угля по всей ленте, а в последующие две смены производить крепление и обуревание забоя.

Преимущества нового метода организации труда в крутопадающей лаве не замедлили сказаться. Бригада высвободила из своего состава 12 рабочих. Производительность труда забойщиков увеличилась на 37 процентов, а среднемесячная добыча угля – на 28 процентов. На каждом цикле коллектив бригады стал экономить по 170 рублей. Почти в 2 раза возросла заработная плата лавщиков.

По новому прогрессивному методу на шахте начали работать бригады Цыщука, Рыбко, Павловича. Это помогло им значительно улучшить свою работу и войти в число передовых на предприятии.

Придавая исключительное значение начинанию горняков шахты «Северная» для мобилизации и максимального использования внутренних ресурсов, обкомом союза работников угольной промышленности было предложено всем руководителям предприятий и профсоюзных организаций организовать общественный смотр организации труда и усо-

вершенствования процессов производства. Это позволило вскрыть не использованные ранее резервы, устранить ряд узких мест в работе многих шахт Кузбасса.

Так на шахте «Центральная» бригада Д. И. Вотинцева решила тоже отказаться от услуг вспомогательных рабочих, в результате чего число забойщиков в бригаде сократилось на 6 человек. Уплотнив рабочий день, дружный горняцкий коллектив в составе 12 забойщиков добился самой высокой на шахте производительности на отбойный молоток. В среднем она составила по 500 тонн угля в месяц, а в отдельные месяцы достигала 600–650 тонн.

Нелегкий труд шахтера стимулировали систематическим увеличением заработной платы, установлением повышенной заработной платы для работников угольной промышленности по сравнению с другими отраслями народного хозяйства.

Так, по сравнению с довоенным уровнем (в сопоставимых ценах) средняя заработная плата шахтеров выросла к середине 50-х годов в 2,5 раза.

Духовный и материальный стимул, развитие творческой активности шахтеров, поиск новых, более совершенных форм организации труда и производства сыграли значительную роль в выполнении плановых заданий и наращивании объемов добычи угля.

За две послевоенные пятилетки добыча угля на шахтах треста более чем в два раза превысила уровень 1945 года и достигла почти 4,2 млн тонн.

В числе первых пришедших к 38-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции со значительным перевыполнением плана пятой пятилетки был трест «Кемеровоуголь», шахты «Бутовская» и «Промышленская».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в октябре 1956 года за безупречную работу в угольной промышленности и вы-

сокие показатели в выполнении производственных планов были награждены Почетной грамотой забойщик Федор Иванович Гаврин и горный мастер Яхья Абдуллович Рафиков с шахты «Центральная», машинист экскаватора Кедровского разреза Иван Григорьевич Закривицкий.

Положительные результаты в работе приносило ставшее традиционным соревнование между горняками Донбасса и Кузбасса. Особенно оживилось оно после посещения Кузбасса в июле 1957 года делегацией донецких горняков. Члены ее побывали и на шахтах треста «Кемеровоуголь». От имени своего коллектива начальник шахты № 4-5 «Никитовка» Герой Социалистического Труда М. Ф. Кохан вызвал на соревнование горняков «Северной», а начальник участка последней А. Г. Щукин – коллектив участка Ф. Ф. Гурова с донецкой шахты.

Шахту «Центральная» посетил забойщик донецкой шахты имени Дзержинского А. П. Черкашин.

– Я сам молоточник, – заявил он. – Хочу соревноваться с вашим лучшим забойщиком, работающим отбойным молотком.

Ему предложили обменяться опытом и померяться ловкостью с забойщиком второго участка А. Г. Волотовским и познакомили с ним. Дружеское рукопожатие.

– Видать, крепкий парень, – сказал Волотовский, – сила в руках чувствуется. – Но ничего, потягаемся. Вызов на соревнование и условия принимаю. Обещаю норму второго года шестой пятилетки выполнить на 160 процентов.

Слово свое Алексей Григорьевич сдержал.

Огромную роль в увеличении добычи угля и улучшения всех технико-экономических показателей сыграло соревнование шахт, участков и бригад за высокое звание коллектива коммунистического труда. Сегодня

по-разному, преимущественно негативно, оценивают это движение, присущее определенному времени и условиям экономической и политической системы. Но этот этап в развитии соревнования был обусловлен ускоряющимся научно-техническим прогрессом, культурно-техническим ростом кадров, повышением трудовой активности производственных коллективов.

Первой в тресте звание коллектива коммунистического труда было присвоено проходческой бригаде Александра Анатольевича Пантеева с шахты «Северная». Коллектив бригады семилетний план (1959–1965) по проходке горных выработок в объеме 3 тысячи метров решил пройти за 6 лет. Собственными силами в нерабочее время бригада строила для себя прекрасные двухквартирные дома.

В 1960 году в соревновании за коммунистический труд участвовало 40 бригад, участков и смен, а в 1961 году – уже полностью пять горняцких коллективов; 23 бригадам, сменам, участкам, 600 рабочим это почетное звание было присвоено.

Настоящими маяками на руднике являлись коллективы:

1) проходческая бригада Сергея Ивановича Широкова с шахты «Бутовская». 18 июля 1960 года за четыре шестичасовых смены бригада прошла с помощью комбайна «ПК-3» 40,5 метра вентиляционного штрека сечением 7,2 квадратных метра. Проходка велась в сложных горно-геологических условиях, когда приток воды в забой достигал 100 кубометров в час. За сутки из забоя было выдано 400 тонн угля. Проходка комбайном 40,5 метра за сутки стала лучшим результатом в стране;

2) экскаваторная бригада Андрея Ксенофонтовича Немчанинова с Кедровского разреза. В 1960 году бригада добилась выдающегося результата – взяла на двухкубовый

экскаватор 1262 тысячи кубометров скального грунта. Бригада одной из первых на разрезе освоила прогрессивный метод бестранспортной вскрыши экскаватором УЗТМ, оборудованным удлиненной стрелой;

3) экскаваторная бригада Антона Иосифовича Яблочкина с Кедровского разреза. Бригада поставила перед собой задачу: дать в 1962 году экскаватором ЭКГ-4 миллион кубометров вскрыши. Ни одна бригада разреза на автотранспорт столько еще не давала. Свое слово бригада сдержала.

На предприятиях треста получила развитие и широкое распространение инициатива горняков шахты «Березовская-1» о досрочном освоении проектной мощности 3300 тонн угля в сутки в 1962 году.

Начал коллектив шахты с небольшого. В 1958 году в среднем шахта давала 384 тонны в сутки, в 1959 году эта цифра возросла почти в 4 раза. В 1960 году горняки перешагнули двухтысячный рубеж, а в 1961 году среднесуточная добыча составила 2522 тонны.

И все же в советский период ценность коллективного труда определялась не только процентами выполнения плана, норм выработки, но и развитием каждой человеческой личности. Поэтому в вопросах воспитания, обучения рабочего коллектива большая роль отводилась горному мастеру. В конце 50-х годов в тресте из 344 горных мастеров 44 были инженерами, 175 – горными техниками, а остальные – самыми способными и высококвалифицированными рабочими с большим опытом, окончившими двухгодичные школы горных мастеров.

Прекрасными воспитателями рабочего коллектива в тресте считались горные мастера Михаил Константинович Фролов на шахте «Пионер», Иван Иванович Клычков на шахте «Ягуновская», Виктор Аркадьевич Ульяшкин на Кедровском разрезе, Михаил Алесеевич Хохлов на шахте «Южная».

В 1961–1962 годах на шахтах треста была проделана большая работа по упорядочению горного хозяйства и совершенствованию технологии угледобычи, расширению открытой добычи угля, укрупнению очистных и подготовительных участков, сокращению количества одновременно действующих очистных и подготовительных забоев и увеличению их производительности.

Так, было проведено объединение шахт «Центральная» и «Северная» в одну, в результате чего ликвидирована многоступенчатость подземного транспорта. На бывшей шахте «Центральная» внедрена электровозная и гидровозная откатка, значительно улучшены условия проветривания. Объединили также шахты «Ягуновская» и «Пионер» в одну – шахту «Ягуновская». Латышевский разрез был присоединен к Кедровскому на правах участка. Проведение этих мер позволило, наряду с улучшением руководства предприятиями, сократить административно-управленческий персонал на 106 человек.

На шахте «Ягуновская» для отработки маломощных крутопадающих пластов вместо лав начали применять щитовые перекрытия различных конструкций, что позволило увеличить производительность очистных забоев в аналогичных условиях на 700–800 тонн, а производительность труда рабочих – на 25–30 тонн в месяц.

На шахте «Бутовская», несмотря на то что она разрабатывала сложное в горно-геологическом отношении месторождение, начали внедрять в очистных забоях комбайны в комплексе с металлическим креплением.

На шахте «Южная» велась замена малопродуктивной системы разработки наклонными слоями на высокоэффективный способ выемки угля с применением гибкого перекрытия и комплекса КТУ, при этом выемка угля в монтажном слое производилась

● Главный инженер треста Д.Т. Горбачев и бригадир, Герой Социалистического Труда Г.И. Конончук делятся опытом с горняками. 1964 год

комбайнами. На этой же шахте была ликвидирована многоступенчатая транспортировка угля и осуществлен переход с однотонной вагонетки на трехтонную.

На шахте «Промышленная» впервые в Кузбассе в 1962 году стали внедрять комплекс «Тула» (ОМКТ). С первых дней комплекс пришелся горнякам по душе. Быстро освоив новинку, шахтеры уже осенью 1962 года довели производительность очистного забоя до 10–14 тысяч тонн, а производительность рабочих по забою 600–650 тонн в месяц, тогда как в лавах с обычной технологией эти показатели не превышали соответственно 4800 и 200 тонн.

Долгое время гордостью треста, да и всего угольного Кузбасса, были комбайны «Донбасс». Вместе с ними в забоях стали рубить уголь самые новейшие комбайны:

К-52м и ЛГД. Осенью 1961 года бригада Б. Е. Батюкова с шахты «Березовская-1» довела месячную производительность широкозахватного угольного комбайна ЛГД-2 почти до 20 тысяч тонн.

Поддержав почин бригады И. Корнева с шахты «Полысаевская-1», бригада также решила бороться за «плюс 600» на комбайн в месяц. По сравнению с 1960 годом производительность комбайна была увеличена более чем на 1000 тонн.

На что способна передовая отечественная горная техника при хорошей организации дела, показала сквозная комплексная бригада Г. И. Конончука с этой же шахты.

В 1962 году за 31 рабочий день, начиная с 11 ноября, узкозахватным комбайном К-52м бригада добыла 76751 тонну угля. Это мировой рекорд. Он был намного выше достижений

английских, польских и чехословацких горняков. Бригаде Конончука принадлежат рекорды производительности механизированного забоя: сменный – 1100 и суточный – 3755 тонн. Рекордная работа бригады позволила на шахте сократить 4 действующих забоя, повысить производительность труда рабочего по добыче на 20 процентов и довести ее до 60 тонн угля в месяц, а от снижения себестоимости сэкономить свыше 50 тысяч рублей.

Бюро Кемеровского промышленного обкома КПСС одобрило работу горняков шахты «Березовская-1» по развертыванию соревнования за высокопроизводительное использование горной техники, обеспечение высоких технико-экономических показателей работы предприятия.

Постановлением Совета народного хозяйства Кузбасского экономического района, Главкузбасстроя и президиума областного промышленного Совета профсоюзов в канун Первомая 1962 года была учреждена Книга Почета «Летопись борьбы трудящихся Кузбасса за коммунизм».

Первым в нее был записан коллектив комплексной бригады коммунистического труда шахты «Березовская-1», возглавляемый Гением Ивановичем Конончуком. Президиум Верховного Совета СССР указом от 26 апреля 1963 года за активное участие в движении за коммунистический труд и в работе общественных самодеятельных организаций трудящихся, инициативу и новаторство в изыскании и использовании резервов народного хозяйства наградил Гения Ивановича Конончука медалью «За трудовую доблесть».

И все же главным достижением руководства треста во второй половине 50-х – начале 60-х годов стало то, что была создана материально-техническая база для дальнейшего развития открытой добычи угля на севере Кузнецкого бассейна. На открытых работах

были внедрены на бестранспортной вскрыше новые шагающие экскаваторы, широкое развитие получила гидромеханизация. Кедровский разрез стал самым крупным по добыче угля в Кузбассе. Среднесуточная добыча достигла 10 625 тонн. Производительность труда на рабочего по эксплуатации составила 325 тонн угля в месяц, себестоимость тонны добытого угля – 3 рубля 05 копеек, что в 2,5 раза ниже, чем при подземном способе добычи в тресте. С уважением на разрезе и в тресте называли в те годы имена машинистов экскаваторов П. Т. Торопова, А. И. Шепилова, Н. И. Бехтерева, И. Т. Аверченко, И. А. Федяева, К. И. Бандурина, В. А. Гааса, мониторингов Н. Ф. Ларионова, И. Селютина и А. Барановского.

Однако в связи со специализацией органов управления угольными предприятиями в пределах области по способам добычи вне зависимости от их местонахождения разрез «Кедровский» был выведен из состава треста и передан в мае 1964 года в созданный специальный комбинат по организации открытой добычи угля «Кузбасскарьеруголь».

Наряду с техническим перевооружением процессов угледобычи, повышением уровня механизации шахтерского труда, внедрения передовых форм организации производства руководство треста «Кемеровоуголь», угольных предприятий занималось и улучшением условий труда и быта горняков.

В 1960 году был установлен шестичасовой рабочий день для всех рабочих, занятых на подземных работах. Все угольные предприятия стали работать на прерывной неделе, с общим выходным днем, что дало возможность коренным образом улучшить ремонт машин и оборудования, повысить культуру производства, улучшить структуру штатов, направить значительное число высвободившихся вспомогательных рабочих в ведущую забойную группу.

В результате осуществления всех этих мер шахтерам треста удалось решить главную для себя задачу: впервые за последние годы в 1961–1962 годах все восемь угольных предприятий выполнили план добычи.

В 1962 году шахтеры рудника выдали дополнительно к плану 172 650 тонн угля. По сравнению с предыдущим годом добыча при тех же производственных мощностях увеличилась на 2532 тонны в сутки. Значительно улучшились качественные показатели: месячная производительность труда рабочих была выше плановой на 1,4 процента и на 6,3 тонны больше, чем в 1961 году, за счет снижения себестоимости угля сэкономлено 202 тыс. рублей, планируемые убытки снижены на 1335 тыс. рублей, а по сравнению с 1961 годом уменьшились на 3538 тыс. рублей.

На итоговом совещании актива работников треста «Кемеровоуголь» было принято решение к концу семилетки в целом трестом отказаться от государственной дотации и работать рентабельно.

9 февраля 1963 года впервые в области состоялось Всекузбасское совещание передовиков угольной промышленности, положившее начало движению шахтерских бригад под девизом «Каждому забою, комплексу, машине, механизму – высокую нагрузку». Это был принципиально новый скачок в соревновании за эффективное использование горной техники.

1000–1500 тонн угля в сутки – такая добыча стала обычным делом для лучших шахтерских коллективов. Первыми на этот рубеж в Кузнецком бассейне вышли механизаторы бригад, которые возглавляли Г. И. Конончук с шахты «Березовская-1», Д. К. Придаченко с шахты имени 7 Ноября, Н. М. Путра с шахты «Чертинская-2».

Опыт работы этих бригад был рассмотрен на совместном заседании коллегии Минуглепрома СССР и Президиума ЦК профсою-

за работников угольной промышленности. Поддержав начин шахтеров о развертывании соревнования за повышение нагрузки на узкозахватном комбайне, коллегия и президиум учредили почетное звание «Мастер-механизатор угольной промышленности». Оно стало присваиваться особо отличившимся рабочим очистного забоя, горным мастерам и инженерно-техническим работникам участков, на которых в течение года среднесуточная добыча угля из лав составляла не менее 1000 тонн.

По предложению новаторов угольного производства бюро Кемеровского промышленного обкома КПСС в 1963 году приняло решение об организации школ передового опыта непосредственно в забоях лучших бригад, на передовых шахтах. В тресте первая школа передового опыта была создана на шахте «Березовская-1» в лаве, где трудилась бригада Г. И. Конончука.

В июле 1964 года бригада Г. И. Конончука начала отработку 360-метровой лавы-гиганта, в которой было установлено несколько всекузбасских рекордов: 85 460 тонн за 31 рабочий день, 4150 тонн за сутки и 1133 – за смену. А за 12 месяцев – с июля 1964 года по июль 1965 года – выкачали 529111 тонн. Столько не давала ни одна бригада в стране, в среднем более чем по 44 тысячи тонн в месяц.

Коллектив бригады еще раз на деле доказал огромные возможности отечественной горной техники, обогатил мировую горную практику и науку.

31 928 тонн угля за 31 рабочий день (июнь – июль) выдала на-гора при помощи комплекса «Тула» (ОМКТ) сквозная комплексная бригада Ивана Николаевича Щелкунова с шахты «Промышленская», а за весь 1964 год добыла 230 тысяч тонн угля. Этот результат стал рекордом бассейна на данный тип комплекса.

«Каждой шахте – устойчивый очистной фронт!» – с таким письмом в начале 1964

года руководители передовых проходческих коллективов Кузбасса обратились через газету «Кузбасс» к проходчикам, вожакам подготовительных бригад, инженерам и техникам.

Бригадир Б. А. Крыжановский с шахты «Березовская-1» от имени своего коллектива взял обязательство пройти в 1964 году 1865 метров бремсбергов, основных и конвейерных штреков.

В марте за 26 рабочих дней бригадой было пройдено одним забоем 503 метра путевого бремсберга. Это всесоюзный рекорд проходки таких выработок с помощью буровзрывных работ на погрузочную машину.

На разрезе «Кедровский» бригады И. Каткова и Ф. Лактионова на шестикубовом шагающем экскаваторе переработали за год соответственно 1,1 и 1,3 миллиона кубометров вскрыши.

В 1965 году проходческая бригада Геннадия Витальевича Круковского с шахты «Бутовская» прошла за год 1500 метров квершлага. Столько в Кузбассе не давала ни одна бригада.

У бригады Г. В. Круковского высоких показателей работы за месяц, как у бригады Г. Идрисова с шахты «Коксовая-1» – рекордсмена скоростных проходок, не было. Но ее с полным правом считали рекордсменом длительной высокопроизводительной работы. Среднеме-

● Алексей Хмелевской. Портрет А.Д. Ракитянского.
Бронза, литье

сянные темпы бригады в два с половиной раза были выше средних по бассейну.

На базе бригады Г. В. Круковского была создана постоянно действующая школа передового опыта по изучению высокопроизводительной работы коллектива по проходке основных выработок по породе с применением породопогрузочной машины ППМ-4 и навесной буровой установки УБН-1.

По итогам работы семилетки за выдающиеся достижения в труде звание Героя Социалистического Труда было присвоено бригадирам шахты «Березовская-1» Гендию Ивановичу Конончуку и шахты «Ягуновская» Алексею Алексеевичу Бабенко. А по итогам восьмой пятилетки этого звания был удостоен бригадир проходческой бригады с шахты «Северная» Анатолий Дмитриевич Ракитянский.

Бригадиры Г. В. Круковский с шахты «Бутовская», И. М. Алисов с шахты «Ягуновская», И. Н. Щелкунов с шахты «Промышленская» были награждены орденом Ленина.

В 1967 году в Верховный Совет РСФСР был избран Г. И. Конончук, а на первой сессии Верховного Совета РСФСР Гений Иванович был избран членом Президиума.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 марта 1966 года было учреждено почетное звание «Заслуженный шахтер РСФСР». Накануне Дня шахтера этого высокого звания среди шахтеров треста первым был удостоен Григорий Филиппович Прилуцкий – горнорабочий очистного забоя шахты «Ягуновская».

Большой вклад в развитие Кемеровского рудника внесли руководители, инженерно-технические работники треста «Кемеровоуголь», угольных предприятий. Здесь прошли хорошую школу инженеры, техники, ставшие крупными руководителями угольной отрасли, партийных и государственных органов. Среди них:

- Александр Николаевич Задемидко – главный инженер шахты «Северная», главный инженер Главугля Востока, начальник комбината «Кузбассуголь», нарком, министр строительства топливных предприятий СССР, замминистра, министр угольной промышленности СССР, председатель Кемеровского совнархоза, заместитель представителя СССР в СЭВ;

- Тимофей Федорович Горбачев – главный инженер треста «Кемеровоуголь», главный инженер треста «Молотовуголь», главный инженер, зам. начальника комбината «Кузбассуголь», директор Кемеровского горного института, заместитель председателя СО АН СССР, Герой Социалистического Труда;

- Владимир Григорьевич Кожевин – помощник главного инженера, главный инженер шахты «Северная», начальник тех-

нического отдела, заместитель главного инженера треста «Молотовуголь», начальник шахты № 10 треста «Молотовуголь», начальник комбината «Кемеровоуголь», начальник объединенного комбината «Кузбассуголь», заместитель министра угольной промышленности СССР, первый заместитель председателя Кемеровского совнархоза, ректор Кузбасского политехнического института, Герой Социалистического Труда;

- Валентин Дмитриевич Никитин – управляющий трестом «Кемеровоуголь» и «Прокпьевскуголь», секретарь Кемеровского обкома КПСС, заместитель председателя Кемеровского Совета народного хозяйства, председатель Кузбасского совнархоза, заместитель, первый заместитель министра угольной промышленности СССР;

- Владимир Алексеевич Малючков – управляющий трестом «Кемеровоуголь», директор института ЦНИИуголь, главный советник по угольной промышленности в Совете экономической взаимопомощи (СЭВ);

- Алексей Григорьевич Пойда – главный инженер шахты «Южная», заместитель главного инженера шахты «Северная», главный инженер, начальник шахты «Ягуновская», главный инженер, управляющий трестом «Кемеровоуголь», начальник управления Минуглепрома СССР;

- Иван Трофимович Помогайбо – начальник участка, начальник шахты «Южная», заместитель главного инженера, председатель профкома шахты «Ягуновская», заведующий отделом труда и заработной платы обкома профсоюза, председатель обкома профсоюза рабочих угольной промышленности;

- Дмитрий Федорович Шимотюк – заместитель управляющего трестом по производству, главный инженер треста «Кемеровоуголь», заместитель директора по производству производственного объединения «Кузбассуголь»;

● Николай Васильевич Никифоров – парторг ЦК ВКП(б) на шахте «Северная», начальник шахт «Пионер» и «Ягуновская», заместитель управляющего трестом «Кемеровоуголь», председатель райиспокома Рудничного района г. Кемерово;

● Дмитрий Тимофеевич Горбачев – начальник участка, главный инженер, директор шахты «Бутовская», главный инженер треста «Кемеровоуголь», директор института «Сибгипрошахт», начальник Всесоюзного объединения «Зарубежуголь», заведующий отделением института горного дела им. А. А. Скочинского;

● Александр Константинович Барредо – директор разреза «Кедровский», заместитель генерального директора производственного объединения «Кузбассразрезуголь», генеральный директор производственного объединения «Востсибуголь»;

● Леонид Арнольдович Западинский – участковый маркшейдер шахты «Бутовская», главный маркшейдер треста «Кемеровоуголь», главный маркшейдер производственного объединения «Северкузбассуголь», главный маркшейдер государственного промышленного объединения «Кузбассуголь», заслуженный шахтер Российской Федерации;

● Степан Панкратьевич Музыкантов – начальник шахты «Центральная», заместитель заведующего отделом угольной промышленности Кемеровского обкома партии, главный инженер треста «Кемеровошахтострой», директор института «КузНИИшахтострой»;

● Валентин Александрович Ткаченко – начальник участка, начальник шахты «Южная», директор шахты «Березовская-1», директор по капитальному строительству, директор по производству производственного объединения «Кузбассуголь»;

● Петр Федотович Шарапов – начальник шахт «Центральная» и «Северная», управляющий трестом «Кемеровоуголь», директор

по кадрам и быту производственного объединения «Кузбассуголь»;

● Владимир Сергеевич Попов – главный геолог треста «Кемеровоуголь», директор Кемеровского индустриального техникума, заведующий кафедрой геологии Кузбасского политехнического института;

● Георгий Петрович Лопаткин – участник Великой Отечественной войны, заместитель главного инженера шахты «Центральная», директор шахты «Промышленская», заместитель главного инженера треста «Кемеровоуголь».

Умелыми организаторами угольного производства проявили себя, оставили добрую память А. В. Ачинович – начальник шахты «Березовская-1», Ф. И. Владимиров – директор шахты «Ягуновская», Ю. В. Скотников – директор шахты «Промышленская», С. Г. Меркулов – начальник шахты «Ягуновская», Л. А. Елисеев – директор шахты «Северная», М. А. Навасардянц – начальник Кедровского разреза, В. В. Созураков – главный инженер шахты «Ягуновская», А. М. Табаровский – главный инженер Кедровского разреза, В. М. Силонов – главный инженер шахты «Березовская-1», Д. С. Смышляев – начальник участка шахты «Промышленская», М. М. Тищенко – начальник участка шахты «Северная», Ф. И. Спирин – начальник участка шахты «Бутовская», И. Ф. Шмыгленко и Н. А. Дусь – начальники участков Кедровского разреза, А. С. Ленивый – главный механик шахты «Березовская-1», Х. Х. Мамбеткулов – механик Кедровского разреза и многие другие.

С середины 60-х годов начался очередной этап преобразования угольной промышленности. В основе его лежала экономическая реформа 1965 года. В числе первых мер было восстановлено единое управленческое пространство для угольной промышленности путем образования общесоюзного Министерства угольной промышленности СССР. Это

вернуло угольным предприятиям директивные каналы получения оборудования, сбыта своей продукции, научных разработок.

Существующая к 1969 году структура управления (шахты – трест – комбинат – Министерство угольной промышленности СССР) настолько разрослась, структурировалась на каждом уровне, что это уже осложняло управление конкретным предприятием из центра.

Первым звеном для реорганизации был избран трест. Этот уровень, как считалось, был помехой не только для министерства и комбината, но и для отдельных шахт. Многие руководители считали, что постоянное вмешательство, мелочная опека со стороны работников треста лишала их возможности самостоятельного ведения хозяйства.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1969 года «О мерах по совершенствованию и удешевлению аппарата управления» и 1970 года «О совершенствовании организации управления угольной промышленностью» был осуществлен переход на трехзвенную структуру управления угольной промышленностью: Министерство угольной промышленности СССР – комбинат – предприятие. Звено «трест» в управлении угольной промышленностью было ликвидировано.

Для предприятий был уменьшен круг планируемых показателей, предоставлена возможность самостоятельно разрабатывать поощрительные фонды. Однако в угольной промышленности выполнение планов реализации продукции зависело не от самих предприятий. Весь объем работ по реализации добываемого угля осуществляло управление «Кузбассуглесбыт» и выполнение планов поставок угля потребителям зависело прежде всего от своевременного и полного обеспечения предприятий порожними вагонами железной дороги. А они, к сожалению, зачастую не выполнялись.

Это вынуждало угледобывающие предприятия сдерживать темпы роста. Им было выгоднее получить более низкий план, с тем чтобы выполнить его и иметь право на выплату поощрительных фондов в полном объеме.

С ликвидацией треста сокращение численности управленцев коснулось в основном среднего звена – работников треста. Шахты оказались на первых порах без оперативного руководства, экономической помощи. Ведь трест за счет преуспевающих шахт помогал убыточным предприятиям, выравнивая положение. Не прошло и года, как комбинат «Кузбассуголь» почувствовал, что теряет контроль над работой шахт.

В комбинате срочно стали создавать новые звенья управления. В результате штаты резко возросли. Поэтому была принята новая схема управления угольной промышленностью, предусматривающая создание производственных объединений по добыче угля и переход на двухзвенную систему управления в РСФСР: Министерство угольной промышленности СССР – производственное объединение.

Эти заметки о шахтерах треста «Кемеровоуголь» – не ностальгия о прошлом. Трест «Кемеровоуголь» действительно сыграл большую роль в социально-экономическом и культурном развитии Рудничного района г. Кемерово, развитию на севере области шахтерского города Березовского. Это прошлый обобщенный опыт. Он в первоначальном виде, конечно, вновь применен не будет, так как в стране другие экономические и социальные условия, но элементы рационального и положительного следует взять, использовать. Это обязательно пригодится. Ведь угольная отрасль Кузбасса развивается, у нее большое будущее. И для этого надо готовить кадры. Я верю, что специалисты и шахтеры угольной промышленности будут востребованы и также высокопочитаемы, как в прежние годы.

Город вечером

Юрий СКУДАРНОВ

СЕМЬЯ ПЕРОВЫХ

Юрий Александрович Скударнов связал с физкультурой и спортом всю свою жизнь. Еще будучи кемеровским школьником, стал перворазрядником по гимнастике и увлекся баскетболом. С отличием окончил Ленинградский техникум физкультуры и спорта, а затем учился в институте физкультуры имени Лесгафта. Был преподавателем физкультуры и тренером по баскетболу в Кемерове. После окончания медицинского института в 1963 году работал травматологом, а потом спортивным врачом, наблюдал за здоровьем многих прославленных кузбасских мастеров.

Имея хорошее знание литературы и владея журналистским пером, Юрий Александрович Скударнов стал пропагандистом и летописцем кузбасского спорта. Его выступления в газетах, по радио и телевидению всегда ярки и популярны. Отметим его повествование «Правобережные мальчишки» в краеведческом альманахе «Красная Горка» (№ 3 за 2002 год под названием «Духовное поле»). Здесь рассказ о том, как обретали мастерство футболисты Юрий Лукин и Владимир Кипреев, как из правобережных мальчишек сформировалась первоклассная команда по хоккею с мячом, как накапливали опыт хоккейные тренеры, имена которых и сейчас известны в спортивной жизни России.

Заслуживает внимания и поддержки работа Юрия Скударнова по истории кузбасского спорта. В книге «Это нашей истории строки (Кемерово 60–80-х годов)» состоялась первая публикация его объемного труда. Книга вышла в 2003 году. Исследования продолжаются.

Юрий Скударнов (1935 года рождения) и сейчас в строю. Он выступает и как врач, и как тренер, и как судья, организатор спортивных соревнований, и как летописец, пропагандист спортивных достижений, и как гражданин города Кемерово. Представляем вашему вниманию его рассказ о кемеровской семье, которую он наблюдает много лет.

В семье всегда была песня. Песня не как времяпрепровождение или отдых от дневных забот и печалей. Песня как общее важное дело в большой, необыкновенно дружной, чистой, как вода в роднике, семье Перовых. Песня – ритуал, святое действо, пароль.

В конечном счете, когда родители уgomонились, выполнили все мыслимые и немыслимые демографические планы, стало девять исполнителей. Мама – Елизавета Ивановна, папа – Алексей Иванович и дети: Ангелина, Виктор, Борис, Надя, Нина, Рита и Верочка (именно так ее и звали – единственная послевоенная, младшенькая).

Запевала обычно мама, позднее могла первой затянуть песню и Нина и, конечно же, Маргарита,

а то и Надя или подросшая Верочка. Бог наградил их всех абсолютным слухом и чудными голосами.

Слаженность, полифоничность. Такое впечатление, что голоса обнимались, помогая друг другу. Песня лилась себе и лилась, заставляя думать, сопереживать, страдать и жалеть, любить и ненавидеть.

Терзались и досадовали вместе с ямщиком, который замерзал в степи глухой. Под завывания баргузина одолевали Байкал, и вместе с бродягой тащились с сумой на плечах по диким степям Забайкалья.

На мгновение умолкали, душа просила новую песню, и голос папы:

– Давайте споем мою любимую.

Все участники семейного ансамбля знали: любимая песня Алексея Ивановича – «Глухой, неведомой тайгою, сибирской дальней стороной». Пели красиво, синхронно, многоголосо. Казалось, вот-вот поднимется на крыльях песни слабенькая крыша их маленького, но необыкновенно уютного и теплого домика на 2-й Тисульской. Хотелось, чтобы как можно больше людей слышали, как поет семья Перовых, присоединялись к ним и чтобы их тоже охватывал трепет.

О роли личности в истории сказано-пересказано, писано-переписано. О роли личности в истории семьи скажу еще раз. Елизавета Ивановна стержень в семье Перовых. Она родила, выкормила, выучила, поставила на ноги, научила любить жизнь, любить труд, любить людей. Вместе с молоком своим передала детям понятия честности, достоинства, порядочности, милосердия. И я это священное слово буду писать только с большой буквы – Мама.

Что заставило молодую (Алексею Ивановичу – 33, Елизавете Ивановне – 27 лет), но уже многодетную пару, сорваться с насиженных, хотя и глухих мест в Костромском захолустье и рвануть в далекую, загадочную Сибирь? Приодели в дорогу детей. Лине, старшенькой, – восемь, Вите – шесть, Борису нет четырех, Надюше нет и трех лет. Нехитрый скарб в мешок. С собой же – швейная машинка (кормилица!), иглы, нитки и... золотые руки, молодые сердца, светлые души.

Не лучший район тогдашнего Кемерова, где семья мыкалась поочередно в трех домах на одном пятачке. Вначале приютились у дальних родственников в домишке, где-то по соседству с нынешней филармонией на 15 квадратах – хозяев пятеро и гостей шестеро. Хотя и родня, но все понимали: «первый день гость – золото, второй – медь, а на третий – домой едь».

Была еще 2-я Заречная и 2-я Тисульская, бывшая Колхозная. Вот здесь-то и звучали песни, в этом домике и состоялся замес красивой, дружной семьи. Семьи, которой в судьбе родного края предстоит сыграть значительную роль.

Богом забытый уголок нашего города – тихий, спокойный, но странно окруженный загадочными и мрачными объектами: совсем рядом за высоченным деревянным забором – тюрьма, после тюрьмы там была психоневрологическая больница, в которой Нина Перова проходила практику. А до переселения больница была на улице Советской, примерно, где сейчас фасад плавательного бассейна. Ее не называли больницей и даже «психушкой», а называли «дурдом». Восточнее дома была и есть знаменитая Искитимка, совсем не такая, как теперь, водилась рыба, в реке купались, в некоторых местах лихие пацаны «не доставали дна», был омут, где по легенде когда-то лихой парнишка Митька утонул, будто бы спасая свою любимую девчонку. Сейчас недалеко от этого места главный корпус государственного университета.

И совсем недалеко «толкучка», почти там же, где сейчас крытый рынок. Базар, «толчок», с полным набором – спекулянты, мошенники, морские свинки, предсказывающие судьбу, инвалиды войны, показывающие «трофеи» и певшие под гармошку, множество щипачей и воров других «специализаций».

А на ближних позициях к дому Перовых были домики и дома прекрасных соседей: Чухонцевых, Хорошковых, Моисеенко, Пестовых, Забавниковых. Соседей, от которых не надо было запираить дверь, не было нужды охранять огород, держать за пазухой камень.

Домишки небогатые, чистые, со ставенками. Нехитрые надворные постройки. Кто побогаче – банька, стайка для коров, уток, кур, погребок и, конечно, уборная, которую сейчас бы назвали туалет.

Огородики небольшие (домик к домику), у Перовых – три сотки. Но все там было – и кустик смородины, и крыжовник, и лук, чеснок, морковь, свекла, репа, редька, огурцы, помидоры, укроп.

Самое страшное время для семьи, как и для всего советского народа, была война. Великая Отечественная – кровавая, беспощадная. И сибиряки, вдали от взрывов и налетов, на своей шкуре

● **Семья Перовых. Сидят (слева направо): Виктор, Елизавета Ивановна, Алексей Иванович, Борис. Стоят: Надежда, Нина, Вера, Маргарита, Ангелина. (1960-е годы)**

испытали, что такое голод, холод, страх, нужда, вши, нечеловеческие страдания. Испытали войну в глубоком тылу в полном объеме, как теперь говорят – «по полной программе».

А к началу страшной беды детей у Алексея Ивановича и Елизаветы Ивановны было уже шестеро – в 39-м и 41-м родились еще две «звездочки» – красавицы, будущие врачи – Нина и Рита.

Когда папу провожали на фронт, мама взяла Витюшку, одиннадцатилетнего смышлениша за плечи, и сквозь слезы простонала:

– Как жить-то будем, Витя?!

Корова, на которую как на кормилицу возлагали большую надежду, оказалась маломолочной, сена не было, кормить нечем – пришлось расстаться.

Мобилизовались все, вся семья от мала до велика. Мама и денно и нощно шила для солдат Красной Армии одежду, возглавляла коллектив

молоденьких девчонок (им бы на танцы, на свидания, да в кино!) в швейно-промышленной артели «Труженик». В ночные смены, чтобы отогнать сон, запевала песни Елизавета Ивановна, она стала, по сути Мамой и для девчат своей артели.

Сами-то еле-еле концы с концами сводили, а еще и уголек из дома приходилось тянуть на саночках в артель, чтобы «труженицы» не озябли. Все передумает Мама за работой: гимнастерка почти готова, представляет, как солдат примеряет ее. Кто знает, может, и Победу встретит неведомый русский парень в этой вот гимнастерке. Здесь вот, слева, может, приколет медаль «За отвагу» или «Славу», а вот здесь, справа, может, и орден будет сиять, и вдруг... сердце кольнуло – вспомнила своего Алексея – может, я саван сшила, и в первом же бою угодит сюда, в грудь, пуля или осколок, и не защитит моя гимнастерка сердце солдата.

Всплакнет, сполоснет лицо студеной водицей и опять за песню:

– Девчонки, а давайте «Катюшу»!

В доме на Тисульской работали на Победу все. Кто поспел по возрасту – учились в школе, трудились на огороде, стирали, убирались, готовили нехитрую еду. Носили воду из колодца, зимой отгребали снег, очищая дорожку. Не ныли, не скулили, не требовали обновок.

Как изловчалась Мама все успеть, все предусмотреть! Но дети, на то они и дети. Играли самшитыми куклами, ссорились. Ритка с Нинкой дрались беззлобно. Потом, тут же торжественно мирились, делились «секретами»... Росли.

Хотите верьте, хотите нет, но маленькие, вмиг повзрослевшие дети военной поры помогали ковать Победу.

Карточная система, полуголодное существование, дикие морозы, ветхая одежка. Ой, лихо, лихо!

Никто учебу не бросил, никто не вырос разгильдяем: пятеро из детей в недалеком будущем получают высшее образование, а двое – среднее техническое. А мама с папой на двоих имели восемь классов: папа – три, мама – пять.

Думал ли Александр Дюма, что его «Графа Монте-Кристо» будет помнить наизусть целыми главами простая, но Великая русская женщина Елизавета Перова.

Алексей Иванович – интеллигентный, деликатный человек, абсолютно мирной профессии – кройщик (по теперешнему – модельер, дизайнер, кутюрье), в паре со своей первой и единственной, горячо любимой Лизой был ведомый. Никогда не ругался, не назидал, если досадовал, то молча. Безумно любил своих детей.

Категорически не любил водку. Пил два раза в год – 1 мая и 7 ноября. Обычно малоразговорчивый, после чарки любил побеседовать «за жизнь». Прожил Алексей Иванович мало. Ему было 67, когда кемеровская, ставшая ему родной, земля приняла его в свои объятия.

Мама пережила мужа, высоко установив планку – 92 года. До конца дней своих была совершен-

но сохранна. С ясным умом и лучистыми глазами. Царствие им небесное.

Ангелина

1 апреля 2008 года Ангелине Алексеевне Тарасенко (Перовой) исполнится 80 лет. Самая старшая. События, о которых идет речь, помнит до мельчайших подробностей. Корректная, деликатная, утонченная Лина любила и уважала своих родителей и обожала всех младшеньких. Но все-таки ближе всех ей, особенно во взрослости, – Нина.

Чутьочку не дотянув до медали, Лина в 1951 году закончила историко-филологический факультет, отделение классической филологии Томского университета, стала преподавать латинский язык в Томском мединституте, а в 1956 году (первый набор) перешла в Кемеровский мединститут и проработала там 37 лет.

Любопытная деталь: в первом наборе кемеровского вуза была студентка Нина Перова, и латынь ей помогала осваивать родная старшая сестра.

Студенты мединститута любили латынь в исполнении Ангелины Алексеевны. Узнали, что до IX века язык был разговорным, потом его сменили языки романской группы. И сейчас во всем мире это язык технической и медицинской терминологии. Язык диагнозов и рецептов. А еще это язык потрясающе точных, крылатых изречений. Из них – *per aspera ad astra*! Как нельзя лучше подходит к семье Перовых.

С 80-летием сестру, маму и бабушку пришли поздравить многочисленные родственники. И мы, ее ученики, присоединяемся к их добрым словам и пожеланиям.

Виктор

Когда началась война, Витя в доме остался за мужика и соответствовал по всем статьям этому высокому званию. Устроился на конный двор. Пас лошадей, ходил в ночное. Конный двор находился недалеко от их дома. Пасли ночью лошадей в районе теперешнего телецентра. Умел запрягать, управлялся не хуже взрослого. Парень крепкий, смысленный и необыкновенно ответственный.

Возил готовую продукцию (сшитое маминной артелью солдатское обмундирование) на склад НКО (народный комиссариат обороны) на Новой Колонии у Коксохимзавода. Летом, наравне со взрослыми, косил, греб, стоговал и скирдовал.

Выполнял однажды ответственнейшее задание – надо было на лошади, запряженной в телегу, доставить продукты (мясо, картошку, крупы, соль, хлеб) на покос, за 60 км от города, чуть не погубил любимого Савраса. Распряг, чтобы Саврас отдохнул, поел, попил. Накануне всю ночь лил дождь.

Подход к «колоде» (емкость для питья скота) – сплошная грязь. В этой жиже таилась яма. Саврас при подходе к колоде рухнул в яму, да так, что наверху торчала только голова... Все, конец! Мама! Что скажет он Маме, как он мог погубить лошадь?! Как же Мама найдет деньги, чтобы расплатиться за Савраса, рассчитаться за сыновнее разгильдяйство?!

Стал лихорадочно соображать, как выручить Савраса и – о, Боже, какое счастье! Под ногами-то лошади была не топь, а твердь. Саврас напрягся, уперся грудью и одной передней ногой в твердое, умные, ошалелые глаза лошади чуть не выскочили из орбит, еще мгновение, и она на свободе! Витя помыл лошадь, напоил, похвалил и тронулся в путь.

1-я школа в Кемерове. Учился на одни пятерки, награда – золотая медаль. Под руководством Ольги Алексеевны Козиной – организатора кемеровской спортивной гимнастики — выполнил первый разряд, стал членом сборной команды Кузбасса, выступал на областных, зональных, республиканских соревнованиях. Побеждал. Виктор прилично играл на семиструнной гитаре, пел, как все Перовы.

В 1953 году с отличием окончил Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта (ныне академия) в звании инженера-лейтенанта.

Потом – большая трудовая жизнь на железных дорогах Кузбасса. Сейчас Виктору Алексеевичу 78 лет. Он в строю, работает. А как же? Без работы – никуда. Какая-никакая прибавка к хилой пенсии и общение, без которого человек – не человек.

Борис

Боря, как и все Перовы, хлебнул горького до слез. Девятилетний пацан – прикиньте, какого цыплёнка застигла война врасплох.

В те годы и чуть постарше он умел уже держать в руках молоток, топор, пилу. Всю мужскую работу, вместе с Виктором, по дому делали они, военные малолетки.

В 14 лет Боря устроился на работу – подсобником в типографию газеты «Кузбасс», где вскоре освоил ремесло метранпажа. Без отрыва от производства окончил Кемеровский индустриальный техникум. До выхода на пенсию проработал машинистом котла Новокемеровской ТЭЦ.

Необыкновенно одарённый, симпатичный парень, играл на гармошке, конечно же, пел. О таких говорят – золоторукий. Служил четыре года в Советской армии. Хороший спортсмен, чемпион полка по тяжёлой атлетике.

Даже по российским меркам век Бориса недолог – в 68 он первым среди детей Перовых ушёл из жизни.

Судьба его продолжается в детях и внуках: дочки Люба и Таня – врачи, сын Сергей имеет огромный набор прекрасных ремёсел: повар-инструктор (лучший повар года – 1983 год), педагог дополнительного образования (кинофотокружок). В 1989 году окончил Московский факультет фотожурналистики. Ещё и дипломированный электро-монтёр.

У Бориса Алексеевича пять внуков. Перовым – жить, Перовым – творить, Перовым – здравствовать!

Надежда

Во взрослой жизни развеселая, неунывающая гордочка, любительница путешествий. Первое свое необыкновенное путешествие из костромских мест до Кемерова совершила в возрасте, когда ей не было еще и трех лет. Сдюжила, не расползлась, не канючила.

Надежда Алексеевна великолепно осознает, что все, чего она достигла (в сентябре грядет круглая

дата – 75 (!) лет), – заслуга ее родителей. И сама Надежда Алексеевна «образцово-показательная» мама. Выростила двух достойных сыновей (высшее образование – железнодорожники), четырех внуков (высшее образование) и подрастает чудо – правнучка. Пришло время, похоронила мужа, с которым в полном согласии и гармонии прожила более полувека, приняв в свое распоряжение его фамилию Теренко.

Если уж по-честному, Надежда была очень способной девочкой, делала успехи, как и Виктор, в спортивной гимнастике. Очень чувственная и щепетильная. Может, это и заставило ее скорее получить ремесло и добывать хлеб. Сколько можно сидеть на родительской шее?!

Когда Надя училась в Горловке (Донецкая область), приехала на каникулы в отчий дом. Время промелькнуло и снова в путь. Да вот беда! Денег на обратную дорогу нет. Сидит, обливаясь горькими слезами – что делать, как быть? И тут со сжатым кулачком подходит малютка Верочка: «Не плачь, Надя, вот тебе деньги на дорогу!» Разжимает кулачок, на ладошке тридцать копеек. Вот такие они, Перовы!

Нина

Самая яркая звезда в совершенно неординарной семье Перовых. Пятый ребенок по ранжиру и первая девочка из трех, родившихся в Кемерове.

Горя и нужды хлебнула полной чашей. Два годика – не тот возраст, чтобы понять, что же случилось со страной, с миром и её семьей 22 июня 1941 года. Заботы о Нине и ещё совсем маленькой Рите легли на хрупкие плечи старших сестер Лины и Нади. Водили и возили на санках малышей в ясли и детсад, в поликлинику, опекали, оберегали, как могли.

Биография Нины – прямая, как стрела: одна единственная любимая 41-я школа – на финише медаль.

Горячо любимая alma mater – Кемеровский мединститут, выпуск – первый, красный диплом.

Аспирантура на кафедре нормальной физиологии – защита кандидатской диссертации – ас-

систент, доцент, защита докторской – профессор, заведующий кафедрой (более четверти века).

Дружба, любовь, утраты, разочарования.

В 4-м классе «покаялись» дружить вечно с Таней Шаповаловой, дочкой председателя облисполкома. Нина впервые побывала в «барской» квартире, конечно, не в такой, как теперь у «новых русских», но все же: огромная кухня, ванная комната... И главное – пианино! Таня – играла, Нина – пела.

Таня стала однокурсницей Нины – дружба продолжалась.

Перова – первая в истории КГМИ возглавила комитет комсомола, она – первый ленинский стипендиат.

Кому больше повезло в создании звездной студенческой пары – Нина Перова и Лёня Барбараш, никто не знает, но я думаю – Лёне.

Только от огромной искренней любви могла родиться такая «королева», как дочка Ольга, а через 10 лет – Светлана (врач, живет с мужем, тоже врачом, в Америке).

На солидных торжествах (50-летие медакадемии, 50-летие лечебного факультета) можно лицезреть потрясающую картину – три доктора наук, три профессора, три крупных руководителя, один из которых – единственный в Кузбассе – академик РАМН, мама, папа и дочка с одной фамилией – Барбараш.

По словам самой Нины Алексеевны, что в ней есть хорошего – трудолюбие, честность, порядочность, скромность, ответственность.

Не вознеслась, не зазналась, не возгордилась!

Нина исколесила полпланеты, более 10 раз была в США, но любовь к своей Родине, к своему городу неистребима.

Маргарита

Настоящая кемеровчанка. Малышку тоже безжалостно опалила война. Навстречу хмурому утру выезжала она на санках в ясли и детсад. «Карету» везли старшие сестры, чаще всего Наденька.

Потом была Победа, салют, мирная, но очень тяжёлая жизнь... Школа, тоже 41-я.

Чуть не дотянула до медали и, конечно же, мед-институт. И в школьные и в студенческие годы Рита в гуще событий – заводная, с талантом организатора, певунья, плясунья. Как и все Перовы, ответственная, добросовестная, умеющая сострадать, чувствовать чужую боль, как свою собственную.

Неудивительно, что Маргарита Алексеевна возглавила городской комитет профсоюза медработников. Работала с огоньком, со знанием дела, с потрясающей отдачей. Как и следовало ожидать, новая высокая ступень – заместитель заведующего облздравотделом по кадрам.

В 1975 году, стартовав в этой ответственной должности, Маргарита Алексеевна, практически перекроила, перепахала, перестроила всю работу с кадрами. За всю историю здравоохранения Кузбасса – она была одним из лучших командиров кадровой политики.

Затем работа по специальности – рентгенолог в областном туберкулёзном диспансере.

Жизнь Маргарита Алексеевна прошла рука в руке с Виталием Дрыгиным, тоже врачом, весёлым, надёжным человеком.

Ей было 66 лет, когда умерла. Жить бы да жить. Царствие ей небесное.

Вера

Верочка – младшенькая, седьмой ребенок. Семеро по лавкам, семеро с ложкой, семь бед и так далее. Семь – богово число. В десятках русских пословиц и поговорок – семь, семь, семь.

Папа вернулся с фронта, на земле – мир. Наши однолетки помнят этот голодный, неуютный мир. 46-й год, когда Верочку принесли из роддома в отчий дом и последующие годы были худые – неурожайные, голодные, тоскливые.

Нянек у Верочки было много – четыре сестры. Её любили, лелеяли, но особенно не баловали. В маленькой девчужке угадывалась грядущая красота, стать и ум.

Десятилетка позади, и вот очередная в семье Перовых золотая медаль!

Родительский дом, из которого выпорхнули в свет Перовы, попал под снос. Чудеса! Почти на

огороде началась «великая» стройка – Кемеровский пединститут, будущий Университет, на родимой Перовской земле. Пединститут и закончила Вера – физический факультет, с красным дипломом в 1969 году.

Этот год и был началом красивой, яркой трудовой биографии продолжающейся по сей день. Учитель, освобожденный комсорг в медицинском училище, снова учитель, заместитель директора по учебно-воспитательной работе. Шестнадцать лет отдала школе № 18 города Березовского. С 2000 года работает учителем и завучем в средней школе на Металлплощадке.

Портняжит (в маму и папу), вяжет, великолепно готовит. Любит стихи, начиная от А. С. Пушкина и кончая современными поэтами, в том числе кемеровскими. Очень неплохие, проникновенные стихи пишет сама.

Как и все Перовы – плясунья, певунья, училась в музыкальной школе по классу скрипки. Потрясающий, многогранный человек Вера Алексеевна Карасева (Перова).

Эпилог

О внуках и правнуках Перовых – разговор особый. Они – эти ветви и веточки семьи могут встретиться вам под фамилиями: Тарасенко, Барбараш, Карасёвы, Теренко, но у всех у них – Перовская кровь.

Не вывихнутые, не надломленные, честные, трудолюбивые. Их не испортило современное телевидение – циничное, агрессивно-убойное, сексуально-распущенное, сориентированное на «золотую» молодежь – бездельников, пьющих кровь из богатых, часто вороватых пап и мам.

Дерево семьи будет разрастаться, крепнуть и благоухать, но всегда благородные потомки будут помнить и знать о своих истоках: мать-героиня, кавалер ордена «Материнская слава» – Елизавета Ивановна и великий труженик, золоторукий и ясноголовый Алексей Иванович Перовы.

Жизнь продолжается. Её продолжают – 13 внуков, 21 правнук и 4 праправнука... пока.

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Этот раздел подготовил для «Красной Горки» Николай Яковлевич Троицкий, известный в стране журналист. Кемеровчане помнят его как комсомольского и партийного работника, первого редактора газеты «Комсомолец Кузбасса», многолетнего редактора областной газеты «Кузбасс», одного из руководителей популярной в свое время газеты «Социалистическая индустрия». Николай Яковлевич отметил свой 85-летний юбилей. Продолжает журналистскую деятельность, являясь редактором-составителем альманаха «Земляки. Кузбасс в нашей судьбе», выходящего в Москве. Участвует в кемеровских изданиях. Его редакторские воспоминания печатались в альманахе «Красная Горка», в газетах «Кузнецкий край» и «Кузбасс», в сборнике «Это нашей истории строки», в книге «Ветераны Кузбасса: помним, верим, живем» и других книгах.

В 2005 году альманах «Красная Горка» предоставил свои страницы для его яркого публицистического повествования «Степан Беляев из поколения победителей», о хирурге и главном враче Рудничной больницы, доблестном воине на фронте, организаторе областной больницы и первом ректоре Кемеровского медицинского института. Позднее это повествование вышло отдельной книгой в Москве.

К 90-летию города Кемерово Николай Яковлевич Троицкий собрал автобиографические очерки наших земляков, ныне живущих в столице.

***Т. Н. МАКРИНСКАЯ,
председатель правления
Региональной общественной
организации «Землячество
Кемеровской области»***

МЫ ИЗ КУЗБАССА

Мы – это члены Региональной общественной организации «Землячество Кемеровской области» в Москве. Землячеству больше 12 лет.

В Москву из Кузбасса переезжали при выдвижении на новую работу, кого-то оставляли в столице после окончания специальных высших учебных заведений, вузовской аспирантуры и по семейным обстоятельствам. В столице постоянно проживает более 3 тысяч кузбассовцев. Мы все разные, объединяет нас одно – мы из Кузбасса, с которым навсегда связаны наши судьбы. И долго еще мы говорили: «А вот у нас в Кузбассе...» А если с годами говорить перестали, в душе осталось самое светлое, доброе воспоминание о том, как

жили, работали, дружили в родном для нас краю.

Сегодня старейший в Землячестве – Виктор Иванович Коминов, 1911 года рождения. Сын питерского рабочего, выпускник Томского политеха, в предвоенные и военные годы – инженер КМК, затем главный инженер, директор Кемеровского коксохимзавода, зам. председателя Кемеровского совнархоза, главный инженер Главкокса Минчермета СССР. До последнего времени, пока не отказали глаза, активный член редколлегии и автор журнала «Кокс и химия».

Из крупных руководителей промышленности этого поколения членами Землячества были, к сожалению, уже ушедшие от нас председатели Кемеровского совнархоза Александр Николаевич Задемидко, Валентин Дмитриевич Никитин, Герой Социалистического Труда, Почетный гражданин Кемеровской области, директор КМК Борис Николаевич Жеребин, Герой Социалистического Труда, директор Юргинского машиностроительного завода, зам. председателя Кемеровского совнархоза Василий Васильевич Лобанов, Герой Социалистического Труда, знаменитый сталевар, начальник доменного цеха КМК Михаил Моисеевич Привалов, директор института КузНИИшахтострой Степан Панкратьевич Музыкантов, председатель Кемеровского облисполкома Владимир Семенович Шаповалов, зав. кемеровским облоно Владимир Никитич Усанов.

Нет среди нас и таких представителей более молодого поколения, как председатель Кемеровского облисполкома Филипп Васильевич Попов, секретарь Кемеровского обкома КПСС Владимир Иванович Залужный, зам. председателя Кемеровского облисполкома Людмила Леонидовна Савицкая, начальник Кемеровского высшего военного училища связи генерал-майор Владимир Васильевич Тимофеев, зам. начальника уп-

Т.Н. Макринская

равления КГБ по Кемеровской области Александр Сергеевич Туркин. Сегодня в списках Землячества – вдовы и дети этих и других наших умерших товарищей.

Давно перешагнув пенсионный рубеж, продолжают плодотворно трудиться Тамара Федоровна Во-

льнова, доктор технических наук, профессор, зав. лабораторией ЦНИИ черной металлургии им. И. П. Бардина, Филипп Денисович Бобков, научный сотрудник Института социально-политических исследований АН РФ, Тамара Прокофьевна Беляева, профессор Института коммерции и права, Галина Васильевна Кириллова, профессор Московского государственного Открытого университета, Виктор Павлович Варфоломеев, доктор экономических наук, профессор Государственного института управления, Элла Александровна Варфоломеева, профессор Московского государственного университета инженерной экологии, Сталина Алексеевна Страгис, доцент Московского государственного университета инженерной экологии, Дмитрий Тимофеевич Горбачев, кандидат технических наук, доцент, зав. отделением ИГД им. А. А. Скочинского, Антонина Валерьевна Семичастная, кандидат технических наук, доцент «Станкина», Татьяна Федоровна Будникова, завуч гимназии № 625, супруги Михаил Никифорович и Валентина Дмитриевна Коноваленко, работники аппарата Московского городского Совета ветеранов, Вера Васильевна Крылова, врач городского кардиологического диспансера и другие.

Большая группа членов Землячества – пенсионеры, не работающие по состоянию здоровья, по возрасту. Многие из них в активе Землячества, ветеранских организаций по месту жительства.

И, наконец, те, кто помоложе, кто трудится сегодня на государственной службе, в медицине, народном образовании, в бизнесе, средствах массовой информации, в искусстве, а также совсем молодые, аспиранты и студенты.

Особенно важно собраться, объединиться было в тяжелую пору безвременья, в начале 90-х, когда рухнул Советский Союз, были ликвидированы отраслевые министерства, многие другие организации, а в трудовых книжках появились записи: «Уволен в связи с ликвидацией...». Человек с нищенской пенсией оставался один на один с диким криминальным рынком. Никому не нужен, выживай, как сумеешь, под улюлюканье «демократических» СМИ, поливающих грязью все советское, честных тружеников, фронтовиков, построивших и отстоявших великую державу.

И вдруг телефонный звонок: «Создается Кузбасское землячество»... Значит, кому-то ты нужен, кто-то о тебе помнит. Как в той песне: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!» Это была огромная моральная поддержка, люди горячо откликнулись на призыв организаторов. Среди них были Вадим Викторович Бакатин, Владимир Иванович Залужный, Леонид Александрович Попов, Филипп Васильевич Попов, Татьяна Викторовна Новикова, Валентина Дмитриевна Коноваленко.

Землячество родилось, потому что оно нужно нам, вчерашним кузбассовцам, волею судеб ставшим москвичами. Теперь наша организация одна из самых крупных и деятельных среди подобных организаций в Москве.

26 января 2008 года – 65 лет со дня образования Кемеровской области. Этот юбилей мы отметили вместе со всеми кузбассовцами с чувством гордости за наш родной край, за свою причастность к его развитию.

Это была хорошая школа, которую те, кто трудился в Кузбассе в 60-е – начале 70-х годов прошлого века, называют «школой Ештокина». Тогдашний первый секретарь обкома партии Афанасий Федорович Ештокин смело выдвигал на руководящие посты способных молодых работников, учил государственному подходу к делу, поддерживал, помогал. Не противился и переводу в Москву, но только в том случае, если предлагаемая должность была солидной, с перспективой роста. «Выпускники» этой школы, члены нашего Землячества, успешно работали министрами и зам. министров союзных и республиканских министерств, в Госплане и Госснабе СССР, на дипломатической службе, в аппарате Совмина РСФСР, ЦК КПСС.

С благодарностью мы видим, что наш посильный вклад в общую работу на благо Кузбасса и сегодня в области не забыт. Это теплые, сердечные поздравления и подарки к праздникам, высокие, дорогие сердцу областные награды, которыми отмечены многие из нас: «За служение Кузбассу», «За особый вклад в развитие Кузбасса», «За честь и достоинство» и другие. Писатель Георгий Николаевич Фролов и журналист Николай Яковлевич Троицкий – лауреаты премии Кузбасса. Вот и недавно по поручению губернатора Амана Гумировича Тулеева мы с Тамарой Александровной Звягиной, руководителем Представительства области при Правительстве РФ, вручали областные награды ветеранам. Было особенно приятно объявить о присвоении высокого звания «Почетный гражданин Кемеровской области» бывшим директорам Запсиба Борису

Иннокентьевичу Ашпину и Александру Андреевичу Кугушину.

Всякий раз, выполняя поручения губернатора, передаем его краткий наказ: «Будьте внимательны к людям!». В этих простых словах суть, смысл программы А. Г. Тулеева, с которой он вступил на губернаторский пост 10 лет назад, во время полного развала экономики, бедственного положения людей, политической и социальной напряженности. Через несколько лет депрессивный регион стал одним из самых стабильных и динамично развивающихся. Его энергия, целеустремленность, настойчивость, умение организовать дело, повести за собой людей, внимание к человеку позволяют решать самые сложные проблемы. И не удивительно, что кузбассовцы своему губернатору доверяют, его начинания поддерживают.

Особая благодарность руководителям области за их умение чтить Память. Незабываемым останется прилет ветеранов Великой Отечественной войны из Кузбасса спецрейсом ТУ-154 в очередную годовщину Победы под Москвой, доставивших родную, воистину пуховую кузнецкую землю на гору Семи Ветров Волоколамского шоссе, где в граните и бронзе стоят наши сибирские мальчики.

В дни школьных каникул мы принимаем спецпоезда с детьми из Кузбасса, которые знакомятся со столицей, музеями, театрами, памятниками боевой Славы, Звездным городком и музеем космонавтики, в котором бессменный гид – наш земляк Борис Валентинович Волинов – летчик-космонавт, дважды Герой СССР.

Мы искренне рады, что нас наградили грамотами Совета ветеранов РФ, Правительства Московской области, комендатуры Московского Кремля за работу по военно-патриотическому воспитанию и пропаганду ветеранского движения. Работа по шефству

над Президентским полком отмечена благодарственным письмом Генерального штаба.

Мы в Землячестве рады успехам, с которыми область встретила свое 65-летие, благодарны администрации, областному Совету, А. Г. Тулееву, члену Совета Федерации РФ от Кузбасса С. В. Шатинову за внимание, заботу и поддержку.

Традиционно в памятные даты наше участие в мероприятиях Московского правительства у Мемориала воинам-сибирякам на 42-м километре Волоколамского шоссе, возложение венков от губернатора области А. Г. Тулеева, от Землячества. Поездки к могиле новокузнецанина полковника В. И. Полосухина, командира 32-й дивизии, к месту казни Веры Волошиной, Героя России. Теперь будет еще один маршрут – к памятнику Вере из белоснежного кузбасского мрамора, установленного администрацией г. Кемерово в деревне Крюково на братской могиле, где похоронена Вера. Открыт памятник 30 сентября 2006 года в день 87-летия со дня ее рождения.

Продолжим выступления ветеранов перед молодежью, встречи с делегациями ветеранов и школьниками из Кузбасса, дружбу с Президентским полком, где служат и кузбассовцы. В День Победы сердечно поздравим друг друга, особенно участников, ветеранов Великой Отечественной войны. Превозмогая нездоровье, они в строю, они наши правофланговые. Совет старейшин Землячества возглавляет фронтовик Евгений Зотович Разумов, его веское, мудрое слово всегда к месту и очень нам помогает.

Продолжаем издательскую деятельность. Четыре книги в серии «Земляки. Кузбасс в нашей судьбе». Кроме того, выпущены книга П. П. Торощина «Фронтовые маршруты Победы», документальная повесть Н. Я. Троицкого «Степан Беляев из поколения победителей», сборник «Защитили Мос-

кву, отстояли Отчизну» о подвиге сибиряков в великой битве.

Останемся оптимистами и будем вспоминать из прожитого больше хорошего – оно пригодится нашим современникам и потомкам. Молодежи, только что вступившей на трудную жизненную дорогу, так не хватает опыта, мудрости и добра их отцов и дедов. Есть надежда, что биографии и рассказы моих земляков, представленные в этой подборке, помогут хоть отчасти восполнить этот пробел. Главное – всегда помнить, что мы из Кузбасса!

Виктор КОМИНОВ

РОЖДЕНИЕ КОКСА

Виктор Иванович Коминов. Родился 14 сентября 1911 года в городе Санкт-Петербурге, в семье рабочего-модельщика Балтийского судостроительного завода. Мой отец, Коминов Иван Иванович, во время службы на флоте (1903–1908 годы) был участником

восстания на крейсере «Очаков» под руководством лейтенанта Петра Петровича Шмидта. В семье долгое время хранилась фотография команды крейсера и ленточка с матросской бескозырки.

В 1918 году из-за трудностей с продовольствием часть производства Балтийского завода была переведена в город Омск. Так я вместе с семьей на десять лет стал жителем

этого сибирского города. Май 1929 года. Я только что окончил школу-девятилетку и передо мной встал вопрос: «Что дальше?». Отец дал мне деньги на покупку только что выпущенного массовым тиражом издания «Готовься в вуз». Выбор пал на Сибирский технологический институт в Томске.

В 1930 году химфак преобразовали в Сибирский химико-технологический институт, просуществовавший до 1935 года, когда его вновь на правах химфака вернули в Томский политехнический институт. На втором курсе была сформирована группа по специальности «технология пирогенных процессов» в составе двадцати мужчин. На третьем курсе, в феврале 1932 года, нашу группу отправили на производственную практику на Кузнецкстрой (первое название будущего Кузнецкого металлургического комбината). Наш приезд совпал с подготовкой к пуску первой батареи коксовых печей. В те годы было очень мало опытных специалистов-коксохимиков, готовых к эксплуатации новейших конструкций коксовых печей и химического оборудования, какие строились в Кузнецке и на Магнитке. С рабочими профессиями тоже положение было не лучше: машинисты, мотористы, набранные из вчерашних строителей, землекопов, прошедшие краткосрочные курсы, совершенно не имели производственных навыков, да и где было их получить?

На мою долю выпала работа мастером коксосортировки – целого комплекса сооружений и мостов, в которых двигались длинные, многометровые транспортеры с коксом, направляемым на различные грохота для разделения на классы по крупности. 24 февраля 1932 года на батарее № 1 при огромном стечении народа (ведь входил в строй действующих первый промышленный объект металлургического комплекса кокс–чугун–сталь–прокат) был выдан первый кузнецкий кокс!

10 мая 1934 года по путевке Наркомтяжпрома прибыл на постоянную работу на Кузнецкий металлургический комбинат и сразу получил назначение начальником смены коксовых печей. Приобретенный опыт на производственных практиках позволил мне успешно руководить сменой, которая уже обслуживала все четыре батареи, снабжая коксом первые две доменные печи. В том же году «за успешное руководство сменой» я был премирован дирекцией комбината велосипедом. Это была моя самая первая в жизни награда, и тем она особенно дорога.

В декабре 1935 года призван на годичные курсы по подготовке военных специалистов при военном складе № 74 Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, которой командовал легендарный Василий Константинович Блюхер.

В декабре 1936 года вернулся на КМК и получил назначение начальником смены машинно-сульфатного отделения. В мае 1937 года меня пригласил начальник коксохимического производства А. С. Джумук и предложил принимать в качестве начальника заканчиваемое строительством смолоразгонное отделение. Пришлось сесть за изучение «Справочника коксохимика» – первого серьезного издания по коксохимпроизводству. Потом в отделе кадров комбината набрал группу из 25 рабочих и поехал с ними в Кемерово на коксохимический завод, где с 1935 года действовал смолоперегонный цех, построенный по тому же проекту, что и наш. Мы при пуске отделения учли многие ошибки, допущенные при эксплуатации цеха кемеровчанами. В октябре 1937 года смолоразгонное отделение вступило в строй действующих.

В 1939 году меня пригласил работать в качестве старшего инженера в технический отдел комбината заместитель главного инженера комбината, начальник этого отдела

Григорий Ефимович Казарновский, выдающийся металлург и замечательный человек, который вместе с И. П. Бардиным проектировал, строил и осваивал производство Кузнецкого металлургического комбината. Первоначально, придя с производства, чувствовал себя «не в своей тарелке»: бумаги, письма, которые «сочинял», нещадно перedelывал мой начальник. Я даже собирался из отдела уходить, хотя работа была интересной, поскольку общался с директором комбината Р. В. Беланом, главным инженером Л. Э. Вайсбергом и другими руководителями, приглядывался к тому, как управляют огромным, сложным комбинатом. Когда я обратился к Казарновскому по поводу ухода, он очень удивился и спросил: «Я чем-нибудь вас обидел?». Я откровенно ему рассказал о моих сомнениях, он добродушно засмеялся и сказал: «Это дело наживное, пройдет немного времени и у вас все будет получаться, главное дело в конкретной работе, все будет хорошо». Меня эта беседа успокоила и вдохновила. Бумаги писать я научился.

Удачная разработка в 1940 году обоснования и задания на проектирование строительства 5-й батареи коксовых печей, получившая положительную оценку экспертизы Наркомчермета, окончательно вселила в меня уверенность в полезности моей работы в техническом отделе комбината. Этому способствовали несколько моих рационализаторских предложений, которые были осуществлены в масштабах комбината. В частности, использование смолы, скопившейся в котловане, возле моста через речушку Абу; перевод доменных печей с кокса крупностью в 25 мм на кокс крупностью 40 мм, что позволило улучшить ход доменных печей и повысить выплавку металла – это было важным фактором в годы войны. Распоряжением Наркомчермета в октябре 1943 года это предложение, сделанное совместно с

В. М. Зудиным, было внедрено на других заводах.

В 1944 году стал заместителем главного инженера коксохимпроизводства КМК. Мой труд в военные годы отмечен медалью «За трудовую доблесть» и орденом Красной Звезды. Почти 18 лет работы на Кузнецком металлургическом комбинате считаю самыми важными, интересными, но и наиболее трудными.

Летом 1950 года был назначен главным инженером, а в июле 1951 года директором Кемеровского коксохимического завода. Вскоре ко мне обратился директор лесосплавной базы, расположенной на реке Томь рядом с заводом, с жалобой на сброс в реку так называемой пековой смолы, получаемой при производстве электродного кокса. Посетил лесобазу и ужаснулся: весь берег загрязнен смолой на несколько километров, бревна тоже, сплавщики работают в грязной от смолы одежде и обуви. В сороковые годы прошлого столетия Кемеровский завод был единственным производителем электродного кокса для алюминиевой промышленности, прекратить выработку пекового кокса было невозможно. Собрали в ЦЗЛ группу исследователей, которую возглавила инженер З. М. Бардига. После многочисленных и длительных экспериментов удалось силами специалистов завода разработать и осуществить проект промышленной установки по утилизации пековой смолы. К концу 1952 года сброс смолы в реку Томь был полностью прекращен!

Вообще же работа на Кемеровском коксохимическом заводе была для меня очень интересной, творческой и плодотворной. За эти годы было увеличено производство электродного кокса за счет строительства специальной батареи, которую сконструировали и построили собственными силами завода. Проведена реконструкция углеподготовки, построен четвертый сатуратор в

сульфатном отделении, решена транспортная проблема внутризаводских перевозок за счет приобретения мощных паровозов.

Приходилось решать неожиданно возникающие проблемы. В 1953 году мы получили приказ Минчермета построить в Кемеровской области (в развитие постановления правительства) машинно-тракторную станцию (МТС). Это было для нас как гром среди ясного неба. Шутка сказать, заниматься за десятки километров от завода строительством такого крупного объекта собственными силами. Это, кроме всяких прочих трудностей, означало прекратить строительство жилья и других объектов на заводе! Позвонил начальнику Главкокса, выразил свое недоумение, как они могли согласиться на такое, получил ответ: «Моего мнения никто не спрашивал, хочешь, позвони министру». Позвонил министру И. Ф. Тевосяну, попытался объяснить свои трудности, в ответ услышал: «Ты хлеб хочешь есть? Ну, вот и строй МТС, будь здоров!». И пришлось строить. Плотниковская МТС вошла в строй действующих.

Поселок, построенный во время войны в Заискитимском районе для рабочих кемеровских предприятий, долгие годы оставался без кинотеатра. В нарушение запрета строительства культурно-просветительских учреждений за счет средств предприятий, мы, силами строителей завода, в 1956 году ввели в строй кинотеатр «Металлург», прослуживший более четверти века.

Расскажу об одном «международном» событии. В марте 1957 года секретарь обкома КПСС сообщил, что мне поручено дать интервью американскому журналисту Джозефу Олсопу, который приехал в СССР для ознакомления с руководителями промышленности. В газетах тех лет часто упоминались статьи братьев Олсоп – американских политологов, их называли не иначе как антисоветчиками. Встреча с Д. Олсопом

состоялась у меня в кабинете. Он явился в огромной шапке-ушанке и меховой шубе светло-рыжевато-го цвета, будто собрался на северный полюс! Беседа проходила при участии переводчика Интуриста, отлично владевшего английским языком, настолько, что не чувствовался языковой барьер. Он синхронно переводил наши слова, легко сохраняя во фразах чувство юмора. Олсоп предупредил, что он не шпион, его совсем не интересуют количественные сведения о производстве продукции, но он человек нахальный, как все журналисты, и может задавать вопросы о личной жизни. Я, шутя, заметил, что уверен – он не шпион, иначе наш КГБ его к нам не пустил бы – это его очень развеселило. Он тут же спросил, женат ли я? Я сказал: «Женат, как все уважающие себя мужчины». «Представьте, а я не женат», – говорит Д. Олсоп. «Сочувствую, но помочь ничем не могу» – эти слова вызвали громкий хохот собеседника. Беседа сразу приобрела непринужденный характер, мы проговорили часа два – два с половиной. Позднее получил от Олсопа небольшое письмо на бланке гостиницы «Националь», в котором он благодарил за «приятную беседу» и приглашал в гости в США.

Летом 1957 года мне позвонил знакомый кемеровчанин, работник идеологического отдела ЦК КПСС, и сообщил, что они читали статьи Олсопа в американской прессе о поездке в СССР. В одной из статей он очень хорошо отзывается о встрече со мной. Мои попытки прочитать эти публикации не увенчались успехом. И только 40 лет спустя удалось получить ксерокопию одной из статей Д. Олсопа в «Сатердей Ивнинг пост» под названием «Так ли хороши советские специалисты, как их коллеги в Америке?». В этой статье автор действительно неплохо отзывается о нашей беседе. По его словам, «советские руководители – энергичные, де-

ятельные, болеющие за свою работу, проявляющие интерес ко всему новому... они во многом схожи со своими американскими коллегами».

С детских лет я увлекался игрой в шахматы, особенно после первого международного турнира 1925 года в Москве, в котором участвовали знаменитые в те годы Ласкер, Капабланка, Рубинштейн, Боголюбов, Маршал, Романовский и другие. Предложил руководителям спорторганизаций города открыть шахматный клуб в одном из помещений первого этажа жилого дома по Советскому проспекту, строительство которого заканчивал наш завод. Это предложение после длительных дебатов на исполкоме горсовета (на помещение было много других претендентов) при поддержке тогдашнего секретаря горкома партии В. И. Карпова было принято. В 1998 году клуб отметил свое сорокалетие. Мне было приятно узнать, что в газете «Кузбасс» 6 июня 1998 года в заметке «Первый в Сибири» отмечена моя скромная роль в создании шахматного клуба.

С большим сожалением покидал в 1958 году ставший мне очень близким КХЗ в связи с назначением заместителем председателя Кемеровского совнархоза. На заводе сложился прекрасный коллектив рабочих, инженерно-технических работников, начальников цехов и отделов. Назову такие имена, как К. В. Золотарев, П. Р. Салтан, П. Д. Мошковский, Н. А. Кононов, А. Г. Белый, Л. Ф. Бахтаров, Л. М. Штейн, Л. И. Златин, А. С. Бирик, Л. Е. Гуревич, Д. А. Савиных, А. К. Маметьев, Н. П. Токарев, Е. И. Яхнис, А. Н. Хромых, Д. А. Захарьев, М. Л. Белгородский, Г. И. Глухов. Особо отмечу роль главного инженера завода К. Д. Базыля, ставшего моим преемником, высококлассного специалиста, человека немногословного, несколько медлительного, очень строгого при прове-

дении разного рода газоопасных и взрывных работ. За восемь лет нашей совместной работы у нас не было никаких серьезных ЧП.

Работа в новой должности принципиально отличалась от работы на предприятии. Мне было поручено заниматься химической, лесной, пищевой промышленностью, автомобильным и железнодорожным транспортом. Вопросы, в том числе и межотраслевые, в совнархозе решались оперативно.

В середине 1958 года председатель совнархоза А. Н. Задемидко предложил мне срочно заняться строительством цеха ионообменных смол на заводе «Карболит». На мое возражение, что есть заместитель по строительству, получил ответ: у него много объектов, и он не успевает за всем уследить, а это объект важнейший. Как мне стало известно, в конце 1957 года в Кемерово приезжала комиссия ЦК КПСС, которая проверяла ход строительства объектов химической промышленности (апологетом химии тогда был Н. С. Хрущев!) и констатировала отставание на «Карболите». Энергично взялся за дело, утвердил условия денежного поощрения за сокращение сроков работ. К лету 1959 года закончили строительство трехэтажного корпуса, коммуникаций, вспомогательных объектов и начали монтаж оборудования.

В одну из пятниц июля 1959 года звонит первый секретарь обкома С. М. Пилипец: «Виктор Иванович, в понедельник вам надо быть в промышленном отделе ЦК с отчетом о строительстве цеха на «Карболите». Срочно даю задание сделать фотографии всех построенных объектов, монтажа оборудования. Вооружившись комплектом фотографий, прибыл в Москву. На совещании очень кратко доложил о ходе строительства, предоставив фотографии, высказал претензии к проектировщикам и поставщикам недостающего оборудования. Фотографии произвели впечатление на присутствующих и ведущего

совещание зав. отделом И. П. Ястребова. В обкоме и совнархозе были довольны результатом отчета. В конце 1959 года цех ионообменных смол на заводе «Карболит» был введен в строй действующих.

Замечу, что с созданием совнархозов если не выиграли, то и не пострадали все отрасли промышленности. Вместе с тем совнархозы зачастую замыкались на собственных проблемах, и, в какой-то мере, было потеряно перспективное управление отраслями. Но после известных политических событий октября 1964 года вместо совершенствования системы вернулись к министерствам.

В 1960 году я был переведен в Москву, во Всероссийский совет народного хозяйства, с 1965 и до выхода на пенсию в 1975 году работал в Главкоксе Минчермета СССР. Кроме того, возглавлял коксохимическую секцию Совета экономической взаимопомощи, проводил ее ежегодные заседания поочередно в странах СЭВ.

Горжусь тем, что во время работы в Главкоксе сумел добиться строительства Алтайского коксохимического завода. Активно меня поддержал покойный ныне заместитель министра Александр Филиппович Борисов. А суть дела в том, что крайне обострилась ситуация с балансом кокса, особенно на Востоке. Металлургию ждали тяжелые времена, если не построить новый коксохимический завод в Сибири. В Госплане РСФСР нас поддерживали, но кемеровчане категорически отказались принять новостройку. Мы оказались в затруднительном положении. И только благодаря энергии известного коксохимика Г. К. Нагорного, главного специалиста отдела черной металлургии Госплана, согласие дали руководители Алтайского края. Предложенное же место, вблизи станции Заринская, оказалось значительно ближе к месторождению коксующихся углей, чем ранее намеченное вблизи

города Кемерово. Строительство завода было включено в Директивы по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы. Строительство начали в 1971 году в голой степи. Огромная организационная работа была проделана старшим инженером ОКСа Главкокса С. К. Успенским, назначенным временно исполняющим обязанности директора строящегося завода. В 1972 году директором был назначен заместитель начальника коксохимического производства по капитальному строительству Западно-Сибирского металлургического комбината А. А. Котович. Выбор оказался удачным: талантливый инженер и энергичный руководитель Александр Антонович Котович довел строительство предприятия до пуска и, что крайне редко, в дальнейшем в течение четырнадцати лет успешно руководил им. Бесконечно жаль, что этот человек преждевременно ушел из жизни. В 1979 году станция Заринская получила статус города. И самое отрадное, что завод пережил все трудности перехода к рыночной экономике, продолжает развиваться: в апреле 2006 года закончено строительство пятой коксовой батареи производительностью 1,4 млн тонн кокса в год.

За годы своей трудовой деятельности я награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета» и многими правительственными медалями, за многолетнюю работу в Кузбассе удостоен медали «За служение Кузбассу». Более полувека я состоял в рядах КПСС и награжден знаком «50 лет в КПСС».

В составе группы ветеранов-металлургов мне посчастливилось принять участие в написании книги о работе предприятий черной металлургии в годы Великой Отечественной войны «Стальной щит Родины». Своими впечатлениями о прожитых годах поделился с читателями сборников «Земляки», «Томские

политехники – на благо России», «Воспоминания о И. Ф. Тевосяне».

В 1934 году я женился на студентке 4-го курса Панюшкиной Нине Никифоровне, с которой мы прожили в согласии 65 лет. В Новокузнецке она работала в ЦЗЛ ККМ. К несчастью, в 1999 году она ушла из жизни. Старший сын, Анатолий Викторович с женой Валентиной Владимировной, пенсионеры, живут в Кемерово. Младший сын, Сергей Викторович с женой Галиной Михайловной, кандидаты технических наук, доценты Московского государственного института стали и сплавов.

Владимир ЛИСТОВ

ПОРТФЕЛЬ МИНИСТРА

Когда мой земляк, старинный товарищ и хороший друг Николай Яковлевич Троицкий предложил выступить в печати, – восторга это у меня не вызвало. Зачем рассказывать, как сибиряк

Владимир Владимирович Листов, родившийся и получивший образование в Томске, прошедший трудовую и общественно-политическую закалку в Кузбассе, в Кемерово, стал министром химической промышленности СССР? Ведь уже нет Советского Союза, в стране сменился общественно-политический строй. Я же человек советский, рос и работал в той системе и, естественно, ее сторонник. Что же ворошить старое?

Но редактор был настойчив, убеждал: да, времена меняются, но что было – то было, а в каждой из наших судеб – история страны. Так что сомненья прочь, берись за перо.

И я взялся. Кратко расскажу о некоторых памятных эпизодах.

Итак, 1980 год. В моем кабинете (заведующего отделом химической промышленности ЦК КПСС) раздается звонок прямого телефона связи с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Снимаю трубку (всех присутствующих в кабинете как ветром сдуло – школа!), слышу голос Леонида Ильича Брежнева. Разговор короткий, конкретный, сразу предложение и приглашение прийти на беседу.

Беседа была в Кремле, он меня уже ждал (секретарь в приемной сказал: интересовался, скоро ли я подойду), а я, видимо, от волнения, с работы (район Старой площади) в Кремль пошел пешком (минут 10–15 потерял).

Поздороваться он вышел из-за стола, так же и попрощался.

Разговор был недлинным, но очень доброжелательным, я бы сказал, отеческим. Мне было предложено возглавить Министерство химической промышленности СССР.

А теперь 1986 год. Уже больше года как во главе страны М. С. Горбачев.

Буду откровенным – мы, практически все, и я в том числе, радовались в 1985 году, избирая на Пленуме ЦК КПСС Генеральным секретарем этого человека. Ошиблись, и нет за это никому прощения. Поменялись, поломались судьбы миллионов людей, развалился Советский Союз. С середины 1985 года я стал себя чувствовать, мягко говоря, некомфортно. Министерство и раньше всегда подвергалось критике, всюду чувствовался недостаток в химических материалах, но критика была деловая, выслушивались и встречные претензии. А сейчас чувствовал, что дело не в работе министерства, а

в моей персоне. Неудобными становились я и мне подобные. Мы, конечно, воспротивились бы разгрому, разграблению своих отраслей, которые принадлежали стране и народу.

Финал очевиден. Меня вызывают к секретарю ЦК КПСС Л. Н. Зайкову (нашему куратору). Перед ним на столе справка о работе Минхимпрома. Зайков читает ее, с недоумением и вздохом констатирует, что все показатели работы положительные, не к чему придираться, а поручено провести со мной тяжелый разговор. Облегчил ситуацию я сам: «Лев Николаевич, мне надо уходить? Пожалуйста, цепляться за кресло не буду».

Потом беседа с председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым. Просьбу отпустить меня на пенсию он не поддержал, мне не было 55 лет. Меня перевели на работу в аппарат правительства.

А теперь о шести министерских годах. Но сначала надо сказать о химической промышленности как таковой. Коротко: государство может чувствовать себя в безопасности, если доля химической продукции в общем объеме промышленного производства будет не ниже 8–10 процентов. В США этот показатель – 12–14 процентов.

В СССР накануне программы химизации было 6 процентов, потом приблизились к 8 процентам. Поэтому министру надо знать, отслеживать и влиять на эти тенденции. Прежде чем сесть в кресло министра, я побывал практически на всех заводах страны (а это более 600), внимательно изучил работу всех отраслевых институтов (а их более 50). Приезжал в какой-либо город, знакомил со всеми предприятиями химического профиля, независимо от их ведомственной подчиненности.

Но, главное, везде и всюду знакомился с людьми, пытался понять их потенциал, отношение и к производству, и к быту, ко всем

социальным вопросам. Непреложное правило – деловой, лучше дружеский контакт с местными органами. Поэтому мой круг знакомых весьма обширен – все первые, и не только, лица республик, краев, областей, городов, районов.

Советский министр – человек государственный, его избирали депутатом Верховного Совета СССР, в руководящие органы партии. А это не только почет и уважение – это и огромная ответственность.

Можно продолжить тему загруженности министра. Тем более, я совсем не коснулся вопросов зарубежной деятельности, а это целый пласт, был СЭВ, были поездки и подробное знакомство со всеми без исключения крупными фирмами капиталистических стран. Наверное, и этого достаточно, чтобы сказать, что портфель министра – ноша тяжелая. Но испытываю большое удовлетворение тем, что удалось сделать полезного для людей за шесть моих министерских лет.

Виктор КОБЗЕВ

ПРОФЕССИЯ – СОЗИДАТЬ

Виктор Михайлович Кобзев. Родился в 1959 году в г. Сталинске (ныне Новокузнецк) Кемеровской области. Окончил среднюю школу № 1 в г. Кемерове, Кемеровский строительный

техникум. В 1978 г. был направлен на работу в генподрядный строительный трест «Кемеровотяжстрой». В этом же году поступил на заочное отделение Кузбасского политехнического института.

В самом начале трудового пути мне посчастливилось встретиться с авторитетными, ответственными, грамотными и чуткими руководителями, такими, как управляющий трестом «Кемеровотяжстрой» М. Н. Пивоваров, главный инженер треста В. М. Зубов, наставники П. Е. Красковский, С. И. Плотников. Участвовал в строительстве пятой коксовой батареи на Кемеровском коксохимическом заводе мощностью 1 млн тонн кокса в год.

В конце 70-х годов прошлого столетия это была самая крупная стройка, аналогов которой по проектной мощности в Советском Союзе не было. В строительстве участвовали почти все строительные организации Кузбасса. Мне как инженеру проектно-сметной группы приходилось изучать проектную документацию и вникать в весь технологический процесс, участвовать в корректировке проектных решений и разработке проектов производства работ. Меня избрали председателем совета молодых специалистов, заместителем секретаря объединенного комитета комсомола треста, руководителем «Комсомольского прожектора». Так захватывала работа, что не хотелось идти домой. Да и дома мысли возвращались к поиску вариантов возможного сокращения трудозатрат путем внедрения новой техники и технологии.

Уже после первого года деятельности был назначен старшим инженером треста и награжден Почетной грамотой. В дальнейшем были и грамоты и благодарности, но первую храню и с гордостью показываю детям.

Активно действовал партийный штаб стройки. Заседания вели зав. строитель-

ным отделом обкома КПСС В. В. Бакатин и начальник Главкузбасстроя С. С. Асташев. Оперативно рассматривались и принимались решения по наращиванию и перераспределению объемов работ. В 1981 году назначен начальником производственно-технического отдела стройуправления. Однажды к нам пришла с проверкой инженер кредитного отдела городского управления Стройбанка молодая симпатичная девушка Михайлова Ирина. Сразу из разговора стало понятно, что она только что закончила экономический факультет Кемеровского государственного университета, и это была ее первая самостоятельная проверка. Пришлось помочь. С тех пор вот так и идем уже более 20 лет вместе по жизни, рука об руку, только фамилия у Ирины стала Кобзева.

В тресте я завершил работу в должности главного инженера строительно-монтажного управления. С 1987 года – начальник отдела капитального строительства, заместитель командира по строительству Кемеровского авиапредприятия. В те годы часто приходилось обращаться к председателю Кемеровского горисполкома В. В. Михайлову, к заведующему промышленно-транспортным отделом обкома КПСС, нынешнему губернатору А. Г. Тулееву. Это сильная личность, отличный хозяйственник и отзывчивый человек.

При поддержке Тулеева были решены многие вопросы, связанные с усилением (в то время) действующей взлетно-посадочной полосы в аэропорту «Кемерово», а в дальнейшем – со строительством новой взлетно-посадочной полосы.

В 1991–1997 годах – заместитель управляющего по экономическим вопросам Дорожного строительно-монтажного треста Кемеровской железной дороги. Это тяжелые времена развала Советского Союза, хаоса в экономике страны. Рыночной эконо-

номики еще не было, а планово-распределительной экономики уже не было. И только благодаря единой, сплоченной команде руководителей и специалистов Дорожного строительно-монтажного треста под руководством управляющего В. И. Шнайдемиллера, и при поддержке начальника Кемеровской железной дороги А. М. Корячкина, объемы строительно-монтажных работ по тресту, практически единственному в Кемеровской области по строительной отрасли, не только не упали, но и возросли, в т. ч. и по социальной сфере. Было построено и введено административно-производственное здание по Пионерскому бульвару в г. Кемерово, завод железобетонных изделий в г. Белово, перевыполнен план по вводу жилья для железнодорожников, построены уникальная поликлиника по ул. Сибиряков-Гвардейцев и больничный комплекс в г. Кемерово, оснащенные самым современным импортным медико-диагностическим оборудованием.

В 1992 году окончил экономический факультет Кемеровского государственного университета. С 1997 по 2002 год – генеральный директор ООО «Востокстройинвест».

Сегодня строительная отрасль находится на подъеме. Строительный комплекс Кемеровской области – это 2500 малых, средних и крупных предприятий, на которых трудятся 75 тысяч человек. В последние годы стабильно растут объемы жилищного строительства, открываются новые школы, больницы, сдаются в эксплуатацию шахты, разрезы, другие производственные объекты. Кузбасский строительный комплекс сегодня активно участвует в укреплении экономики региона, в повышении качества жизни кузбассовцев, вносит весомый вклад в решение значимых социальных задач.

Мне часто вспоминаются стихи Маргариты Алигер, их смысл я стараюсь донести

до своих детей и молодых людей, которые только начинают трудовую жизнь:

*Есть в движении сладость и тревога.
Станция, внезапный поворот –
Жизнь моя – железная дорога,
Вечное стремление вперед.*

Да, только вперед «и вечный бой, покой нам только снится...».

В настоящее время работаю в Москве, в управляющей компании аэропорта «Домодедово», являюсь заместителем директора аэропортового комплекса и руководителем огромного строительного комплекса: «Реконструкция международного аэропорта «Домодедово», самого современного и крупного в России. Кандидат экономических наук. Почетный строитель России.

Аэропорт «Домодедово» – это не просто аэропорт. Здесь начинается воздушная трасса между Москвой и Кузбассом. Это воздух и память, регулярно переносимая с малой родины. Она часто снится по ночам. Забыть ее невозможно, как вкус ранеток, которые в детстве рвал, лазая по деревьям и дырявя брюки. Как дорогу из школы № 1 мимо гаражей, как танцы в городском саду, после которых провожал до утра девушку пешком в Кировский район, так как опоздали на последний трамвай, а на такси денег не было...

Мои дети: сын Денис – студент 6-го курса Московского инженерно-физического института (технического университета), и дочь Анастасия, студентка 4-го курса Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова, не расстаются с Кузбассом. Каждый год в каникулы они навещают школьных друзей и товарищей, или товарищи приезжают к нам в гости.

Приятно идти по улицам Кемерова, где прошли твои детство, юность, зрелость, где прожил более 40 лет и отработал более 20 лет. Приятно показать детям, друзьям и знакомым «памятники»: здания и сооружения, в

строительстве которых принимал самое непосредственное участие.

Юрий и Вера СТАРЦЕВЫ

СИБИРЬЮ СЕРДЦЕ НАШЕ ЖИВО

Юрий Николаевич

Волею судеб, а также по большой приверженности к Сибири моего отца Николая Прокопьевича Старцева, геолога по призванию и одержимости, я в 1952 году приехал в Кемерово и пошел в 8-й класс школы № 1. Но был вынужден оставить эту великолепную школу и пойти на работу. Десятый класс окончил в школе рабочей молодежи № 17.

Потом учился в техническом училище № 3, в Кузбасском политехническом институте, в котором приобрел специальность инженера-технолога и связал судьбу с химическими предприятиями. В 1956–1958 годах – секретарь комитета комсомола Кемеровского азотно-тукового завода имени XVIII партсъезда. В то время директором этого завода был Суровов Алексей Иванович, главным инженером – Целым Николай Карлович, очень уважаемые руководители, мои наставники и старшие товарищи.

В 1960–1966 годах, будучи студентом, избирался секретарем комитета комсомола института, а затем секретарем Кемеровского обкома комсомола по студенчеству (на общественных началах). Неоднократно возглавлял студенческие строительные отряды на строительстве Томусинской ГРЭС, на Новокемеровской ТЭЦ, на строительстве турбазы «Юность» в районе Старых Червей (Елыкаевский район) на реке Томи. Участие студентов в строительных отрядах постоянно поддерживал ректор института, Герой Социалистического Труда, почетный шахтер Петр Иванович Кокорин, известный в стране горняк, олицетворение мудрости и товарищества и сторонник прочной связи науки и практики.

Интересно вспомнить трудовые студенческие семестры в 70-х годах. На строительстве Томусинской ГРЭС, в конце трудовых будней у костра, на берегу быстрой и чистой таежной реки Томь, где звучали задорные и шуточные песни студентов, происходили встречи с руководителями стройки, представителями других студенческих отрядов, комсомольскими вожаками. Памятными были встречи с сибирским писателем Геннадием Модестовичем Молостновым, с первым секретарем Кемеровского обкома комсомола Борисом Рогатиным, с редактором областной газеты «Комсомолец Кузбасса» Максимом Щербаковым...

Инженерную закалку приобрел на Новокемеровском химическом комбинате, где в то время руководителями были известные инженеры Нестеренко Алексей Иосифович и Вдовин Николай Михайлович, Герой Социалистического Труда. Первым секретарем Кемеровского горкома партии был в то время Листов Владимир Владимирович, ставший позднее министром химической промышленности СССР. С ним дружу в Москве и испытываю в этом общении большую радость.

По специальности продолжал работать в Кемеровском научно-исследовательском институте химической промышленности под руководством неординарного ученого Михаила Юрьевича Могилевского (моего научного руководителя по дипломному проекту), позднее ставшего директором Новокузнецкого научно-исследовательского института фармацевтической промышленности.

Новый этап моей деятельности – служба в органах государственной безопасности, куда был рекомендован партийной организацией. Вначале служил в Управлении КГБ СССР по Кемеровской области, а затем на других участках и направлениях, в том числе в центральном аппарате КГБ СССР, в Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации, в Академии службы внешней разведки Российской Федерации.

В 1975 году успешно защитил диссертацию, мне была присвоена ученая степень кандидата юридических наук, позднее – ученые звания доцента и профессора.

Служба в органах государственной безопасности на оперативной и руководящей работе, на научно-исследовательском и преподавательском поприще значительно обогатила мой жизненный ресурс. Позволила опереться на опыт и знания многих коллег, которые явились для меня примером боевого товарищества и дружбы. Среди них генералы Баруткин Михаил Иванович, Алешин Владислав Иванович, Турукин Александр Сергеевич, Гузик Василий Сергеевич, Голушко Николай Михайлович, Калимулин Рафаэль Гумерович, Нешумов Юрий Алексеевич, а также ведущие специалисты, знатоки своего дела Сащенко Михаил Иванович, Краснов Борис Иванович, Костюк Петр Моисеевич, Гопиенко Эдуард Иванович, Лопарев Виктор Васильевич, Кудишин Василий Васильевич, Трегубов Александр Иванович, Рассказов Евгений

Иванович, Окунев Олег Александрович и другие.

От лейтенанта до полковника, от оперуполномоченного до руководителя учебного заведения службы внешней разведки – таков служебный путь. Являюсь академиком Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, Академии наук международных отношений и членом ее президиума, проректором по научной работе Лазаревского института востоковедения. А опыт по руководству строительными отрядами позволил стать позднее руководителем строительной фирмы в Москве.

Дважды избирался в правление землячества Кемеровской области, ценю это как высокое доверие кузбассовцев, проживающих и работающих ныне в Москве.

Мой жизненный опыт, мой внутренний мир позволили приобщиться к творческой деятельности, к журналистике и к поэзии. Стал членом Союза писателей и Союза журналистов России.

Кузбасс – это земля, которой ностальгически мне не хватает в Москве, которая занимает в моей памяти особое место, которая магнитом притягивает мое сердце.

Вера Павловна

В 2006 году исполнилось 50 лет со дня образования Кемеровского государственного медицинского института и, пользуясь предоставленной возможностью, хочу искренне поздравить ректорат, профессорско-преподавательский состав, всех выпускников и нынешних студентов института со знаменательной датой и пожелать им здоровья и успехов на поприще здравоохранения.

Среди моих однокашников по второму выпуску (1963 год) многие работают в Кузбассе, в других регионах России, в ближнем и дальнем зарубежье. Отдельные выпуск-

ники связали свою судьбу с наукой, с преподавательской, общественной или административной деятельностью. Среди них и Александр Яковлевич Евтушенко, доктор медицинских наук, профессор, ректор нашего института.

Окончив в 1972 году ординатуру при 2-м Московском медицинском институте им. Сеченова, я получила направление в Первую поликлинику 4-го Главного управления Минздрава СССР и с тех пор работаю в этом учреждении (ныне Первая поликлиника Управления делами Президента Российской Федерации), врач – ЛОР высшей категории. Среди моих пациентов были народные артисты СССР Любовь Орлова, Вера Марецкая, Вячеслав Тихонов, Михаил Ульянов, Муслим Магомаев, многие другие известные и уважаемые люди. Всегда рада встретиться и помочь землякам-кузбассовцам.

Мой отец, полковник Афанасьев Павел Григорьевич, был участником войны, а в Кемерове работал в Управлении КГБ СССР по Кемеровской области, секретарем Центрального райкома партии, заместителем начальника Управления внутренних дел МВД СССР по Кемеровской области. Мама, Морозова Зинаида Михайловна, учительница истории средней школы № 1, дважды избиралась в состав областного Совета депутатов трудящихся. Ныне живет в нашей семье.

У нас с мужем единственная дочь Наташа, по мужу Драгович, которая подарила нам двух внуков: Даниэля (ныне студент 3-го курса Московского международного института бизнеса) и Диану (она учится в 9-м классе). Диана стала ведущей моделью театра моды Александра Фадеева «Милаша». Обладательница титула «Мисс обаяние», призов и премий российских и международных фестивалей детского и юношеского творчества. Наши внуки – наша гордость, и это естественно.

Поддерживаю добрые отношения с выпускниками Кемеровского мединститута, с другими кузбассовцами в землячестве Кемеровской области. Иной раз встречаюсь с земляками на курсах повышения квалификации в различных медицинских учреждениях г. Москвы, радуюсь их творческим успехам и профессиональному росту.

Валентин САФОНОВ

РОДИНА У НАС НА ВСЕХ ОДНА

Не привык много рассказывать о себе. Поэтому ответить на вопрос «Кто есть кто?», а вернее, «Кто есть я?» – не так просто. Тем более что сегодня само упоминание о КПСС, в рядах которой я состоял и был одним из ее функционеров, а также о КГБ СССР, в системе подразделений которого прослужил около 30 лет, у многих вызывает отрицательные эмоции.

В Кузбассе я встретил свою любовь, там родился сын, там набрался необходимого жизненного и профессионального опыта и был рекомендован в центральный аппарат КГБ СССР. Мне повезло, что в отделах пропаганды и агитации, науки и учебных заведений обкома, на службе в УКГБ СССР по Кемеровской области опирался на поддержку и понимание таких интересных и известных не только в Кузбассе людей, как З. В. Кузьмина, Г. А. Навасардянц, В. И. Карпов, В. Н. Усанов, Г. П. Менавщиков, А. Ф. Шадурова, В. И. Алешин, Н. М. Галушко, В. С. Гузик, В. В. Листов, В. И. Кудрявцев, Н. Я. Троицкий, В. Г. Коптелов, и многих других. В дальнейшем убедился, что товарищеские отношения, сложившиеся в Кузбассе, не поддаются «ржавчине».

В Кузбасс я и четверо моих товарищей приехали по распределению после окончания Сталинградского государственного педагогического института им. А. С. Серафимовича. Было это в августе 1955 года. Добирались до Кемерова почти две недели. Тогда я наяву увидел и почувствовал, как велика наша Россия. Как широки ее просторы.

В облоно получил направление в Усть-Сертинскую среднюю школу Чебулинского района. Ее директор Г. П. Менавщиков (позже он работал заместителем заведующего облоно), по-отцовски принял меня, новичка. Молодой учитель Валентин Александрович, так звали меня в школе, с интересом взялся за дело. Но через три месяца как подающий надежды пропагандист на районной партконференции был избран членом Чебулинского райкома КПСС и утвержден заведующим отделом пропаганды и агитации. Вскоре стал членом бюро райкома партии. Мне тогда не исполнилось еще и 23 лет. Помню, при утверждении на бюро обкома КПСС первый секретарь М. И. Гусев заметил, что я самый молодой из всех моих коллег, занимавших тогда эти должности в горкомах и райкомах. Позже работал в аппарате обкома КПСС, секретарем Кемеровского райкома партии.

Это был сложный период в жизни партии, а следовательно, и в моей. Пережил события, связанные с так называемым разоблачением культа личности, делением партии на промышленную и сельскую, и другие сумасбродные хрущевские идеи, в частности, квадратно-гнездовой посев кукурузы на зерно в Сибири...

В то время мой жизненный опыт был еще мал, и набираться его пришлось в практических делах. Месяцами приходилось находиться в колхозах, ночевать в конторах, на столах председателей. Порой днями без

еды. Уборка урожая, зимовка скота. Довольно часто уборка затягивалась из-за непогоды. Тогда вилы в руки и вместе со всеми доставай хлебные валки из-под снега и потрясай перед идущими вслед комбайнами. Это тоже была партийная работа.

Тогда многие колхозы возглавлялись так называемыми «тридцатитысячниками», прибывшими по призыву партии из городов коммунистами. Новым руководителям райком стремился помочь.

Кузбасс, как и Казахстан, тоже пережил период освоения целинных и залежных земель. Память об этом – первая в моей жизни медаль «За освоение целинных и залежных земель». Горжусь ею до сих пор. Не сомневаюсь, что в селах района, где часто бывал, меня помнят. Зимой любил в санях-розвальнях, на райкомовской лошадке, укутавшись в воротник теплой шубы, с баяном под полой, по морозцу ехать в далекое село. После ознакомления с работой первичек, выступал в сельских клубах с лекциями по международному положению. Такие вечера, как правило, заканчивались танцами под баян. В селе в этот день был праздник.

Народ в то время жил скромно, но дружно, с верой в справедливое будущее. Както, когда я уже работал в обкоме КПСС, мне было поручено сопровождать по Кузбассу группу актеров кино. Приезжали тогда известные на всю страну И. Смоктуновский, Л. Быков, П. Кадочников и другие. Встречи с ними состоялись в крупных городах, во многих рабочих поселках и колхозах. Перед выступлением в одном из колхозов Ленинск-Кузнецкого района кто-то из гостей в разговоре заметил, что с удовольствием попил бы настоящего парного молока с горячим деревенским хлебом. Я промолчал, поскольку исполнить это желание было практически невозможно. Был уже поздний вечер. Но по пути в клуб рассказал об этом

● Открытие памятника Вере Волошиной в деревне Крюково Наро-Фоминского района Подмосковья в сентябре 2006 года. Выступает писатель Г.Н. Фролов. Слева от него Т.А. Звягина – руководитель представительства Кемеровской области в столице

председателю колхоза. И как были все удивлены, когда в центре стола, на ужине в честь гостей, оказались две крынки парного, парящего молока и огромная буханка горячего пшеничного хлеба. Актеры были поражены таким вниманием и теплотой, потребовали «виновников» к столу...

Трудно назвать город, районный центр и крупный поселок в области, где бы мне по служебным делам не пришлось побывать. Пятнадцать лет в Кузбассе практически прошли на колесах, да и вообще вся моя жизнь – это поездки и перелеты. Приходилось встречаться с сельскими механизаторами и животноводами, с шахтерами и металлургами, с учителями и преподавателями вузов. Научился общаться с людьми, а это не такое простое дело, как на первый взгляд кажется.

Мне эти навыки сполна пригодились, когда решением Кемеровского обкома партии был направлен на службу в органы КГБ. Начал в областном управлении, а с 1971 года, с шестилетним перерывом, когда был заместителем начальника управления в Магаданской области, работал в центральном аппарате КГБ СССР, Министерства безопасности Российской Федерации.

Так совпало, что службу в органах государственной безопасности начал в 1967 году, когда КГБ СССР возглавил талантливый руководитель Ю. В. Андропов. Он оставил глубокий след в истории органов госбезопасности. Поднял авторитет чекистов. Воспитывал сотрудников в духе преданности народу, строгого соблюдения законности.

В качестве начальника подразделения управления кадров КГБ СССР я занимался комплектованием кадрами оперативного и руководящего состава органов государственной безопасности Российской Федерации. При этом всегда внимательно относился к людям, не случайно, что и сегодня

ощущаю теплоту, проявляемую бывшими сослуживцами.

Неизгладимый след оставила в моей жизни работа в качестве главного инспектора КГБ СССР, а затем Министерства государственной безопасности России. Пришлось объездить всю страну. Возглавлял, как и многие мои коллеги, большие бригады сотрудников центрального аппарата по проверке деятельности территориальных органов КГБ СССР.

Изучение обстановки на местах, встречи с руководителями регионов, особенно во второй половине 80-х годов, свидетельствовали о том, что в стране назревала негативная, взрывоопасная обстановка. Точно знаю, что без прикрас обо всем этом КГБ СССР докладывал высшему руководству страны, однако должной реакции на ту тревожную информацию не последовало. Мы верили Горбачеву, но, как оказалось, зря. Органы КГБ были поставлены под удар. Не могу не отметить, хотя он и наш земляк, отрицательную роль в этом В. Бакатина. Никакие оправдания в глазах чекистов старшего поколения его не обелят. Советский Союз распался, а Россия переживает тяжелые времена своей истории.

Но мне, как и большинству моих сослуживцев, за себя не стыдно. Я честно служил Отечеству. Награжден орденом «Знак Почета» и многими медалями. Мне приходится встречаться с действующими сотрудниками органов государственной безопасности, они говорят, что активно используют тот опыт, который накопили старшие поколения чекистов. Не повторили бы они наших ошибок.

И сегодня я, полковник в отставке, по возможности служу Родине. Такова была вся моя сознательная жизнь. И если бы вновь пришлось пройти этот путь, я бы его повторил. Спасибо тебе, жемчужина России – Кузбасс. Спасибо твоим людям.

ЕГО НАЗЫВАЛИ ГЛАВНЫМ ХЛЕБОПЕКОМ

Е.Т. Ядрышников с внуком Евгением

В ходе подготовки очередного материала, посвященного периоду Великой Отечественной войны, в фондах Государственного архива Кемеровской области обратил на себя внимание архивистов протокол заседания бюро Кемеровского ГК ВЛКСМ, датированный 4 мая 1941 года, на котором состоялся один из последних предвоенных приемов в комсомол. В этот день получили комсомольские билеты учащиеся школы № 10, педагогического техникума, школы ФЗО № 5. Несколько человек получили рекомендации в ряды ВКП(б), в том числе и летчики Кемеровского аэроклуба.

Архивисты обратились через одну из областных газет с просьбой откликнуться тех людей, кто в этот день получил комсомольский билет. Как сложилась дальнейшая их судьба? Ведь поколению 1920–1923 годов рождения, плечом к плечу со старшими товарищами, пришлось первым встать на защиту Родины.

Одним из первых на просьбу откликнулся житель Тулы Ядрышников Евгений Трифонович. Будучи в Кемерове, он встретился с земляками. Высокий, подтянутый, седой мужчина. Крепкое рукопожатие, тактичность, умение вести беседу. Интересно рассказал о себе.

Семнадцатилетний уроженец деревни Ядрышниково Кыштовского района Новосибирской области Женя Ядрышников в 1940 году оказался в городе Кемерово, будучи мобилизованным в школу ФЗО, где ему предстояло получить специальность штукатура. 4 мая 1941 года он был принят в ряды ВЛКСМ. Начавшаяся война внесла свои коррективы. Завершив ускоренное обучение, он с группой ребят был направлен в спецтрест № 30 на строительство производственных помещений одного из предприятий наркомата обороны. По завершении строительства Евгений прошел переподготовку на этом предприятии и начал работать самостоятельно аппаратчиком в цехе № 8. Вскоре, в свои 18 лет, он стал заместителем начальника цеха.

Несколько раз подавал заявления с просьбой отправить его на фронт, но получал отказ. Чудом уцелел при взрыве в цехе во время пересменки. Уже вышел из цеха и был отброшен взрывной волной на расстояние более 60 метров. Его спасло то, что упал на проволочное ограждение.

После непродолжительного лечения его, по рекомендации Кемеровского ГК ВЛКСМ, назначили военпредом-мастером ОТК на оборонный завод № 652. После войны он продолжал осваивать производство электродвигателей, мог самостоятельно выявлять и исправлять их неполадки.

Руководством завода был направлен механиком в один из подшефных колхозов. Закончил Прокопьевский сельскохозяйственный техникум. За ответственное от-

ношение к порученному делу, инициативу и организаторские способности назначен старшим инспектором инспекции сельского хозяйства в Кемеровской области, занимался экономией горюче-смазочных материалов: проводил встречи с механизаторами, занятия в школах передового опыта, что позволило резко снизить потери горючего.

В 1956 году Евгений Трифонович был назначен помощником председателя облисполкома. Четыре года помогал Шаповалову Владимиру Семеновичу, у которого многому научился. В этот период ему неоднократно приходилось выезжать в различные регионы страны для отбора и привлечения квалифицированных специалистов сельского хозяйства в нашу область.

В 1960 году Ядрышников стал начальником дорожно-строительного управления № 1 треста «Кеомблдорстрой». Руководил строительством автомобильных дорог к Топкинскому цементному заводу и ряду пусковых шахт.

Кузбассовцам он больше всего запомнился как главный хлебопек области. В апреле 1965 года возглавил Кемеровский хлебокомбинат. В его бытность была осуществлена реконструкция хлебозаводов № 1 и 2, впервые в стране построен склад безтарного хранения муки, успешно освоен этот самый сложный технологический процесс, исключаяющий потери сырья на начальной стадии производства. Поэтому не случайно на базе Кемеровского хлебокомбината прошел всесоюзный семинар работников отрасли. Росло и крепло предприятие, активно осваивались новые технологии, поточные линии, радовала кемеровчан и жителей области новая продукция. В это время одной из работниц предприятия – Кучумовой Ольге Лаврентьевне было присвоено звание Героя Социалистичес-

кого Труда (только два хлебопека в стране были удостоены этого высокого звания). Евгений Трифонович был одним из инициаторов создания в городе технологического техникума пищевой промышленности. Кемеровский хлебокомбинат стал его основной учебной базой.

Для работников хлебокомбината строилось жилье, детские сады, туристические базы и пионерские лагеря. До сих пор работники предприятия имеют возможность семьями отдыхать на туристической базе в селе Елыкаево. А был еще городок отдыха в солнечной Керчи, куда летом ежегодно выезжало отдыхать более 600 работников предприятия.

Позднее Евгению Трифоновичу предложили возглавить объединение «Тулагорхлеб». В Туле многое пришлось начинать с нуля. Евгений Трифонович подбирал способные, трудолюбивые кадры руководителей и специалистов, стал активно внедрять достижения научно-технического прогресса и обновлять производственные мощности предприятий.

После объединения «Тулагорхлеб» Е. Т. Ядрышников был на руководящих должностях в тресте «Приоксвторсырье», в АПО «Новомосковское».

Его помнят в Кемерове, а он искренне рад, что его родной комбинат в трудные 90-е годы удержался на плаву, сохранил свои позиции и уверенно развивается.

Инна СУЛЬЖЕНКО (ФИЛИППОВА)

ДОМ НА ПРИТОМСКОМ

Инна Борисовна Сульженко. Родилась в 1933 году в Кемерове, бывшем Щегловске. Переименовали город как раз в это время. Мой отец, Борис Сергеевич Филиппов,

поступил на Коксохимический завод в 1924 году учеником чертежника, тогда ему было 14 лет. Чтобы дотянуться до чертежной доски, он подставлял под ноги ящик. Его вырастил завод, послал учиться в Томский политехнический институт. Вернулся с дипломом инженера и прошел на родном заводе путь от мастера до директора. С 1951 года на руководящих должностях в Главкоксе Минчермета СССР, в институтах черной металлургии.

Хорошо себя помню с 1939 года, когда мы переехали на Притомский участок в большой дом, где было 7 подъездов. И чтобы не заблудиться, я около своего подъезда растолкла яичную скорлупу. Двор был для меня очень большой, зеленый и посередине была статуя, кажется, пограничник с собакой, точно не помню. В конце двора были протянуты веревки, где все сушили белье. Двери в квартирах днем не закрывали, дети бегали туда-сюда. Мы дружно жили все вместе как одна большая семья, очень жалели эвакуированных детей, помогали им, чем могли.

Вход в наш двор был через арку, и когда наши отцы и матери возвращались с работы, мы всегда их здесь встречали, а в 1941 году через эту арку провожали отцов, братьев на фронт, и кто остался живой, в 1945 году их встречали здесь же.

Зимой у нас было любимое занятие – кататься на санках с извоза – это крутой спуск к Томи. Туда едешь с удовольствием, с ветерком, а подъем с санками был тяжел. Катались на коньках-«снегурках», привязывали их к пимам (валенки), цеплялись к санным упряжкам и, пока «водитель кобылы» не видит, ехали, а потом, не дожидаясь кнута, убегали.

Зимы в Кемерове стояли лютые, а лето было жаркое.

В 1941 году мы собрались в первый класс. Школа стояла на берегу притока Томи – Ис-

И. Б. Сульженко

пропадали все свободное время. Мотали бинты после стирки и укладывали для стерилизации. Устраивали концерты, писали письма, читали письма и сводки с фронта. Нам в 10–11 лет казалось, что мы взрослые и очень нужны стране, чтобы победить врага. Мы с мамой много отправляли посылок на фронт с вязаными носками, перчатками с двумя пальцами и кисетами для табака, которые расшивали цветными нитками. Получали письма с фронта с благодарностью, бойцы писали, что бьют врага, держа винтовку в теплых перчатках.

Учились первый и второй класс в школе № 1 вместе с мальчиками, а уже в третьем нас перевели в школу № 41, деревянное здание с удобствами на улице. Учились мы в третью смену, домой возвращались в темноте. Освещения на улицах не было.

В 14 лет нас принимали в комсомол. Мы так волновались, изучали какие-то вопросы, пришли в райком, как только рассвело – это было в марте. Вручал нам комсомольские билеты секретарь райкома Семичастный. На билете его подпись.

Точно не помню, в 8-м или 9-м классе мы перешли в свою школу. Госпиталь куда-то уехал. Это было светлое 4-этажное здание с большим садом. Мы посадили много кустарников и деревьев. В старших классах стали устраивать вечера, маскарады, тан-

китимки. Но нашу радость омрачила война. Мы, конечно, войну чувствовали только по разговорам взрослых, да по слезам. Нашу школу занял госпиталь, в котором мы

цы. Приглашали мальчиков из школы № 1. Мы стали дружить, влюбляться по-детски, хотя нам уже было 17–18 лет. Дружба была хорошей, светлой. В нашу компанию входили Шура Ревзина, Тамара Ларичева, Виктор Пузненский, Толя Смирнов, Володя Легчило, Юлия Хайт. У меня много фотографий того времени.

После школы мы все разъехались. Ребята в город Владивосток в Высшее морское училище, многие в Томск, я в Москву, в Химико-технологический институт им. Менделеева, стала инженером-коксовиком. Вышла замуж за своего однокурсника. После института нас направили на работу в город Запорожье, где встретила свою школьную подругу Ирочку Бендик. Через семь лет вернулись в Москву. У меня двое детей – дочь и сын. Внучка и внук – студенты – будущие юристы.

Я проработала 25 лет в Госснабе СССР. Три года жили и работали на Кубе. Много людей прошло рядом со мной, но друзьями остались только те, с кем училась в школе или институте.

Если напечатают мои воспоминания и кто-то вспомнит меня, прошу отозваться, буду очень рада. Мой телефон 916-49-96.

Маина ЕШЕЛКИНА

НАДО УМЕТЬ РАДОВАТЬСЯ

Маина Яковлевна Ешелкина. Выпускница химического факультета Иркутского государственного университета, 2 года стажировалась в ГДР, работала на Ангарском химкомбинате. С 1954-го по 1997-й – в Кузбассе: технический инспектор ЦК профсоюза рабочих химической промышленности, заместитель

главного инженера завода «Карболит», зав. лабораторией НИИ химической промышленности.

Я счастливый человек! Потому что вырастила хорошую замену себе на этой земле и более 30 лет занималась очень важным и интересным делом создания безопасных условий труда.

Десять лет в должности технического инспектора ЦК профсоюза рабочих химической промышленности научили меня твердости в отстаивании своих требований, если они касались жизни и здоровья людей. Как член госкомиссий по приемке в эксплуатацию новых производств всегда тщательно знакомилась с проектной документацией, формулировала свои замечания и не отступала, пока они не были выполнены. В действующих цехах добивалась механизации трудоемких процессов, создания безопасных условий труда и снижения загазованности.

На заводе «Карболит» начала с пересмотра всех должностных инструкций по рабочим местам и приведения их в соответствие с новыми нормами по безопасности и промсанитарии. Это была большая и очень серьезная работа, ведь в это время на заводе трудилось более 6 тысяч человек.

Одновременно составлялись вопросники для сдачи экзаменов всеми ИТР цехов на знание ими основных правил безопасности при работе с подъемными механизмами, сосудами, работающими под давлением, сварочными аппаратами и тому подобными устройствами. Были разработаны планы действий персонала при возникновении аварийных ситуаций по всем цехам. Выполнение этих мероприятий позволило снизить производственный травматизм по частоте случаев и по тяжести их.

Многое было сделано на заводе по предотвращению и снижению заболеваемости.

Людмила САВИЦКАЯ

САМОЕ ПЛОДОТВОРНОЕ ВРЕМЯ

Построили свою медсанчасть и ежегодно проводили профосмотры работающих во вредных цехах и лечение их непосредственно в здравпунктах завода. Большое внимание уделяли качеству лечебно-профилактического питания.

Через 10 лет, пройдя по конкурсу, возглавила лабораторию в НИИ химической промышленности. Исследуя и испытывая новые материалы, старалась выбрать такой режим их переработки, чтобы обеспечить наименьший выброс вредных веществ в атмосферу. Так незаметно пролетели еще 10 лет моей трудовой деятельности.

Уйдя на пенсию, 9 лет организовывала и вела занятия в народном университете экономических знаний.

Ни одна из женщин не может быть счастлива до конца, если ее не окружают родные и близкие ей люди. Мне повезло. С мужем, Алексеем Васильевичем Ключанских, живем уже более полувека. В Кемерове он был директором Дома политпросвещения, а после защиты диссертации стал доцентом КузПИ. Сейчас ему 82 года, но он продолжает читать лекции в текстильном институте.

Вырастили хорошую дочку. Она после окончания средней школы в Кемерове поехала в Москву, окончила институт, и сейчас – главный редактор информационно-аналитического бюллетеня «ИНФОТЭК», который ежемесячно анализирует работу топливно-энергетической отрасли России и информирует подписчиков обо всем, что связано с этой отраслью.

Внук окончил юридический факультет, но пока, мне кажется, не нашел своего истинного призвания в нашей непростой жизни.

За плечами у меня восьмой десяток, но, кажется, я так и не смогла стать взрослой. Как в детстве радуюсь жизни, доверчива и ранима.

Людмила Леонидовна Савицкая. Родилась в городе Новороссийске Краснодарского края. Воспоминания детских лет: война, бомбежки, оккупация, возвращение в разбитый, полностью разрушенный город, начало занятий в не полностью восстановленной школе, вода под ногами в классе, сверху течет прямо на тетради из старых газет. К 1947 году восстановлена школа № 62, которую закончила с серебряной медалью, и поступила в Ростовский-на-Дону Финансово-экономический институт. С дипломом института в 1958 году направлена на завод «Кузбассэлектромотор», где проработала 18 лет: помощник мастера в штамповочном цехе, нач. бюро, нач. отдела труда и заработной платы, зам. секретаря парткома завода, зав. лабораторией в НИИ завода.

В 1959 году вышла замуж за Савицкого Владимира Ивановича, родила сына Александра. Владимир Иванович проработал на заводе более 25 лет, был формовщиком, электромонтером, слесарем-инструментальщиком, вечером учился, закончил техникум и уже в 40 лет получил высшее образование. Работал в отделе технического контроля, стал его начальником.

В августе 1976 года меня избрали секретарем Центрального райкома КПСС, в 1978 году – первым секретарем райкома вновь созданного Ленинского района в г. Кемерово. Здесь прошли пять самых плодотворных и интересных лет. Был сформирован прекрасный коллектив единомышленников: члены райкома партии, депутаты районно-

го Совета, члены райкома комсомола, руководители и актив предприятий, учебных заведений – все стремились к тому, чтобы создать комфортные условия для жителей района, улучшить работу предприятий. Сейчас это один из лучших, красивых и удобных для жизни районов города.

С 1983 года – председатель областной плановой комиссии, депутат областного Совета, зам. председателя исполкома облсовета. В июне 1987 года избрана секретарем обкома КПСС.

Была делегатом XXVI съезда партии, участником Всемирного Конгресса женщин, Всесоюзного съезда женщин, членом Комитета советских женщин, председателем Женского совета Кемеровской области.

С мая 1989 года по август 1991 года –

член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. С мая 1992 года на пенсии.

Награждена орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, медалью «За заслуги перед Кузбассом».

С мужем прожили в любви и согласии 45 лет до его кончины в декабре 2004 года. Сын, Александр, окончил Кузбасский политехнический институт и уже более 20 лет работает в угольной промышленности Кузбасса. Старший внук Илья окончил с отличием Кемеровский государственный университет, работает в банковской сфере. Младший внук Никита учится в школе. Все они живут в Кемеровской области.

● Летом 2006 года в Москве побывала делегация ветеранов Кузбасса, посетила несколько музеев и ветеранских организаций столицы, была встреча в «Землячестве Кемеровской области»

- У знамени Великой Победы
- У могилы А. Ф. Ештокина на Новодевичьем кладбище

Виктор БАЯНОВ

Машинист Иван Петрович

1

В колготливой деповской конторке
Я, сказав себе: «Ну, не робей»,
Подошел к нему после планерки,
Перед первою сменой своей.
И натужными начал словами,
Будто что-то тяжелое нес:
– Я окончил училище... с вами,
Кочегарить на ваш паровоз...

По характеру, видно, молчальник,
Он – ни звука, как речка зимой.
Лишь кивнул мне мой новый начальник,
Командир непосредственный мой.

Сухолицый, рябой, как вощина.
Взгляд – воды ручейковой живей.
Волевая прямая морицина
Жестко врезана между бровей.
Руки в блестках веснушек – покойны.
И при солнечных – в окна – лучах
Серебром рассиялись погоны
На его нешироких плечах.

Он пошел к паровозу. Я – следом.
Шел и думал я думу одну,
Что с таким неприветливым дедом
Много лиха, наверно, хлебну.
И, пока шли вдоль насыпи-ската,
На меня, топтавшие в ряд,
С сожаленьем смотрели ребята
Из других паровозных бригад.

И один пересмешник беспечный
Положил на плечо мне ладонь,
Сжал и вместо поддержки сердечной
Только масла добавил в огонь.

2

Дескать, я ветеран здесь по стажу
И тебе говорю наперед,
Что со всеми в депо своем лажу,
Лишь с Петровичем «мир не берет».

Не умел я как надо трудиться,
Да робел перед дедом. А тот
Понял сразу же, что я за птица,
И, не мешкая, взял в оборот.
Обмирала душа полевая
От конфуза на каждом шагу;
Я и уголь не так поливаю,
И топить я совсем не могу.
Возле зева прожорливой топки,
Под колесный скрежещающий стук,
Я пьянел, как от выпитой стопки,
Выпадала лопата из рук.

Пар «садился». Стихали колеса.
А Петрович сердито сопел,
Хмурил брови, поглядывал косо.
А однажды ехидно запел:
«Больше всех я знаю песен,
Хорошо держу я пар.
Я собою интересен
И не стар.
И не ста-ар.
Многим девушкам известен –
Кочегар».

Ох, невзвидел я белого света –
«Плохи наши, парнище, дела».
Паровозная песенка эта,
Как пощечина, помнится, жгла.

После – бьюсь я у топки, бывало,
Ну, а сам все на деда гляжу
И креплюсь, чтоб не крикнуть в запале:
Погоди, мол, еще докажу!
Сачковать – у нас нет этой моды,
Я не лодырь, не хлюпик какой –
Рос в деревне в военные годы,
С малых лет на работе мужской.

3

И пора мастерства наступила:
Вынес. Выдюжил, взял высоту!
И уже не обидно мне было
Слушать песенку легкую ту.
Черный дым по полям развевало.
Путь свободен – зеленый горит.
По подъему несемся, бывало, –
Только с небом труба говорит!
Мир широкий – певуч и отраден,
Все отраднее день ото дня.
А Петрович – ну, будь он неладен! –
Снова косо глядит на меня.
Мол, машина у нас не машина –
Захламленный и грязный сарай.
Дескать, вот тебе бак керосина,
Ворох пакли и ветоши – драй!
И безропотно я, безголосо,
Основные освоив дела,
Начищал шатуны, и колеса,
И крутую обшивку котла.
Драйл я в озлобленье усталом,
Драйл, будто Петровичу в месть.
И стоял паровоз под составом –
Обновленный и праздничный весь.
Я уж бросить хотел, отказаться,
Но сверкал паровоз наш в дыму
Так, что мне на него, на красавца,
Стало любо глядеть самому.
Дед, бывало, ни слова не скажет,
Тут же вновь паровоз обойдет –

То на скудную смазку укажет,
То ослабиую гайку найдет.

Изводил меня, черт паровозный:
Мол, другие подсказок не ждут –
За машинами смотрят серьезней,
Экономнее топливо жгут.
Обижаясь, устроив старанье,
С каждым днем я все лучшие топил,
Начищал паровоз до сиянья,
Ослабевшие гайки крепил.

Да, недлительный путь свой итожа,
От рабочего первого дня,
Все гадал: ну за что же, за что же
Машинист мой не любит меня?

Ведь стараюсь же – соль на рубашке,
Топку вижу я даже во сне.
Но в ответ – ни единой поблажки,
Ни минуточки отдыха мне.

Я терпел, но подумывал часто,
Стариком доведенный до слез:
«Вот возьму и пойду до начальства,
 Попрошусь на другой паровоз».

4

Но однажды – глазам не поверишь! –
Почему – было мне невдомек,
Взял Петрович мой чистую ветошь
И подраить машину помог.

А узнал я причину подмоги
Лишь тогда, когда с дальних путей
Подошел к нам начальник дороги –
Генерал наш со свитой своей.

Встал он, стройный, у бровочной кромки
И сказал – то ль себе, то ли всем,
По-отечески так и негромко,
Мол, смотрите: мальчишка совсем.
За плечо меня тронул степенно,
На Петровича глянул в упор.
– Ну, и как она, юная смена,
Есть ли хватка, рабочий задор?

Георгий ГОЛОВАЦКИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ О ПАРОВОЗЕ

Когда мне передали привет от Петьки Сырцева, я не сразу сообразил, что мы с ним вместе ходили в детский сад. И было это более 65 лет назад. Вот это привет!

Я всегда восхищаюсь способностью восстанавливать события, которые случились в 5–7-летнем возрасте. Да, я помню этот детсад, который и сейчас стоит повыше улицы Нахимова. Здание разделено на детсад и ясли, огорожено небольшим забором. На территории здания поляна с высокой мягкой травой и несколько больших берез, ну еще там цветники, несколько сараев для угля...

Как и в любом коллективе, в саду нужно было уметь выживать. Если будешь тихоней, тебе никогда не достанутся лучшие игрушки, на тебя будут постоянно жаловаться. Самое главное, надо иметь хороших товарищей. И вот одним из них у меня был Петя – Петр Игнатьевич Сырцев, позже ученик школы № 24, а потом и преподаватель этой же школы многие годы, обладатель огромного количества музыкальных записей 30–50-х годов.

Оказалось, за эти годы абсолютно не изменилось мнение о ребятах, хороших и не очень. Таки-ми остались они и сейчас. Интересно! Кое о чем я помню больше Петра. Например, как выглядит наша воспитательница Мария Ивановна толстая и Мария Ивановна тонкая. Каждый день приходил учитель музыки, и тогда весь коллектив сначала делал физкультзарядку, а потом мы пели песни в сопровождении пианино.

С другом Петром мы любили потихоньку исчезать от наблюдения Марь-Иванны, затеряться в высокой траве и переползать с места на место, вызывая переполох. Досадно было, когда эту траву выкашивали. А какие красивые бабочки тогда были!

Но всему приходит конец. Через некоторое время я не стал посещать садик. Хотя мне и нравилось там, но свобода лучше. Свобода! Улица! Новые друзья – это верный Вася Пуртов, и Вася Жолобов, ну и другие, конечно... В то время детей не воровали, не соблазняли, не били, и главной задачей было явиться домой до прихода родителей с работы и выполнить задание – принести дров, угля, воды, иногда помыть пол.

Вообще мытье полов – это лучшее средство избежать гнева мамы, а уж если сильно провинился, то надо было постирать белье. Мама не гневается и соседки наперебой нахваляются...

А мир расширяется. Ну там стадион, пробежка на Томь – это само собой. А еще освоить пруд, потом его называли «пятерка», где была теплая вода. С одной стороны пруда поляна с фекалиями, их сюда привозили целыми обозами, а с другой стороны территория, огороженная знаками с надписью: «Стой, прохода нет». Ну, да это не для нас.

Самым интересным объектом была шахта «Центральная». До сих пор удивляюсь, почему нас никто от нее не гонял. Старшие пацаны проводили нас, показывали, а потом мы уже сами посещали кузницу, механический цех, лесопилку, издаleка смотрели на подъемную машину.

Узкоколейная железная дорога от лесотаски (лесозавод, лесобиржа) на правом берегу Томи дальше шла вдоль канатной дороги, карьеров кирзавода. К шахте «Центральная» подходила справа и дальше шла на шахту «Северная». Около склада «Углетехснаба» была площадка, где обычно стоял маленький паровозик, на соседнем пути находились вагоны для перевозки крепленого леса и вагон-хлебовозка. Здесь паровоз снабжали водой и углем, это была своеобразная станция.

Для нас самым интересным был, конечно, паровоз, особенно в движении. Мы могли долго бегать рядом с паровозиком, пока он делал маневры. Потом мы уже смело разговаривали с дяденьками, которые на нем работали, узнали слова: букса, тендер, поршень, дышло. Так как до всего этого нужно было дотронуться, то домой возвращались изрядно грязные.

Каждое лето посещаем эту «нашу» станцию, пробуем залезать на крышу хлебовозки и раскачивать вагон, пока не начинают отрываться колеса от рельсов, за что нас гонят прочь. Потом стали интересоваться паровозом большего размера. У стоящего на шахте паровоза стало скучно, а вот на повороте около терриконика было интересней. Там мы всегда катались на плотах, но как только слышали шум, грохот поезда, идущего с Химплощадки, сразу выбегали на насыпь и восторгались тем, что под нами колебалась земля.

К этому времени мы уже знали, что паровоз этот с буквой «О» (основной) называется «компашкой» по типу паровой машины «компаунд» и что они бывают разные, около буквы «О» были маленькие «в» или «д»; «в» – это механизм Вальсхерта, «д» – Джоя. Мы сразу обнаружили, что с левой стороны цилиндр почти в два раза больше, чем правый, и долго не могли понять, зачем при работе пар пускают из одного цилиндра в другой.

Машинисты пытались нам объяснить, что «компаунд» – это машина двойного расширения пара, но все равно было непонятно. Уже будучи взрослым, узнал, что такие машины бывают даже тройного расширения и применялись на бывших

военных кораблях для повышения коэффициента полезного действия.

Когда мы делали набег на полигон в стороне Верхотомки для добычи «продукции» в виде некондиции артиллерийского пороха, пирокселина, то видели паровозы другого типа. Это были паровозы типа древнерусской «фита» с парораспределением Алана. Паровоз напоминал смешную грязную тетку, которая локтями расталкивает толпу.

Ну а на станции Правотомск можно было увидеть уже современные паровозы серии Э. Потом я узнал, что маленькие буквки рядом с Э означают Эш – шведской постройки, Эг – Германия, Эх – Харьков, Эу – усиленный, Эм – модернизированный, Эр – реконструированный...

Настало время, и Правотомска нам стало мало. Надо перебираться на левый берег – на Предкомбинат и на вокзал станции Кемерово. Во время войны и позднее, особенно при половодье, на левый можно было попасть при помощи «передачи» – так называли поезд из 2–3 вагонов, в которые набивалось много народа. Отправлялся поезд очень рано, и к его отправлению нужно было идти в сплошной темноте по грязи.

А что делать в городе? Посетить знаменитый базар, где можно болтаться целый день, сходить в кинотеатр «Москва», в горсад, на конный базар, полечить глаза в больнице, зайти в универмаг, если находилось несколько монет. Можно было купить сырковой массы – вкуснятина. Если денег мало, можно купить сушку и 100 г хамсы пряного посола – тоже вкусно.

Во время войны в универмаге располагался завод КЭМЗ, и мы, пацаны, умудрялись проникать туда, иногда даже с ночевкой. Помнится, как я был удивлен, когда увидел огромный карусельный станок. Так как можно было скорость вращения сделать очень маленькой, то ребята, которые там работали, привязывали проволоку к кулачку патрона и к ноге спящего и ждали результата. Ну очень смешно! А вечером можно снова смотреть паровозы – кроме Э мы уже видели Щ (щука) и Су – сормовский усиленный пассажирский.

В 1946 году мои друзья поступили в ремесленное училище, а я поступил в горно-строительный техникум на Стандарте. Друзья делились знаниями, полученными в ремеслухе. Мы с Генкой, добыв электрическую катушку, создали с помощью ведра сирену. Люди думали, что снова началась война. А когда адвокат Ширенко спилил наш турник, где мы крутили «солнышко», то мы его лишили света, и даже электрики не могли найти нашу «подлянку».

Были у нас и хорошие черты. Например, мы строго следили, чтобы ребята не лазили за огурцами и морковкой к бедным людям. Разрешалось «добывать» только подсолнухи и мак. Даже организовывали соревнования по щелканью семечек.

В 1948 году по болезни пришлось оставить техникум, попрощаться с Володей Щегловым, Женей Родионовым, с фронтовиком Колей Нарватовым и... снова на улицу... В конце лета по совету Лешки Авдеева поступил в Топкинское железнодорожное училище учиться на помощника машиниста паровоза. Ну как было не поступить, когда там бесплатное питание, форма, общежитие и паровоз!

Топки – не от слова топить, а от слова «топкое», болото. Одноэтажный город, вечером лампочки горят вполнакала, улицы неблагоустроенные... И огромное депо. День учебы, день практики, еще поездки на уборку урожая, разгрузка вагонов, хозяйственные работы. К концу первого года мы уже могли изготовить приличные плоскогубцы, ножницы по металлу и еще многое... На второй год наравне с опытными слесарями ремонтировали паровозы. И все это вместе с художественной самодельностью, спортом, дерзкими выходками и шалостями. Прекрасно!

Для того, чтобы уехать домой в Кемерово, нужно было знать, с какого пути пойдет поезд. В то время уголь везли в Кемерово (коксуемый) и из Кемерова, в Кольчугино и из Кольчугино, в Юргу и из Юрги, но мы-то знали, почему так делают. Легче всего узнать о поезде можно было в кондукторском резерве. В то время

поезда водили паровозные и кондукторские бригады. Кондукторская бригада состояла из главного кондуктора, поездного вагонного мастера и старшего кондуктора, который располагался в хвосте поезда.

И вот однажды я услышал рассказ одного кондуктора, вернувшегося с Горной Шории. О Шории и сейчас-то в Кемерове не все знают, а тогда рассказчик говорил о тайге, горах, речках и грохоте паровоза за горой, который мог утащить всего-то 8 вагонов. Экзотика! Вот за этой экзотикой-романтикой я и поехал с друзьями в Мундыбаш, отказавшись от Кемерова, Топок, Тайги, Белова.

Если железную дорогу до Кемерова построили сразу же после окончания строительства Транссиба для перевозки угля и кокса, то дорогу вглубь Шории, до Таштагола, начали строить в начале 30-х годов силами заключенных и закончили к самому началу войны, в 1941 году, для перевозки железной руды и леса. Была такая организация «Горшорлаг» – она строила.

Утверждают, что под каждой шпалой лежит «зэк». На каждый километр тогда укладывали 800–900 шпал, на сто километров – 90 тысяч. Многовато, но цифру в 25–30 тысяч погибших мне доводилось слышать, да и безымянные могилы говорят о многом. Еще в Кемерове с ребятами видел, как перевозят заключенных. Это поезд из двухосных вагонов, двери с одной стороны на замке, с другой на замке, но с небольшой щелью, люки зарешечены, на каждой переходной площадке часовой, на хвостовом над крышей смотровая площадка для стрелка. И глаза, глаза заключенных...

Об участке железной дороги Мундыбаш – Таштагол нужно сказать особо. Это горный участок с крутыми подъемами, спусками, поворотами. В сторону Новокузнецка с Мундыбаша даже на захудалом паровозике можно увезти поезд весом в пять тысяч тонн, а на Таштагол всего 650 тонн.

В 1950 году руду возили паровозами Эу, Эр с ручным отоплением и только летом стали поступать американские паровозы серии Еа, их ласково называли Еленами. Если в 1915–1920 годах на

Дальнем Востоке работали паровозы, построенные по нашим чертежам в Америке и называвшиеся Еф (Ефимы) или «декаподы» – десять ног, то в конце Второй мировой войны к нам по ленд-лизу поступали паровозы серии Еа (завод Алко), которые отличались наличием стокеров (углеподатчиков), в переводе – механический кочегар.

Вот в это время мы и приехали в депо, имея определенные знания. Нас даже обзывали «инженерами», приняли хорошо. Старые машинисты пытались проверять нас, спрашивая, что такое «эверластинг», «крейцкопф», а мы докладывали, что знаем даже что такое «эксцентроситет эксцентрика».

Кстати, попробуйте и вы вслух скороговоркой произнести: «эксцентроситет эксцентрика». То-то...

Начиналась самая интересная, самостоятельная работа. Конечно, было трудно сжечь 10–12 тонн угля за поездку, трудно было машинистам в мороз везти поезд. В отличие от других депо, где боролись за вождение тяжеловесных поездов, мы водили летом 20 вагонов с толкачом, зимой 19 – у всех одинаково – больше не потянешь, меньше не разрешат.

Работа осложнялась частыми поломками, неисправностью тормозов. Были даже случаи гибели людей, когда поезда попадали в уваливающие тупики, но особенно нас всех шокировало событие на 515-м километре 18 октября 1954 года. При следовании поезда в скалистой полувыемке неожиданно произошел обвал горного массива, в который врезался паровоз. Паровоз сошел с рельсов, опрокинулся. Паровозная бригада оказалась в будке под струями пара из сорванных труб. Машинисту Николаю Подосинникову удалось выбраться из будки, получив сильнейшие ожоги. Он тут же бросился выручать помощника Солодкова и кочегара Ефимова. Вытащив их, потерял сознание. Подосинников и Солодков умерли в больнице, Ефимов с поврежденной кожей жив и сейчас.

Старые железнодорожники считают, что у каждого паровоза есть душа, ну, а если не душа, то

свой характер, свой норов, свои причуды. Паровозы получали за свой характер клички: «Фроська», «Тамара», «Аппарат», «Гусь», «Лайба». Одна из неисправностей – трение букс – была самой большой заботой, приходилось применять самые различные способы – на подбивку клали мыло, алюминиевые ложки, графит, даже селедку.

А как ухаживали за машиной! Добывали всевозможную краску, расписывали номера, тащили у хозяек лучшие куски материи, добывали ключи, постоянно боролись за лучшее место.

Еще вспоминаются способы приготовления пищи. Это поджарка сала на прутьях и на лопате в топке, печеная картошка на сухопарнике, топленое молоко на инжекторе... Самое превосходное блюдо, на запах которого останавливались даже прохожие – это стеклянная банка с луком, картошкой, кусочками мяса, установленная на пароразборную колонку. Чудо!

Еще надо сказать, что Кузбасс снабжался техникой в первую очередь. Еще в 1950 году в депо Тайги стали поступать новенькие паровозы серии «Л», по имени одного из конструкторов Л. С. Лебедянского. Вообще-то существует мнение, что этот паровоз хотели назвать «Победа». Но якобы Сталин не согласился, так же как не согласился и на название города Победа, который позже назвали Междуреченск. Ничего не получилось в Кемерове с парком «Победа». А вот автомобиль «Победа», часы «Победа» можно увидеть и сейчас.

К 1956 году все депо Кузбасса получили новые паровозы серии «Л», американки отправили на Дальний Восток. Но промышленность разваливалась, и нужна была для перевозки грузов новая техника в виде тепловозов и электровозов. Начиналась новая эра – переход на новые виды тяги.

Как и в любом коллективе, в депо Мундыбаша было принято отмечать юбилеи. 50-летие хотелось отметить как-то по-особенному. И вот у меня родилась, на мой взгляд, прекрасная мысль. Много лет я наблюдал, как выполнены всевозможные памятники: солдат на возвышении, танк на пьедестале, Салават Юлаев на скале. Я выступил на

совещании с предложением установить паровоз на господствующей горе над станцией.

Вы видели паровоз в Мундыбаше на горе Семафорной? Как он туда попал? Да проще простого – работники депо сбросились, начальство помогло – и затащили его на гору. Зачем? В память о труяге. На паровозе с обеих сторон были укреплены две мемориальные доски: «Паровоз-памятник Эм715-12. Паровозы использовались для перевозки металлургического сырья с рудников Горной Шории до 1968 года. Памятник установлен в 1986 году в честь 50-летия образования локомотивного депо и железнодорожного узла Мундыбаш».

Были оформлены документы на земельный участок под памятник. Ученики школы № 95 озе-ленили и привели в порядок территорию. Провели митинг в честь открытия памятника. Он был взят под охрану государства.

Здесь принимали в пионеры школьников, проводили спортивные соревнования, молодежь назначала свидание, старики собирались за бутылочкой вспомнить былое...

Должен сказать, что в нашей стране установлено более 250 паровозов-памятников. Почему именно паровоз? А вы посмотрите на него: сила и скорость, красота и совершенство, гордость и уважение, а главное, история!

Не зря же паровоз прослужил людям почти полтора столетия и только относительно недавно уступил место новым видам техники.

Но по-разному складывается судьба памятников. Замечательно смотрится в Москве у метро «Студенческая» паровоз серии Су. Украшают паровозы и другие города: Санкт-Петербург, Псков, Сартавала, Ржев, Екатеринбург, Выборг. В Новосибирске установлены два мощных паровоза ФД. На станции Тайга стоит красавец П-36, один из последних пассажирских паровозов. Скромно расположился на территории Новокузнецкого металлургического завода маленький паровозик 9П. В прошлом году Новокузнецк украсил и паровоз на ул. Транспортной серии Л, который возил руду

из Горной Шории. Такой же паровоз установлен у вокзала в Кемерове.

Все паровозы-памятники более-менее в хорошем состоянии, но их преследует угроза разрушения. Уж такой у нас менталитет – ломать все, что ломается.

Не повезло и нашему любимцу. С 1997 года началось его разграбление. В первую очередь были срублены мемориальные доски, позже снята бронзовая арматура, ну, а затем крушили все что можно – поручни, скобы, рамы, двери. Даже срезаны автогеном борта угольной ямы. Невольно думаешь, что это: варварство или вандализм? А может, идиотизм? Знает о нападках на паровоз и милиция. В поселке знают, куда девались мемориальные доски и бронза. Но, увы...

И все же он гордо стоит на горе! Усилиями работников и руководства депо паровоз регулярно красят, убирают территорию. Нынче 22 года с момента его открытия и 70 лет с тех пор, как в горах Горной Шории впервые раздался гордый гудок паровоза. И люди обязательно придут к памятнику, чтобы отметить это событие. Паровоз – память о прошлом.

А для меня все началось с маленького паровозика на шахте «Центральная» города Кемерово.

● Паровоз-памятник на горе Семафорной в поселке Мундыбаш

Федор ЯГУНОВ

ДЕВЯТАЯ ПЯТНИЦА

Самым захватывающим чудом, пленившим моё воображение в раннем детстве, была карусель. Яркая, нарядная, кружившаяся под сладкую музыку, льющуюся неведь откуда, может быть, с неба, она сильнее леденцовых «петушков», сильнее тележки мороженщика притягивала к себе не только детвору. А уж если удавалось упросить мать разориться денежкой, и ты усаживался в разрисованную кошёвку – по малости лет садиться верхом на деревянную лошадку мне еще не полагалось – счастливее тебя не было человека на свете!

Карусель была на базаре. Базар был на том же месте, где теперь крытый рынок. Только занимал он куда большую площадь, чем теперешний. Сюда по базарным дням съезжались жители окрестных деревень. Пахло конским навозом, колёсным дёгтем, визжали поросята, всполошно кудахтали куры. Из разговора моих родителей я знал, что базар нынче не тот, что раньше, при единоличной жизни, но мне всё равно он казался островом сокровищ. На толкучке, кроме ношенной одежды, обуви, простейшей самодельной мебели, прочего домашнего скарба, можно было увидеть диковинные вещи, вроде старинного граммофона. Однажды я видел там настоящую – медную с прозеленью – морскую подозрительную трубу. Праздничную атмосферу создавали голосистые гармошки. Мужики приценивались к гармоникам, пробовали их на звучание, показывали своё умение играть. На соседней с нами улице жил гармонист, у которого своего инструмента не было. Мать говорила, что он каждое воскресенье ходит на базар и, пробуя одну за другой гармошки, отводит душу. Нам, мальчишкам, родители покупали иногда глиняные свистульки.

Среди лавок и магазинчиков самым крупным был «Зелёный» магазин или «многолапка», такие потом стали называться универмагами. В школьном возрасте меня больше других прельщал книжный магазин. Высокий, рубленый из брусьев, необычной шестигранной формы, он был один такой во всём Кемерове. Полки позади прилавков тесно уставлены книгами. По всему верху шли антресоли с книжными шкафами. Обычную публику туда не пускали. Мне всегда интересно было смотреть, если там ходил какой-то человек, открывал и закрывал стеклянные дверки, рылся в книгах. Наверно, там были какие-то особые книги. Слово «букинист» тогда мне было еще незнакомо. Сам запах в этом магазине был особенный.

Одну сторону базарной площади замыкал ряд уличных фотографий, было их там не меньше десятка. Каждый фотограф-пушкарь вывешивал по утрам свой ярко разрисованный фон с замками и лебедями, выставял треногу с огромной деревянной фотокамерой. Чтобы сняться на фотокарточку, деревенские приезжали семьями.

Барахолка на базарной площади особенно оживилась в войну, когда государственная торговля совсем оскудела, перешла в закрытые, по талонам, рапределители. Время от времени на базаре устраивались облавы с целью выявить дезертиров и тех, кто укрывался от призыва. Площадь внезапно оцепливалась военными. Мужчин выпускали только по предъявлению паспорта. Тех, кто оказывался без документов, под конвоем сопровождали в военкомат.

И воскресный базар, и ярмарки в Щегловске, на протяжении десятилетий служившие

центром притяжения для всей округи, имеют свою предысторию, уходящую в XIX век.

Жители старожильских деревень, относящихся ныне к Кемеровскому району, занимаясь хлебопашеством, все основное, что нужно для жизни, производили сами. Однако же совсем обойтись без денег было невозможно. Подать заплатить, керосин купить, соль, сахар, нарядного ситцу бабам на сарафаны, ленты девкам, железо на ведра, на санные полозья, да те же гвозди! Всё это было в деревенских лавках, да где взять деньги? Надо было продавать, как потом стали говорить, излишки. Только вот – кому продавать? Село Усть-Искитимское, которое потом стало городом Щегловском, было такой же деревней, как и все окрестные, хотя в начале XX века и обгоняло их уже в росте. Вот и налаживали крестьяне Верхотомской волости на ярмарку в Томск.

Сговаривались несколько мужиков и по зимнему первопутку снаряжали обоз. Кто нагружал подводу, кто две и даже три. Распродав свой товар на ярмарке, крестьянин с выгодой для себя закупал всё, что надо было для хозяйства, и, накупив напоследок гостинцев семье, возвращался домой.

Но до Томска – 175 вёрст, часто не наездишься, а летом, когда полевые работы, об этом вообще не могло быть и речи.

Железная дорога, прошедшая по северу теперешнего Кузбасса, привела к росту товарности сельского хозяйства, к развитию товарно-денежных отношений. Даже в сёлах, находившихся сравнительно далеко, открывались базары и ярмарки. Крестьяне «сбывали зерно, мёд, пушнину, кедровый орех и другие продукты, выдерживающие гужевую перевозку до железнодорожной станции»¹. Открылась такая ярмарка и в Усть-Искитимском (Щеглово), называлась она Михайловской, в честь Михаила Архангела, и проходила с 8 по 15 ноября. Кроме того, по субботам, здесь был базар. Вскоре и этого оказалось мало.

В селе Усть-Искитимском, согласно «Списку населенных мест Томской губернии»², было

более двухсот дворов, в которых проживало 1260 душ обоего пола. В селе находилось волостное правление, Николаевская церковь, сельское училище, хлебозапасный магазин, два склада земледельческих орудий, пять мануфактурных и две мелочные лавки, казённая винная лавка, два «ренсковых погреба» виноградных вин, пивной склад, паровая мельница, пароходная пристань, кожевенный завод.

В январе 1912 года собирается сельский сход, который выносит «Приговор»³, в нём говорится:

«Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Томской губернии, Кузнецкого уезда, Верхотомской волости, Усть-Искитимского сельского общества, состоящего из одного села Усть-Искитимского, имеющего в себе 125 домохозяйств, имеющих право голоса на сельском сходе... в присутствии нашею сельского старосты Семёна Бебякина, имели между собой суждение... Единогласно постановили войти с ходатайством настоящим Приговором через его высокоблагородие Крестьянского начальника... о разрешении иметь в нашем селе Усть-Искитимском второй, летней ежегодной семидневной ярмарки в дни девятой седмицы по Воскресении Христова, с тем, чтобы таковая носила название «Девятая пятница», с правом быть в продаже на таковой собственных крестьянских изделий, привозных торговцами мануфактуры, чаепитных и прочих товаров...»

Доказательством тому, что чиновная бюрократия родилась не сегодня, может служить и последующая по поводу «Приговора» переписка. Надлежащим путём были получены согласия:

«...С возвращением настоящей переписки уведомляю Ваше Высокоблагородие, что с моей стороны не встречается препятствий к открытию в с. Усть-Искитимском, Верхотомской волости семидневной ярмарки в девятую пятницу после св. Пасхи.

Податной инспектор Кузнецкого участка...»⁴

«...С возвращением настоящей переписки уведомляю г-на Крестьянского начальника... что с моей стороны препятствий не встречается на открытие в с. Усть-Искитимском второй ежегодной ярмарки. Нижне-Томский лесничий»⁵.

Приближалось лето 1912 года. Не за горами уже и девятая пятница. Не дождавшись своевременного ответа томского губернатора, крестьяне села Усть-Искитимского уполномочивают своего односельчанина, тоже крестьянина, Никиту Алексеевича Хомутова, напомнить Томску о своём ходатайстве. Приведу текст письма Хомутова с небольшими сокращениями.

«Его Превосходительству Господину Томскому губернатору.

Прошение.

В январе месяце сего года, с представлением приговора общества крестьян села Щегловского (заметим в скобках, что во всех официальных бумагах село именуется Усть-Искитимским, жители же называют его Щегловым, Щегловском. – Ф. Я.) через Крестьянского начальника 3 участка, Кузнецкого уезда, обществом крестьян села Щегловска было возбуждено ходатайство о разрешении на открытие 2-й ежегодной ярмарки в девятую пятницу по Святой Пасхе. Ходатайство это 7 апреля сего года за № 276 Крестьянским начальником представлено в Губернское Управление. Ввиду того, что на ходатайство это еще не получено определения Губернского Управления, общество крестьян села Щеглова уполномочило меня почтительнейши просить Ваше Превосходительство о разрешении открыть в селе Щегловском 2-ю ежегодную ярмарку в 9-ю неделю после праздника Святой Пасхи, и о скорейшем разрешении этого ходатайства, дабы представилось возможным открыть ярмарку в предстоящую 9-ю неделю по Пасхе, распубликовать о сём в установленном порядке.

О последующем на сие прошу не оставить известить меня по выше указанному моему жительству.

5 мая 1912 года. Никита Хомутов, а по болезни его правой руки и по его просьбе расписался...» Подпись неразборчива⁶.

На письме имеются штампы, подтверждающие его получение: «Томский Губернатор. 20 мая 1912 г.» и «3 отделение Губернского Управления. 22 мая 1912 г.».

Но в Томске возникают всё новые вопросы. 21 июня 1912 года Крестьянский начальник дополнительным отношением уточняет: «Имею честь сообщить 3-у отделению Губернского управления, что на предлагаемую к открытию в с. Усть-Искитимском ярмарку скот приводиться будет».

На обороте этого документа, от руки, запрос к Томскому губернскому ветеринарному инспектору: «3-е отделение Губернского управления просит сообщить не имеется каких-либо препятствий к удовлетворению приложенного ходатайства?»⁷.

Давно миновала 9-я седмица, но только 21 сентября 1912 года в Журнале присутствия Томского губернского управления, 3-го крестьянского отделения мы находим запись:

«Общее Присутствие Губернского Управления в составе председателя – Губернатора, вице-губернатора, управляющего Казённой палатой, управляющего Гос. имуществом, председателя Окружного суда, начальника Алтайского округа, прокурора Окружного суда; членов – заведующего землеустройством Алтайского округа, старшего чиновника по составлению отводных записей. Непременных членов...

...Слушали: переписку по ходатайству Усть-Искитимского сельского схода Верхотомской волости Кузнецкого уезда об открытии в селе Усть-Искитимском второй ежегодной семидневной ярмарки в 9-ю пятницу после Святой Пасхи под названием «Девятая пятница».

Справка: со стороны Томского ветуправления не встречается препятствий к удовлетворению изложенного ходатайства.

Определение. Выслушав доложенное, Общее Присутствие определяет: открыть в селе

Усть-Искитимском Верх-Томской волости Кузнецкого уезда вторую ежегодную ярмарку в 9-ю пятницу после Святой Пасхи, о чём опубликовать в Томских «Губернских новостях» и сообщить для сведения в Томскую Казённую Палату, Томскому ветеринарному инспектору, Крестьянскому начальнику 3-го участка и Кузнецкому уездному исправнику»⁸.

Следует заметить, что и открытие второй (летней) ярмарки в селе Усть-Искитимском из-за затруднений с переправой через реку Томь не удовлетворило нужду населения правобережных деревень в рынке. В Томск был направлен «Приговор № 38»⁹ 1913 года сентября 30 дня. «Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Томской губернии, Кузнецкого уезда, Вознесенской волости деревни Кемеровой, в которой считается 57 домохозяйств, ходатайствуем об открытии в д. Кемеровой еженедельного, по средам и четвергам, базара...»

Возвращаясь к документу об открытии ярмарки «Девятая пятница», следует отметить, что среди 65 домохозяев села Усть-Искитимского, присутствовавших на сходе 4 января 1912 года, 50 из них «по неграмотности просили за себя расписаться» грамотных, коих оказалось числом 15. В связи с этим представляет интерес еще один документ из Томского областного архива от 28 декабря 1903 года¹⁰, проливающий свет на состояние народного образования в Кузнецком уезде: рапорт Кузнецкого уездного исправника, представляющего в Томское губернское управление прошение Усть-Искитимского сельского учителя Михаила Шабанова.

«Его Превосходительству Господину Томскому Губернатору от учителя Усть-Искитимского сельского училища Кузнецкого уезда Томской губернии Михаила Александровича Шабанова

Всепокорнейшее прошение.

В Кузнецком городском 3-классном училище обучаются два родных моих сына... Получая ограниченное учительское жалование

(300 руб. в год), я принужден для поддержания семьи подрабатывать в Усть-Искитимской Николаевской церкви вольнонаёмным псаломщиком за половинный доход. Служа 20-й год в должности сельского учителя по Томской губернии, не желая переменять службу учителя на другую, при своем бедном безвыходном плачевном положении, осмеливаюсь обратиться к Вашему Превосходительству с почтеннейшею и всепокорнейшею просьбой исходатайствовать мне дополнительное жалование от казны, так как при настоящих средствах к жизни мне, человеку семейному жить и воспитывать детей чрезвычайно трудно.

В настоящее время, если признаете возможным, не откажите, Ваше Превосходительство, о выдаче мне на воспитание сыновей небольшого денежного пособия...»

На документе нет никаких помет. Равно как и не приложено к нему каких-либо резолюций и распоряжений. Остаётся неизвестным – была ли оказана учителю М. А. Шабанову какая-либо помощь.

В письме Шабанова упоминается о двух учебных заведениях: городском трехклассном училище в гор. Кузнецке и сельском училище в Усть-Искитимском. В позднейшей «Ведомости о числе учебных заведений и учащихся в гор. Кузнецке и уезде его за 1912 год»¹¹ даются такие сведения:

«В Кузнецке. Всего уч. заведений 5; число учащихся – муж. пола 229, женск. пола 161. В уезде. Число уч. заведений 123; число учащихся – муж. пола 3942, женск. пола 1500».

¹ «Летопись села Кузбасса». Кемерово, 2001.

² ГАТО. ф. 3, оп. 19, д. 1650.

³ ГАТО. ф. 3, оп. 19, д. 1604, л. д. 3.

⁴ Там же, л. д. 6.

⁵ Там же, л. д. 7.

⁶ Там же, л. д. 8.

⁷ Там же, л. д. 9.

⁸ Там же, л. д. 10.

⁹ ГАТО. ф. 3, оп. 19, д. 1728, л. д. 5.

¹⁰ ГАТО. ф. 3, оп. 44, д. 3101, л. д. 1.

¹¹ ГАТО. ф. 3, оп. 71, д. 1, л. д. 19.

Анатолий ЛОПАТИН

МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Была ли сожжена церковь в Щегловске?

В декабрьские дни 1919 года в Щегловске произошло событие, которое до сих пор неоднозначно обсуждается историками и общественностью областного центра. Речь идет о Николаевской церкви села Усть-Искитимского (с 1918 года город Щегловск, ныне г. Кемерово).

В 1996 году историки Кемеровского государственного университета опубликовали книгу «Православные храмы Кузбасса». В одной из глав этой книги, посвященной Никольскому храму в Кемерове, авторы пишут: «Сведения о первой каменной Никольской церкви, стоявшей до революции в районе современной часовни во имя иконы «Всех Скорбящих Радость», крайне скудны. Разрушили ее, вероятно, в конце 1919 года красные партизаны-роговцы. На этом месте в 1920-х годах прихожане построили новый деревянный Никольский храм, захваченный спустя некоторое время обновленцами»¹. Свои сомнения о разрушении храма авторы не стали ни опровергать, ни подтверждать какими-либо доказательствами.

Позднее коллеги авторов книги и некоторые местные литераторы версию об уничтожении церкви подхватили, но добавили зловещие подробности. Дескать, кемеровскую церковь действительно сжег «красный партизан и бандит Рогов» (*есть иная точка зрения в оценке личности Г. Рогова, см.: «Кузнецкая старина». 2003. Вып. 5. С. 225–255*),

а в огне сгорел и священник этой церкви². Было даже выяснено имя этого священника³. И вновь доказательств на этот счет не было представлено. Однако одному из сторонников этой версии было достаточно, чтобы поднять в главной областной газете вопрос о необходимости «...поместить на стенах часовни позади главного административного здания табличку в память стоящего когда-то на этом месте храма и назвать имя священника, сгоревшего вместе с церковью в 1919 году»⁴.

А что же говорят документы об истории возникновения Николаевской церкви и событиях вокруг нее?

Сохранился ситуационный план деревни Усть-Искитимской Верхотомской волости за 1823 год⁵. В левом углу плана имеются пояснения. Под номером один значится часовня. Далее перечисляются другие строения и объекты: магазин, крестьянские дома, амбары, бани, мельница, кладбище. Следовательно, в селе церкви еще не было. Нет ее и в 1855 году в перечне приходов Томской епархии, но, вероятно, она уже существовала, поскольку самые ранние из сохранившихся метрических книг Никольской церкви датируются 1847 годом⁶. Документальное подтверждение находим в «Выписке в церкви Вознесенской Кузнецкого округа Верхотомского села за 1860 год», где указано, что «Ближайшая к сей церкви Усть-Искитимская Никольская церковь»⁷. Вновь Никольская церковь в селе Усть-Искитимском упоминается в 1875 году в составе приходов Томской епархии. Названо и количество жителей в селе – 2126 человек⁸.

Теперь небольшое отступление. Известно, что строительство церквей в сельских приходах Российской империи осуществлялось на основе жесткого контроля со стороны государства и Священного Синода, а на селе строительство церквей велось в основном на средства самих прихожан, без особой помощи казны. Основным строительным материалом в Сибири, как правило, был лес. Возведение же каменных храмов требовало больших денежных затрат и зачастую было неподъемным для прихожан сельской местности⁹.

И как бы в подтверждение вышеизложенного знакомимся с записями «Справочной книги по Томской епархии». Читаем запись за 1902 год: «Усть-Искитимский (при р. Томи): – церковь деревянная во имя свят[ого] и Чудотворца Николая, построена в 1895(?)* г. (с датой постройки церкви писари в нела-

дах – см. 1909, 1914. – А. Л.), земли при ней пахотной и сенокосной 99 дес[ятин].

Состав прихода: Кузнец. уезда, Верхотомск. вол., с. Усть-Искитимское, дер. Куро-Искитимская – 5 в[ерст], Ягунова – 12 вер., Черемичкина – 25 вер., Салтыкова – 25 вер., Красноярская – 3 вер., Сухова – 7 вер., Журавлева – 8 вер., Бородина – 12 вер., Симена – 16 вер., Давыдова – 7 вер.

Препятствия в сообщении – р. Томь.

Причт по штату: священник, диакон и псаломщик.

Содержание: руги** (руга – церковная земля и угодья, отведенные на содержание всего причта. – А. Л.) 675 пуд., доходы от треб и готовое помещение. Прихожан обоего пола до 3000 душ, раскольников нет. Расстояние от Томска 180 вер. и от благоч. 14 вер.

● Первая церковь в Щегловске

В дер. Салтыковой Троицкая часовня и в улусе Барандатском.

В селе Усть-Искитимском школа гражданского ведомства.

Попечительство открыто в 1876 году¹⁰.

Данные за 1914 год почти полностью повторяют выше приведенные сведения, но есть некоторые изменения. Указано, что церковь деревянная, построенная в 1895 году (?). Нет контроля за писарями. Улус Бородинский назван «Еликаева» (*современное Еликаево*). Церковь занимает площадь в 66 десятин, а прихожан уже 5467 душ, раскольников – 274 чел.

Священниками в церкви П. П. Введенский, 29 лет, в церкви Усть-Искитимской служит с 1912 года, и А. А. Кедрин, 29 лет, на настоящем месте служит с 1911 года¹¹.

В оппоненты авторам книги «Православные храмы Кузбасса» можно призвать и старожил села Усть-Искитимского, города Щегловска – Кемерово И. Г. Щеглова и А. П. Жукову, упомянутых в книге М. Кушниковой, В. Сергиенко, В. Тогулева «Страницы истории города Кемерово». Щеглов, рассказывая о жизни до революции, упоминает, что «была в селе церковь, где сейчас 41-я школа (*в настоящее время здесь один из корпусов госуниверситета. – А. Л.*), окрашенная в голубовато-зеленоватый цвет, ограда, большой сад». А по свидетельству Жуковой Рогов «...в Щегловске поджигает церковь». В этой же книге указано, что «до 1917 года (*в Щегловске. – А. Л.*) единственным каменным зданием был дом купца Вейса»¹².

Таким образом, утверждение авторов книги «Православные храмы Кузбасса» о том, что Никольская церковь была каменная, опровергается документами и старожилом села. А вот фраза «разрушили ее, вероятно, в конце 1919 года красные партизаны-роговцы» близка к истине, только близка, но не является окончательной ис-

тиной. Как известно, не все, что поджигают, всегда сгорает. Но почти всякий, особенно сильный пожар, зачастую приводит к разрушениям. О том, что Никольская церковь горела в декабре 1919 года, во время захвата села отрядами Рогова и Новоселова, свидетельствуют достаточно много людей. Письменные показания свидетелей есть в Госархиве Кемеровской области и в научном архиве областного краеведческого музея. Однако почти все, кто оставил свои письменные воспоминания о трагических событиях тех дней в Щегловске, указывают, что о поджоге церкви они знают по рассказам других, и даже те, кто непосредственно был в этот период у церкви, не утверждают, что церковь сгорела.

Вот несколько примеров воспоминаний жителей Щегловска о событиях того времени. Воспоминания написаны в 1950–60-х годах прошлого столетия.

Каркавина Таисья Алексеевна: «Прибегает Анфиса (*А. Д. Вдовина. – Л. А.*) и говорит, что жгут церковь и бросили живого бывшего карателя Ваську Хрипатого...»¹³.

Осокин М., участник гражданской и Отечественной войны 1941–1945 годов: «...В центре города партизаны подожгли церковь... 19 декабря 1919 года (*отряды Рогова и Новоселова захватили Щегловск 21 декабря. – А. Л.*) партизанами-роговцами были сожжены находившиеся там три человека, священник, сторож и церковный служитель. Эту историю мне поведала Елизавета Ивановна Гопш... Сама она слышала об этом злодеянии от других. Кроме того, роговцы разрушили городскую управу, а из выброшенных из окон церкви и управы книг и мебели среди улицы разожгли костер и на нем сожгли колчаковского милиционера Иванова Василия...»¹⁴.

Ковалев Иван Германович, 1891 года рождения, строитель коксохимзавода: «Не-

далеко от штаба Рогова-Новоселова над г. Щегловским высоко поднялся большой клуб черного дыма, это горит церковь. А рядом с ней партизаны разложили костер из бумаги, вынесенной из почтового отделения. В огонь этого костра со связанными руками живым был брошен... Хрипатый Васька»¹⁵.

Далее Ковалев указывает, что он ушел с места происшествия, когда сгорел Хрипатый. О том, что церковь сгорела, Ковалев ничего не пишет.

Как же развивались события по возрождению Николаевской церкви после восстановления советской власти в Щегловске?

К сожалению, пока не обнаружены сведения о ходе восстановительных работ в церкви после пожара. Но то, что церковь вновь начинает функционировать, подтверждается документами. 22 ноября 1922 года в Щегловский уездный исполнительный комитет поступает заявление от учредителей православной религиозной общины Никольской церкви численностью 9 тысяч человек, которая просит разрешение на исполнение религиозных обрядов¹⁶. Позднее будет приложена опись имущества, находящегося в ведении религиозно-православной общины на территории Никольской церкви¹⁷.

В своих воспоминаниях председатель Щегловского горсовета конца 1920-х годов С. А. Озеров напишет: «В Щегловске была одна церковь. Верующих было очень мало. Гораздо больше было сектантов разных направлений...»¹⁸.

Кстати, удалось установить кемеровчан, которые были крещены в Никольской церкви или посещали ее с 1931 по 1937 годы (Сычев А. Т., Рябцев Н. И., Седельникова Т. Я.).

Таким образом, ситуация с Николаевской церковью в Щегловске прояснена, если и не до конца, то, по крайней мере, есть ясность в главном – церковь продолжает работать. Правда, в самом церковном

сообществе в эти годы происходит раскол, и в 1928 году на правом берегу Томи православной общиной была построена еще одна Никольская церковь. К сожалению, Николаевская церковь в центре Щегловска «в связи с постройкой новой школы»¹⁹ в конце 1930-х годов была снесена. Но это уже другая тема.

Есть еще один документ, который косвенно может служить доказательством того, что Николаевская церковь полностью не сгорела. Сохранились метрические книги, выданные из Томской духовной консистории в Николаевскую церковь села Усть-Искитимского за 1913–1919 годы, находящиеся в Кемеровском госархиве²⁰.

Факт их сохранности тоже вызывает много вопросов. Если церковь сгорела, следовательно, метрические книги также должны сгореть. Правда, известный кемеровский писатель В. Мазаев высказал догадку, что метрические книги выбросил из огня священник, А. Кедрин, сгоревший в церкви. Но это только его предположение. Документальных доказательств писатель не приводит.

Кстати, по записям метрической книги за 1919 год известно, что священник А. Кедрин последний раз службу в церкви провел 27 октября. До пожара еще почти два месяца. Что-то здесь не совпадает. Упомянутый выше житель Щегловска И. Г. Щеглов пишет, что священник А. Кедрин замерз при отступлении колчаковцев. Я полагаю, что А. А. Кедрин выбыл из Щегловска раньше, и у него были для этого веские причины. Но об этом ниже.

Обнаруженные метрические книги доносят до нас интересные сведения о наших предках, живших на территории современного областного центра накануне Первой мировой войны и в годы гражданского лихолетья (см. таблицу 1).

Таблица 1

Месяц	1913		1913		1917		1917		1918		1919*	
	родились		умерли		родились		умерли		родились		умерли	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Январь	34	26	17	7	23	26	26	21	23	27		
Февраль	27	31	14	15	21	23	20	23	37	29	17	24
Март	41	28	25	19	18	30	15	9	37	50	35	22
Апрель	20	20	19	19	19	24	18	9	30	28	23	24
Май	27	32	13	13	20	28	18	16	33	23	22	22
Июнь	27	32	28	21	31	19	37	37	24	31	30	27
Июль	25	27	27	26	24	23	27	23	34	43	53	42
Август	22	23	15	17	17	15	22	16	35	35	20	25
Сентябрь	27	24	9	10	20	23	18	10	34	42	17	14
Октябрь	28	23	8	8	26	18	14	7	34	26	22	17
Ноябрь	23	29	11	20	18	25	11	5	27	43	7	6
Декабрь	30	33	4	13	25	33	17	8	37	37	7	5
Итого	331	328	190	188	262	287	243	184	385	437	275	253

* В январе 1919 года родилось 67 детей, в т. ч. мальчиков – 29, девочек – 38, далее записей о рождении в данной книге нет.

По записям метрических книг можно определить брачную рождаемость, распределение родившихся по месяцам и полу, по месту рождения, пристрастие родителей к именам для новорожденных. К сожалению, метрические книги обработаны весьма небрежно, страницы перепутаны по годам и месяцам. В книгах вшиты записи имен солдат и офицеров армии Колчака, погибших в уфимском сражении 1918 года, сделанные полковым священником, а также записи по другим приходам.

Определение причин смерти священники записывали, видимо, со слов прихожан, поэтому записи пестрят такими «диагнозами»: умер от старости, от поноса, от горячки, от абортa, тифа, бронхита и т. п. Привожу причины смерти в июне 1919 года. Умерли: от кори – 1, от оспы – 13, от поноса – 17, по болезни желудка – 1, от воспаления легких – 2, от родов – 1, от тифа – 3, от порока серд-

ца – 1, утонули в колодце – 2, от слабости рождения – 5, от рвоты – 1, от гнойной болезни – 1.

Короче, церковные метрические книги – хороший материал для демографов и специалистов по ономастике.

Есть еще одна особенность записей, которые отмечены только в 1919 году. Священники исполняют причт по умершим по запискам, поступившим от начальников милиции, судей, фельдшеров и врачей. Всего таких смертей за 1919 год в книге зафиксировано 24, в том числе три человека убитых – по справкам от мировых судей, 6 человек убитых – по справкам от начальников милиции, остальные 15 – по справкам фельдшеров и врачей.

Вот, к примеру, при каких обстоятельствах появлялись подобные записи. В ночь с первого на второе марта 1919 года «во время сопротивления военной и граждан-

ской власти» в Щегловске убит Петр Спирidonович Новиков – начальник милиции Щегловского уезда. Озеркин пишет «притчу в Щегловскую церковь о придании в землю убитого». Священник А. Кедрин проводит отпевание. Интересная закономерность. Как правило, по запискам притч всегда исполняет священник А. Кедрин.

Произвол, творимый местными властями в этот период в Щегловске, стал известен омским властям. От должности был отстранен Озеркин и другие чины²¹. Можно допустить, что и церковные власти сделали соответствующие выводы.

История Никольской церкви в Щегловске – лишь одна из многочисленных страниц вандализма по отношению к культовым зданиям и оскорбительного отношения к верующим в период Гражданской войны и строительства социализма на территории бывшего СССР. В последнее время материалы о религии появляются все чаще и чаще и становятся желанной темой на страницах печати и в других средствах массовой информации. Множество публикаций однозначно нацелено на признание евангельской морали едва ли не панацеей от бездуховности и морального цинизма современной действительности.

Обнаружилась неожиданная ситуация: во вчерашней стране массового атеизма более 70 процентов россиян сегодня называют себя верующими, а возведение культовых храмов в России идет опережающими темпами по отношению к жилищному строительству.

Всплески внимания к вопросам религии в России, чему свидетельствует ее многовековой опыт, как правило, приходятся на мощнейшие потрясения в жизни народа, когда существенно ослабевает роль государства в создании нормальных и безопасных условий существования ее граждан.

И здесь нужно прямо и честно заявить

людям, что наши верховные власти, провозгласив принципы светского государства, на практике очень мало, (а можно констатировать, что ничего) не делают для утверждения этого образа жизни в повседневной действительности. Более того, в умах и поступках некоторой части научной и духовной интеллигенции царят такой хаос и такие махрово-религиозные взгляды, что бедный российский христианин может во всем этом разобраться только в кабаке.

¹ Кимеев В. М., Кондрашин Д. Е., Усольцев В. Н. Православные храмы Кузбасса. Кемерово, 1996. С. 80.

² Тогулев В. «Убит художник, вытравлена память...» // Культурные новости. 1999. 14 мая; Кушникова М., Тогулев В. Кузнецкий венец Федора Достоевского. Кемерово, 2005. С. 9.

³ Мазаев В. Отец Александр! Просим отпеть // Литературный Кузбасс. № 1–2. Кемерово, 1999. С. 83.

⁴ О памяти и памятниках. Кузбасс. 2001. 18 апр.

⁵ Усков И. Ю. Кемерово. Формирование территории и населения областного центра. Кемерово, 2001. С. 45.

⁶ Усков И. Ю. Метрические книги приходов Кемеровской области. Кемерово, 1998. С. 51.

⁷ ГАТО, ф. 170, оп. 1, д. 272.

⁸ Адаменко А. М. Приходы русской православной церкви на юге западной Сибири в XVIII – начале XX века. Кемерово, 2004. С. 115.

⁹ Там же. С. 32, 38, 42, 44.

¹⁰ Справочная книга по Томской епархии. Томск, 1914. С. 176–177.

¹¹ Там же. С. 170–171, 237.

¹² Кушникова М., Сергиенко В., Тогулев В. Кемерово. Страницы истории города. Кемерово, 1998. Кн. 2. С. 50, 52, 256.

¹³ КОКМ, научный архив, д. 287.

¹⁴ КОКМ, научный архив, д. 287.

¹⁵ КОКМ, научный архив, д. 287.

¹⁶ ГАКО, ф. Р-165, оп. 1, д. 6, л. 29.

¹⁷ ГАКО, ф. Р-165, оп. 1, д. 6, л. 12.

¹⁸ КОКМ, научный архив, д. 287.

¹⁹ ГАКО, ф. 18, оп. 1, д. 40, л. 77.

²⁰ ГАКО, ф. 60, оп. 6, д. 283.

²¹ Звягин С. П. Создание Щегловской милиции: конфликт власти // Балибаловские чтения. Кемерово, 2003. Вып. 3. С. 28.

Театральная история

В журнале «Красная горка», выпуск пятый за 2004 год, была опубликована моя статья об истории Кемеровского областного драматического театра. В статье был поднят вопрос: как и когда театру было присвоено имя А. В. Луначарского. Тогда ответ на этот вопрос мною не был найден.

21 июня 2007 года начальник департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Л. Т. Зауэрвайн на этот вопрос дала мне следующий ответ: «В связи с тем, что архивных документов, подтверждающих присвоение областному драматическому театру имени А. В. Луначарского, обнаружить не удалось, подготовлено ходатайство и проект постановления Коллегии Администрации Кемеровской области по этому вопросу. В настоящее время документы находятся на рассмотрении у Губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева...»

Вместе с тем в информационно-методическом и историко-краеведческом бюллетене «Архивы Кузбасса» (№ 1, 2007 год) под рубрикой «Поиски и находки в архивах» опубликован материал Кемеровского историка И. Ю. Ускова «Развитие театрального искусства Кузбасса в решениях Новосибирского облисполкома».

Особый интерес в данной статье представляют обнаруженные автором в фондах Госархива Новосибирской области решения Новосибирского облисполкома по изменению сети театральных учреждений Кузбасса в связи с началом Великой Отечественной войны.

Так, в решении облисполкома № 1152 от 28 июля 1941 года говорится: «Исполнительный комитет – решил: 1. Сохранить следующую сеть театров области: а) областной драматический театр «Красный факел» в го-

роде Новосибирске; б) драматический театр в городе Сталинске; в) театр юного зрителя в городе Новосибирске. 2. Драматический театр имени А. В. Луначарского перевести из города Томска в город Кемерово, слив его с Кемеровским театром. 3. Сталинский ТЮЗ, Анжерский и Черепановский колхозно-совхозные театры и Новосибирский кукольный театр расформировать. 4. Обязать тов. Бардиан (отдел искусств) наиболее квалифицированных работников расформированных театров перевести на работу в действующие театры, остальных работников направить в распоряжение горсоветов для устройства на работу в другие отрасли народного хозяйства и культуры. Имущество ликвидированных театров передать действующим театрам. Реорганизацию закончить к 5 августа 1941 года...»

10 сентября 1941 года было принято еще одно решение «О размещении и расходах по переброске театров». В этом документе предлагалось областной драматический театр «Красный факел» перевести в город Сталинск (ныне Новокузнецк) в здание Сталинского драмтеатра. Сталинский драмтеатр имени Серго Орджоникидзе перевести в город Ленинск-Кузнецкий – в здание Дворца культуры.

15 декабря 1941 года Новосибирский облисполком принял решение «О базе Кемеровского театра имени А. В. Луначарского». Решение обязывало председателя Кемеровского горисполкома тов. Аброськина предоставить для работы театра 4 дня в неделю (с 8 час. вечера) в здании кинотеатра «Москва» и 3 дня в неделю в здании Дворца культуры Кемеровского района города Кемерово. (Известно, что здание Дворца Труда, где работал Кемеровский драмтеатр, передавалось под нужды завода «Карболит».)

Итак, какие выводы можно сделать из опубликованных документов?

Первый вывод. В решении Новосибирского облисполкома от 28.07.1941 года нет указания о том, что объединенные Томский и Кемеровский театры впредь должны именоваться Кемеровским театром имени А. В. Луначарского.

Вместе с тем в газете «Кузбасс» за 3 сентября 1941 года есть следующее сообщение: «Гортеатр имени Луначарского, 5 сентября, открытие сезона – «Парень из нашего города...». Возникает вопрос – значит, было какое-то решение по вопросу наименования объединенных театров? Такое решение в Государственном архиве Новосибирской области за период с 29 июля по 3 сентября 1941 года не обнаружено. Однако в решении Новосибирского облисполкома от 15.12.1941 года указан «Кемеровский театр имени А. В. Луначарского».

Актер Томского драматического театра имени А. В. Луначарского П. Г. Князев, переведенный в 1941 году в Кемеровский городской драматический театр, позднее в своих воспоминаниях напишет: «Имя А. В. Луначарского ни щегловскому, ни кемеровскому театрам не присваивалось... В 1941 году, во время Отечественной войны... произошло слияние двух театров – Томского и Кемеровского. С этого времени Кемеровский театр и получил имя первого наркома просвещения А. В. Луначарского...»

Правда, в этом разъяснении П. Г. Князева также не все до конца ясно. Имя А. В. Луначарского было перенесено с Томского театра на Кемеровский собранием артистов двух театров? Тогда удивляться не приходится. А может быть, это устное указание чиновника из отдела искусств Новосибирской области? Такое могло случиться, ведь шла война, и было не до формальностей.

Скорее всего, вопрос о названии объединенных театральных коллективов городов Кемерово и Томска решился сам

собою. Допускаю, что тогда подобный вопрос даже и не возникал. Можно предполагать, что пункт второго решения Новосибирского облисполкома от 28.06.41 года № 1152 автоматически решал проблему наименования двух слившихся театральных коллективов.

Дальше события развивались следующим образом. Цитирую по книге томского исследователя В. И. Суздальского «Театр уж полон... Страницы Томского драматического»: «Вернулись из Кемерово часть актеров, уехавших в сорок первом: В. А. Афонина, В. А. Бескин, А. М. Затонский, Н. П. Козловский, Б. М. Молотов. А вскоре возвратился в качестве основного режиссера Владимир Владимирович Гарденин...»

Возрожденный Томский драмтеатр вновь стал носить имя А. В. Луначарского, которое ему было присвоено еще в 1923 году. В 1984 году Томский драматический театр отметил 125-летие. В связи с этим юбилеем, пишет в своей книге В. И. Суздальский: «Президиум Верховного Совета СССР наградил коллектив театра орденом Трудового Красного Знамени».

На мой взгляд, данное событие необходимо квалифицировать с юридической точки зрения как обычное бездействие, явившееся результатом случайного стечения обстоятельств в условиях военного времени. И если Федеральное агентство по культуре и кинематографии подтвердит выводы департамента культуры Кемеровской области об отсутствии необходимых решений республиканских инстанций по вопросу присвоения Кемеровскому драматическому театру имени А. В. Луначарского, тогда необходим нормативный документ, который подтвердит сложившуюся обстановку в части наименования театра, или будет предложено иное обоснованное решение.

Сергей СЕРГЕЕВ

РЕКВИЕМ ПО ИСЧЕЗНУВШИМ УЛИЦАМ

1

Довелось недавно быть участником печального события. На кладбище привезли домовину с телом усопшего. Были слезы, звучали речи. Последняя горсть земли. На холмик водружен памятник с фамилией, именем и отчеством, датами появления на свет и переселения души и тела в мир иной. Все. Закончилась история еще одного человека. Жителя планеты Земля.

А в голове назойливо завертелись другие мысли. Интересно, а уход в вечность какого-то населенного пункта или улицы в нашем городе как выглядит, с чем это можно сравнить? Не нашлось ничего подходящего. Зато родились строки этого сочинения.

Стать жителем города Кемерово мне довелось недавно. Переехал в него в 1986 году, до 1996 года и не интересовался особо краеведением. К чему мне, рядовому обывателю, знать, когда и что здесь было и чем оно было сменено. Есть для этого специальные люди – писатели, историки, учителя в школах, музейщики. Да мало ли мастеров слова на свете. Ан, нет. Прилетел топонимический интерес и ко мне. И оставить в покое уже не хочет.

Знакомство с архивными делами, газетными материалами в библиотечных хранилищах, иными публикациями по истории города Кемерово настолько захватило, что никакого времени оказа-

лось не жаль для общения со старожилами и открытия для себя иной картины нашего областного центра.

Бывало, читаешь Ивана Алексеевича Балиба-лова и подчас не совсем понимаешь, как это он при описании какого-то места в городе упоминает улицы, находящиеся совсем в другом месте. Ответ пришел не сразу. Для этого почти два года довелось знакомиться с таким понятием, как микро-понимия.

Зато сейчас без особого труда перевожу язык сообщений 30–40 годов на современный. К примеру, маршрут следования демонстрантов по городу Щегловску 7 ноября 1931 года сам собой ложится на карту-схему современного города Кемерово.

Нынче очень много сказано и написано благодарных слов в честь строителей областного центра. Да, Кемерово – это город, родившийся сначала в воображении архитекторов, а затем перенесенный зодчими и строителями на землю. Ведь до начала 30-х годов не было утвержденных генпланов застройки уездного города Щегловска, ставшего по случаю сначала окружным центром, а затем – областным.

Конкурсы-то на лучший проект проводились, этого не отнимешь, но вот правительственных решений по ним не принималось до 1950 года. Правительство страны справедливо отметило в пос-

тановлении по городу Кемерово, что при наличии гигантов экономики совершенно игнорировалась городская застройка.

Строительство малоэтажных строений охватывало большие территории, улицы и улочки пересекали кварталы жилых массивов (если так можно выразиться) и производственные зоны. Если у читателя этих строк появится желание посмотреть на «острова истории» в современной застройке города Кемерово – загляните на улицу Малую, пересекающую проспект Ленина. Это всего в двух кварталах от железнодорожного вокзала.

Для ориентировки интересующимся – на этой улочке расположено 3-этажное кирпичное здание Центра противопожарной пропаганды и общественных связей Главного управления МЧС России по Кемеровской области. Здесь знаменитая пожарно-спасательная выставка.

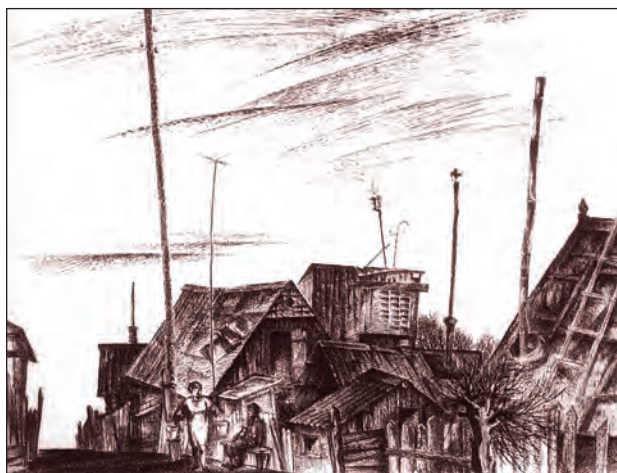
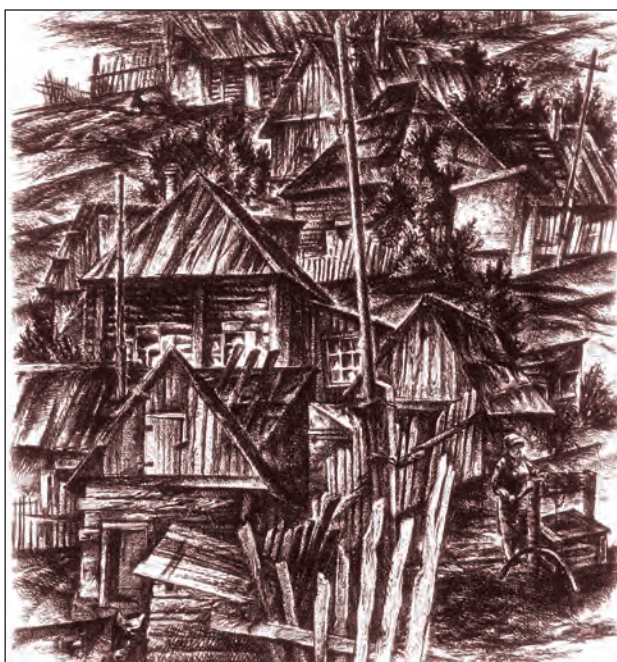
Вот такими улочками и были многие из кемеровских транспортных и пешеходных артерий. На их месте сейчас горделиво возвышаются современные многоэтажки, хрущевские 4–5-этажные дома или еще более ранние двухэтажные строения соцгородов.

Предлагаю войти в историю центральной части города. Ведь именно отсюда вместе со снесенными деревянными домами сносили и историю.

Редко кто из насельников в здании РОСТО, пассажиров автовокзала помнит и знает, что находится на забытой улице **Московской**. А покупатели и работники магазина «Меркурий» на привокзальной площади пусть знают, что здесь проходила улица **Новосибирская**.

Не каждый из посетителей архива по адресу: проспект Ленина, 3 догадывается, что на этом месте до 60-х годов была улица **Розы Люксембург**. Далее, по направлению к «Швейке» параллельно улице Розы Люксембург шла улица **Саперная**. Начало – от железнодорожной поликлиники по ул. Сибиряков-Гвардейцев.

Улица Малая с момента своего появления на плане города в 2005 году носила другое название –

● Рисунки Александра Ротовского

улица **2-я Октябрьская**. Были у нее сестры – целых четыре. Все с номерами. Первая Октябрьская превратилась в 1938 в улицу Сталина и ныне более известна как улица Ноградская. Вторая Октябрьская стала просто **Октябрьской**, Третья Октябрьская превратилась в улицу Совхозную и пополнила улицу Угловую. А 4-ю Октябрьскую улицу упразднили, включив ее дома в состав улиц Подгорной, Мостовой, Клары Цеткин и переулка Барачного.

Да и улица генерала армии Черняховского не специально под это имя строилась. Это было продолжение улицы 2-й Октябрьской (Октябрьской).

Но продолжим нашу прогулку от улицы Чкалова по проспекту Ленина в направлении швейной фабрики.

Пятиэтажный дом текстильного института (проспект Ленина, 25а) стоит как раз на нечетной стороне улицы **Магнитогорской** (если бы она сохранилась).

А вот ранее упомянутая улица Чкалова в соцгороде до 1949 года была **Безымянной**. К рассказу о ее наименовании есть небольшое дополнение.

От Дворца культуры Строителей в направлении проспекта Ленина проходит улица Володарского. Пересекает ее улица Жуковского. Так вот. До 1957 года эти улицы носили имена прославленных летчиков – коллег Валерия Чкалова генерал-лейтенанта авиации Александра Васильевича **Белякова** и генерал-полковника авиации Георгия Филипповича **Байдукова**. И нет за ними никакой вины, что полвека назад в пору хрущевских новаций переименовывались улицы с именами прославленных летчиков. Тогда, в 1957 году улице летчика Александра Ивановича **Покрышкина** в Кировском районе тоже переименовали в улицу Инициативную.

История после ухода Никиты Сергеевича с поста руководителя партии и страны повторилась. В 1963 году улицу имени **Хрущева** тоже переименовали в улицу Зейскую.

Проспект Ленина тоже не сразу стал так называться. В далеком уже 1938 году улицу в Соцгоро-

де называли **Магистральной**. 13 апреля 1961 года Кемеровский городской Совет переименовал Магистральную в улицу имени первого космонавта **Гагарина** Юрия Алексеевича, а 27 сентября 1967 года – в улицу Ленина.

Сносились целые улицы уже в 60-х годах прошлого века под хрущевские пятиэтажки. Вдоль проспекта Ленина (нечетная сторона) по направлению к цирку от улицы 50 лет Октября (тогда еще улица Омская) и далее до реки Искитимки были снесены по решению горсовета от 13 июля 1963 года 18 домов переулка Казанского, 17 домов улицы Коломенской, 32 дома улицы Батрацкой, 21 дом по улице Ильинской, несколько домов переулка Ильинского. Двести двадцать домостроений ушли в небытие вместе с названиями на уличных табличках. Так не стало в Кемерове улиц **Коломенской**, **Батрацкой**, **Ильинской**, переулка **Казанского**.

Здание цирка, собирающее на свои спектакли огромное число зрителей, построено на месте бывшей здесь улицы **Куйбышева** и переулка **Казанского**. Более полусотни маленьких домишек было снесено под это грандиозное сооружение. О них теперь редко кто вспоминает.

Чуть дальше по проспекту построено здание междугородной телефонной станции. Современная архитектура погребла под собой полдюжины улиц и домов. С карты города были стерты названия улиц **Челюскинцев**, **Некрасова**, **Шмидта**, **Горной**, **Свободы**.

Несколько поодаль, на другом берегу Искитимки, в 1964 году отвели участок земли под строительство плавательного бассейна и спортивной школы. Так вот, знайте, пловцы и спортсмены, что к своим спортивным успехам вы пришли по улице **Степана Разина**, **3-й Тисульской** и переулку **Буйских**.

Не осталось и намека на то, что здесь исторический центр поселения Щегловых. Кто-то из знатоков показал мне на подземные гаражи, построенные слева от входа в филармонию, и полупешотом сообщил, что именно здесь находился дом Щегловых. Не зная истины, сделал

вид, что поверил. Может быть, так оно и есть? Ведь улица Мичурина, берущая отсюда начало, до переименования в 1935 году называлась **Щегловской**.

Берег левый, берег правый... Кировский район тоже хранит тайны своей истории.

На месте построенного 3-го квартала – квартала «К» на картах и схемах (это там, где сейчас находится Кировский рынок по улице Аллейной), было много-много бараков. Они образовали улицы с такими именами: **Коммунистическая** – на этом месте сейчас дом № 9 по ул. Попова. **Торговая** – район дома № 7 по ул. Попова; **Волочаевская** – место крытого рынка; **Чапаева** – крытый рынок, торцевая сторона. Это место помнят любители пива той поры; **Партизанская** – сейчас здесь магазин «Губернский». Улица **Сучанская** – по соседству с Партизанской; **Карла Либкнехта** – два 2-этажных кирпичных дома на перекрестке Инициативная – Александрова; **Базарная** – на месте рынка (жилой 5-этажный дом на углу Инициативной-Аллейной). Улица **Садовая** – напротив магазина «Элис» на месте постройки 9-этажного углового дома.

Уютно расположился гараж «Аллюр» на месте бывшего Кировского горсада. Нет уже и улицы **Садовой**. По тропинке, где проходила улица, удобно идти в гаражи личного транспорта за «Аллюром». Когда-то в 30–60-х годах на территории этих гаражей располагались дома улиц **Хасанской**, **Комсомольской**, **Островской**. Представить названные улицы можно, если выйти на нынешнюю улицу Черемховскую. Упомянутые улицы проходили параллельно ей.

В месте пересечения нынешних улиц Смоленской и Аллейной в направлении транспортного цеха завода «Коммунар» по правой стороне располагались здания клуба «Заря» этого завода и пожарное депо. Сейчас на этом месте густые заросли кустарника и тополей. И гаражи личного автотранспорта. А вот 70 лет назад здесь стояли бараки улиц **Интернациональной**, **Чаплыгина**, **Чайковского**.

Вдоль берега Томи протянулась бывшая улица **Макарова** – продолжение улицы Назарова до стадиона «Кировец».

Возле телефонной станции свои названия из прошлого. **Рабочая** – квартал улицы Леонова во дворе дома, где расположено почтовое отделение № 33. Улица **Чулымская** – квартал улицы Леонова, по соседству с бывшей улицей Рабочей.

Сосед Кировского района – Рудничный. О нем свой рассказ.

Правый берег Томи нависает над городом своим Рудником. Славен район в первую очередь шахтерским трудом, своим музеем «Красная Горка» и незабываемым Стандартом. Ведь именно ему, стандартному поселку, созданному мыслью немецкого архитектора Эрнста Мая, суждено быть ныне центром Рудничного района, оттеснив на периметр и Копикуз, и АИК «Кузбасс».

Старожилы, которых становится все меньше, помнят поселок стандартных бараков по номерам строений. Улиц с названиями на Стандарте вначале и не было. Появились они в 40–50-х годах.

В 70-х годах прошлого столетия были снесены бараки и перепланированы застраиваемые территории. Для ныне живущих сообщаю, что были здесь улицы с такими названиями, как **Грузинская**, **Ташкентская**, **Салаирская**, **Стандартная**, были и другие, поменявшие названия.

На месте **Грузинской** стоят дома нечетной стороны проспекта Шахтеров с № 37 по 49, по **Ташкентской** выстроены дома с адресами четной стороны проспекта Шахтеров от нынешней улицы Терешковой до аллеи напротив Территориального управления Рудничного района. По бывшей **Салаирской** улице проходит линия домов проспекта Шахтеров с индексами. А вот улица Институтская практически стала наследницей улицы **Стандартной**.

Другая история: улица Гончарная, которая стала улицей одного дома. Прежняя улица Гончарная по оси своего ложа преобразована в **Горловское шоссе** (1949), ныне проспект Шахтеров. Дома снесли, а этот, № 4, остался.

2

История Кировского района города Кемерово складывалась по своим законам. В дремучую тайгу пришли люди с одним желанием – разбудить ее и не дать больше заснуть. Это продолжается, по официальным документам, более семидесяти лет. А если по неофициальным...

Прежде в этих краях правобережья Томи жили люди в своих незатейливых жилищах, промыслили охотой, рыбной ловлей, земледелием. Деревни Евсеева, Кемерова, Боровушка существовали около 300 лет. Плодородная земля и обильные леса давали все необходимое для жизни.

Продолжаться так до бесконечности не могло. Сибирь начали осваивать промышленники, угледобытчики. На правый берег Томи в 1907 году пришла первая организованная сила – акционерное общество «Копикуз». Для жителей деревни Кемеровой появилась возможность стать рабочими, нанявшись в горняцкие бригады.

А несколько позже, в 1917 году, сменилось и государственное устройство страны. Победившая в Гражданской войне советская власть по-новому обустроивала жизнь. В 1928 году, 12 ноября, Президиум ВЦИК постановил считать вошедшим в состав города Щегловска бывшее село Кемерово. Несколько позднее, 28 декабря 1928 года, Кузнецкий окружной исполнительный комитет (протокол № 105, § 17. О создании Кемеровского поссовета) постановил: Имея в виду, что Кемеровского поссовета до сих пор не было и имеется постановление ВЦИК о присоединении пос. Кемерово к территории города – согласиться с решением горсовета, – Кемеровский поссовет не организовывать (ГАО. Р-22, оп. 1, д. 181, л. 153).

Для окончательного решения административно-территориального вопроса Кузнецкий ОкрИК 20 января 1929 года выносит решение по Кемеровскому райисполкому и о присоединении деревни Кемерово к городу Щегловску: 1. В связи с отходом деревни Кемерово в черту города Щегловска постановление Президиума Кемеровского РИКа о ликвидации Кемеровского сельсовета с образова-

нием Красноярского сельсовета в составе деревни Красный Яр и выселка Солнечный и с отнесением деревни Евсеево, выселков Горького, Веселого и Чесноковского к Верхотомскому сельсовету и выселка «Новый» к Боровскому совету утвердить. 2. Просить Сибирский Краевой Исполнительный Комитет об утверждении настоящего постановления. Председатель Скрипкин, секретарь Дудин (ГАО. Р-22, оп. 1, д. 278, л. 98).

В декабре 1928 года Кемеровский райисполком принял решение о реорганизации, с которым согласился Сибкрайисполком в апреле 1929 года. По этому плану часть будущего Кировского района вошла в состав города Щегловска под названием «Химплощадка», а другая – деревни Евсеево и Боровушка – осталась в ведении сельской администрации.

Спокойной жизни у селян дальше никак не получилась. В 1930 году ленинградские геологи из Трансстроя после изыскательских работ предложили провести строительство железной дороги Щегловск – Барзас именно вблизи этих деревень. И вот, тишину и покой Евсеевой и Боровушки нарушили строители промплощадок, узкоколейных линий, временных предприятий.

По планам второй пятилетки согласно постановлению Западно-Сибирского крайисполкома принято решение 27 декабря 1932 года о кемеровском строительстве. Поскольку был выбран вариант двухбережного расположения в Кемерове промышленности, то предусматривалась возможность сообщения берегов: не позднее апреля 1933 года закончить сооружение железнодорожного моста через Томь. Сказано – сделано. Строители моста образовали свой рабочий квартал – поселок Сталь-мост.

Однако мост построили не совсем в срок. Только весной 1934 года по нему пошли составы с углем и лесом, а на берегах Томи появились посты красноармейцев, охранявших железнодорожный мост и не позволявших плавать под ним на лодках и пловцам. С каждой стороны – 300 метров запретной зоны. Время было такое.

Одновременно с промышленным строительством начинается сооружение поселка с названием «Строитель». Рабочим поселка нужно жилье, больницы, школы для их детей. В 1933 году построен первый фибролитовый барак, в котором открывается школа № 35. Возводятся здания бани, столовой, клуба «Заря».

После убийства Кирова в декабре 1934 года по стране проходит волна людского гнева и скорби. Пленум Кемеровского горсовета 5 декабря принимает решение присвоить поселку «Строитель» имя С. М. Кирова. В этом же 1934 году проводятся выборы в поселковый Совет. Избирается председатель исполкома Фабричник.

В следующем, 1935 году, 5 октября Западно-Сибирский крайисполком вводит деревни Евсеево и Боровушку в территорию Кировского райсовета, но ВЦИК это решение не утвердил.

Строительство комбината боеприпасов № 392 продолжалось ударными темпами. Порох нужен армии, завод, его производящий, должен работать. Возводятся производственные корпуса, здания цехов захватывают все большую площадь. Завод № 5 решительно и неотвратимо вторгается в пределы деревни Евсеевой, жители которой вместе со своими домами переселяются на станцию Правотомск, образуя новый поселок Правотомск.

К этому времени в районе созданы производства строительных материалов – кирпичный и фибролитовый заводы. Правобережный «Жилкомстрой» из собственных стройматериалов возвел три капитальных дома, 28 бараков. К этому следует добавить три школы, шесть столовых, три магазина, почтовое отделение, амбулаторию и врачебный стационар на 10 коек.

Большим и сложным хозяйством нужно повседневно управлять. Какой орган исполнительной власти является полномочным организатором жизнедеятельности в районе? Ответ на этот вопрос ВЦИК РСФСР дал только 24 июля 1936 года, присоединив к городу Кемерово 16 сельских Советов, в том числе и поселок Строитель.

Район застраивался долгое время без генерального плана и каких-то схем первоочередного строительства. Все внимание было отдано первенцу оборонной индустрии в Кемерове – комбинату 392, он же позднее – ПО «Прогресс». Несколько позже, уже в военные годы, – заводам «Коммунар», Анилино-красочному и «Строммашине». Как в предвоенной песне – первым делом – самолеты...

Следует, однако, признать, что какого-то признака хаоса на правом берегу в Кировском районе не было никогда. Окончательно были узаконены территориальные отношения с соседним Рудничным (бывшим Эйховским) районом 10 декабря 1940 года. В период с начала 30-х и до 1937 года райсовет принимал неоднократно решения об упорядочении застройки своей территории. В процесс вмешивались и старшие товарищи. Так, например, Наркомат коммунального хозяйства РСФСР приказом № 483 от 23 сентября 1937 года запретил дальнейшее жилищное строительство на территории деревни Кемерово и «нахаловки» Кемрудника, расположенных в зоне вредности. Жилая застройка упомянутого района должна была быть постепенно ликвидирована.

Первым шагом к порядку в застройке территории района было решение райсовета от 5 апреля 1937 года. Приведем полностью текст обсуждения вопроса на том заседании.

«СЛУШАЛИ: 1. О единой нумерации бараков и наименовании улиц и шоссе (докл. тов. Гордовер). ПОСТАНОВИЛИ: Учитывая неплановую заселенность жилплощади и территориально разбросанные участки жилых поселков в районе, Районный Совет считает необходимым переименовать улицы всех жилых поселков района и провести общую нумерацию.

1. Вновь строящийся капитальный поселок именовать в дальнейшем «Соцгородок».

2. Центральную площадь именовать «Площадь Ленина».

3. Улицу, идущую по берегу реки Томи в Соцгородке мимо 19 и 39 школы, именовать Пушкинской.

4. Шоссе, идущее от хлебокомбината мимо больницы, депо, завода № 4 до Лесозавода № 3, именовать Транспортное шоссе.

5. Улицу, идущую от хлебозавода мимо базара, пионерлагеря до Транспортного шоссе, именовать Пионерской улицей.

6. Улицу, идущую от Пионерской улицы вдоль сада, мимо магазина до барака № 15, именовать Садовой улицей.

7. Улицу, идущую от угольного склада Химстроя, мимо бани и школы № 35, клуба, 3-й ВПК до стадиона, именовать Советской улицей.

8. Улицу, идущую от базара до вет. амбулатории, именовать Базарной улицей.

9. Улицу, идущую от Пионерской улицы мимо бараков № 79–60 до Советской улицы, именовать улицей Островского.

10. Шоссе, идущее от «Верхотомского» мимо ТЭЦ до берега р. Томи, именовать Заводское шоссе.

11. Шоссе, идущее от стадиона до завода № 10, именовать Верхотомское шоссе.

12. Улицу, идущую от пекарни Кузбассторга, именовать Комсомольской улицей.

13. Улицу, идущую от бараков № 70 до Советской улицы, именовать Чернышевский переулок.

14. Улицу, идущую от Советской мимо Аптеки и милиции, именовать Коммунистической улицей.

15. Улицу, идущую от стадиона до ветамбулатории, именовать Интернациональной улицей.

16. Улицу, идущую от Советской мимо Гастронома, базара до Базарной улицы, именовать Торговый переулок.

17. Улицу, идущую от Садовой мимо барака № 36, 42 до Базарной улицы, именовать Партизанский переулок.

18. Улицу, идущую от Садовой мимо бараков № 46, 54 до Базарной улицы, именовать Чапаевский переулок.

19. Улицу, идущую от базара по направлению станции Правотомской мимо бараков завода № 4

и общежития школы ФЗУ, именовать Вокзальный переулок.

20. Бывший поселок Сталь-моста, бараки и дома Жилстроя именовать Набережной улицей.

21. Улицы, идущие по логу возле частных строений, именовать Логовой улицей.

22. В бывшей Нахаловке станции Правотомской присвоить следующие наименования улиц:

23. Первую с северной части поселка именовать улицей Щетинкина.

24. Вторую с северной части поселка именовать улицей Станционной.

25. Третью с северной части поселка именовать улицей Рабочей.

Председатель Кировского райсовета Вальтер, секретарь Шишкин (*ГАКО. Р-18, оп. 1, д. 812, л. 72, 73*).

Немного осталось в районе и городе живых современников, которые помнят те наименования и те улицы. За прошедшие годы многих улиц не стало, оставшиеся практически все переименованы.

Застройку Кировского района вела специализированная часть ОСМЧ-3 (Особая строительно-монтажная часть № 3, отсюда – и Третий Особый), а также правобережный Жилкомстрой, в просторечии – ЖКС. Подчинение Комбината 392 Наркомату боеприпасов СССР выводило его в разряд «неприкасаемых». Многие стройки велись по собственным замыслам, без увязки с планами городского строительства, на что следовали строгие окрики сверху, типа таких «...Указать комбинату 392 на недопустимость размещения жилстроительства без согласования Городского Совета...» Но, скорее, это была болезнь города, чем отдельного его района, пусть и очень секретного.

Архивные документы, в подтверждение этому, свидетельствуют: «Протокол № 78 Президиума Кемеровского городского Совета от 29 сентября 1938 года. Решение № 798 «О планировке города Кемерово» (докладывает архитектор Дмитриев – Московский Горстройпроект – автор проекта; инженер Морозов – Мосгорстройпроект, инженеры Довидович и Бордуков – представители НККХ

РСФСР, ОблКомХоз – Белогорцев, ОблПлан – Норсин). Постановление: Отметить ненормальное положение с проектно-планировочными работами по городу Кемерово: а) недопустимую длительность (около 10 лет) проектирования, в результате чего израсходовано около миллиона руб. и город до настоящего времени не имеет утвержденного проекта планировки...» (ГАКО, р-18, оп. 1, д. 872, л. 180). Тем временем район застраивался, а жилые поселки в районе складывались под названиями:

– **ЖКС** (район капитальной застройки – нынешний центр с площадью и Дворцом культуры на ней): Октябрьская площадь, улицы 40 лет Октября, Ушакова, Севастопольская, Потемкина, Назарова.

– **3-й участок** – нынешний квартал «К» завода «Коммунар» в пределах улиц Инициативной–Аллейной–Смоленской–Попова).

– **Правотомск** – район одноэтажного индивидуального строительства с земельными усадьбами: Станиславского, Донбасская, Артема, Декабристов, Карамзина, Барзасская, Седова, Байкальская, Верховомская, Восточная...

– **поселок Сталь-моста** (район индивидуальной застройки по берегу Томи вблизи железнодорожного моста на Барзас): Боготольская, Астраханская, Правды, Бурденко, Шишкина, Тельмана...

– **3-й Особый** – район смешанного строительства одноэтажных индивидуальных домов и двухэтажных каркасно-засыпных зданий.

– **деревня Кемерово** (рабочий поселок рудника), перешедший в административное подчинение Кировскому райисполкому после разграничения территорий с Рудничным районом: Прибрежная, Кемеровская, Циолковского, Акмолинская, Тяжинская, Бетховена.

Когда-нибудь присоединят к нашему городу еще какой-нибудь сельский пригород, в котором будут улицы с похожими названиями. Для облегчения жизни связистам, милиции и пожарным эти улицы еще не раз переименуют. И опять что-то потеряется. И опять другие мальчишки и девчонки, и их учителя тоже, будут вести поисковую работу, заново открывая истину.

В любой русской сказке есть намек, добрым молодцам урок. Такие намеки и полунамекы встречаются порой и на пути краеведа-поисковика. Чем запутаннее история, чем меньше информации о событии, тем сладостнее радость овладения тайной. Так случилось и со мной во время работы с микротопонимическими названиями.

Улица **Седова** в Кировском районе. Первоначальное имя улицы – **Станционная** (19.02.1937–03.04.1944), поскольку она расположена вблизи станции Правотомск. В беседах с жителями этой улицы, теми, кто постарше, услышал я сомнения в правильности толкования нынешнего ее названия. В самом деле, кто-то еще малым ребенком уже жил на улице имени Седова с конца 40-х годов. Коль есть сомнения, их надо разрешить. Поиски начались, и родились эти строки.

На улице поставлен памятный знак, на котором надпись с именем Седова Григория Александровича. Отмечено золотыми буквами, что Седов Г. А. – Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель. Первым поднял в воздух сверхзвуковой самолет-истребитель МиГ-19. Все так, но...

По версии автора этих строк, не о том Седове написано на граните. Речь должна идти о Седове Григории Яковлевиче. И это не летчик-испытатель, а военный моряк, русский исследователь Арктики, скончавшийся на острове Рудольфа 5 марта 1914 года при покорении Северного полюса. Решение о переименовании улицы Станционной в улицу Седова относится к 1940 году. Далее в списках улиц Кировского района неоднократно упоминается улица Седова.

Летчик Седов Г. А. заслуживает всяческих почестей за заслуги перед Родиной, но, к сожалению, он всего лишь однофамилец Седова Г. Я. Не могли члены Кемеровского горсовета в 1942 году, повторно после 1940 года переименовывая улицы, знать о будущем испытателе сверхзвуковых реактивных самолетов (с 1950 года), будущем Герое Советского Союза (с 1 мая 1957 года), будущем генерал-майоре авиации Седове Григории Александровиче, который в это время только окончил Военно-воздушную ака-

демию. (Герои Советского Союза. М.: Воениздат, 1988. Т. 2. С. 430). Историческая справедливость требует точности, а потому и на улице Станционной, носящей ныне имя Седова Григория Яковлевича, должна встать памятная доска с его именем.

Или еще. Но уже в Рудничном районе. Есть там улица **Вознесенского**. Автор вначале начал искать сведения о Вознесенских, чьим именем могла быть названа улица. Таких достойных персонажей оказалось несколько. Тогда, включив нюх охотничьей собаки, автор начал искать первоначальное упоминание названия улицы Вознесенского, поскольку исходного решения исполнительной власти в архивных документах не встретил.

Дорогу осилил идущий. В газете «Кузбасс» за 1954 год встречается название улицы в Рудничном районе **Иваново-Вознесенская**. Ну правильно, есть такой город в России, родина российских стачек, памятное место жизни М. В. Фрунзе. А вот дальше, в 1961 году, по технической небрежности исполнителя (версия автора) в написание вкралась опечатка. В решении № 33 исполкома Кемеровского областного Совета от 17 января 1961 года «Об образовании избирательных округов по выборам в Кемеровский областной Совет депутатов трудящихся», напечатанном в газете «Кузбасс» 19 января 1961 года, улица записана как **Ивана Вознесенского**. Дальше путаница развивалась по законам жанра, и при написании она с 1963 года стала именоваться просто улица **Вознесенского**, без имени Иван. Кто его знает, этого Ивана Вознесенского?

Думаю, что мудрые люди в представительной и исполнительной власти города не перевелись и примут соответствующее решение.

Улица с названием **Трубная** в нашем городе одна-одинешенька. Если вспомнить, что Советских, Логовых, Односторонних было по несколько, то с таким названием улица только одна. Начало ее берется еще со времен АИК. На берегу Томи стоял кирпичный сарай, который справно делал кирпичи для будней великих строек. Строек было много, кирпича требовалось еще больше. Строительство кирпичных сараев (мини-заводов по современным

меркам) шло вовсю. Сараев в Кемерово к 1930 году было шесть. Улицы, на которых они стояли, автоматически превращались в Кирпичные. Наша улица – не исключение. В далеком уже 1950 году в очередном решении горсовета о переименовании улиц-однофамилиц, нашу улицу решили назвать Трубной. В основе названия – местный признак – банная труба. Бани нет, трубу продали на металлолом, а название улицы сохранилось. Поклонитесь этой улице, сойдя на автобусной остановке «Суворова», если пойдете в музей-заповедник «Красная Горка». Это все слова одной песни. Песни о Кемруднике.

Вот и в Центральном районе есть свои названия с измененной транскрипцией. К примеру, проспект Октябрьский. Раньше он носил иное название – улица Бульварная. Но вот пришел 1979 год и решили улицу переименовать. С пафосом, цветами и музыкой. В областном центре по решению городского Совета 25 сентября 1979 года появился красавец-проспект с названием – **проспект Октябрьской Революции**. Для митингов название в самый раз, а вот в повседневной жизни трудновато с произношением названия. Слов больно много. Хочется как-то попроще, по-русски. И вот с 1984 года на проектировочных планах и схемах, да и в разговорной речи проспект стали называть просто Октябрьским. Самоназвание прижилось, связисты особенно не противились такому написанию на почтовой корреспонденции. И остался просто **проспект Октябрьский**.

К этому же времени относится и другая городская тайна. Некоторые, наверное, помнят вещевой рынок на проспекте Октябрьском. Рынок занимал немалую территорию. И носила эта территория название **площадь Маркса**. Решение об этом названии площади городской Совет принял в 1983 году, накануне перестройки, как будто готовился к приходу того самого «Капитала», который описал в своем труде бородатый классик Карл.

Название не попало на планы города, в алфавитные книги и иные справочники. Потому его и не помнят.

2007 год

- Улица Кирова – проспект Советский
- ул. Весенняя, 1957 год

Виктор АРНАУТОВ

Наставники

О первых годах библиотечного факультета Кемеровского института культуры

Арнаутков Виктор Степанович родился в 1951 году в селе Пудино Томской области. В 1969 году, первым набором, стал студентом библиотечного факультета Кемеровского института культуры. После его окончания и годичной службы в ВМФ почти четверть века преподавал в этом же институте библиотечно-информационные дисциплины.

Член Союза писателей России, автор шести книг прозы и одного сборника стихов, а также мемуаров «Профессия – Студент!»

Кого только не было у нас в учителях за четыре года?! Нетрудно произвести грубый приблизительный подсчет. В каждую сессию мы сдавали обычно по 4–5 экзаменов и по 6–8 зачетов, итого – примерно по десять предметов. В год, стало быть, около двадцати. Эти двадцать предметов вели порядка 15 преподавателей. Помножим это количество на четыре, получается 60. Округлим до пятидесяти. В общем, не менее полусотни набирается. А это – уже не малое количество! И каждый из педагогов – личность, специалист в своей профессии и учебной дисциплине!

Боюсь кого-либо упустить или забыть, а не упомянув, незаслуженно обидеть. В принципе, все они достойны уважения и всяческих благодарностей, несмотря на различный уровень педагогического мастерства, личные качества и слабости, объективность или субъективность оценки наших знаний, тактики поведения со студентами и коллегами. Не в этом дело. Дело в том, что они стремились отдавать, веря, что их предмет – едва ли не самый главный в профессиональной подготовке, грамотно и добротнo внося свою лепту

в то, чтобы за четыре года обучения «дурака» трансформировать в «квалифицированного специалиста».

Ещё до недавнего времени я помнил абсолютно всех преподавателей и кто из них что нам преподавал. Увы, память стала частенько подводить. Однако постараюсь кое-что повспоминать, напрягая её и цепляясь от узелка к узелку.

Начну, пожалуй, с наших воспитателей. А это – декан и кураторы. И если декан – должность вполне официальная и оплачиваемая, то куратор – до весок к обязательной полной учебной нагрузке, за который, кроме взбучек и порицаний со всех вышестоящих инстанций вуза преподаватель ничего не имел. И если декан назначался ректором, то куратор назначался уже деканом с согласия Совета факультета. В практику нашего факультета вошло назначать кураторами групп опытных преподавателей, ведущих спецдисциплины. Но это было позднее. А поначалу нам определяли кураторов по иным соображениям.

Самого первого куратора своей группы, к стыду своему, я не помню. Кажется, это была молодень-

кая преподавательница немецкого языка, которой до дел и учёбы группы было как до лампочки. Зато потом куратором нашей БФ-691 стала опять же преподаватель немецкого языка, не так давно пришедшая в институт из общеобразовательной школы, Эрна Давыдовна Антонова. Женщина премилая и добрая. Казалось, она рождена была для этого общественного поручения – опекать и организовывать группу на всевозможные благие дела.

Зная по собственному опыту (а я выпустил три группы, т. е. позднее был куратором аж 12 лет), каждый наставник обязан был иметь развёрнутый план работы на семестр и на год, утвержденный деканом или заместителем декана по воспитательной и учебной работе факультета. И за эту работу в конце учебного года, да и по ходу обучения, непременно нужно было отчитываться о проделанном. При этом едва ли не каждую неделю проходили кураторские часы, на которых подводились поимённо итоги учебы, пропусков занятий без уважительных причин, разбирались неблагоприятные поступки студентов, говорили о насущном и наболевшем, проводились политчасы и политаттестации. Да чего только не бывало на наших кураторских часах в эпоху формирования активной жизненной позиции советского гражданина и студента!

Так вот, куратор по тем временам – что курица-хохлатка, выведившая своих цыпущек на птичий двор. Такой и была наша Эрна Давыдовна, которую за глаза мы называли просто по имени – Эрной, старше нас всего-то лет на десять. Но нам тогда казалось это большой разницей.

До сих пор со смехом и смущением при встречах вспоминаем один курьёзный случай. На втором курсе, в нашей 202-й аудитории учебного корпуса мы отмечали новый 1971 год всем факультетом, уже и со вторым набором. Перед тем, как спуститься с пятого этажа, где мы уже жили, как в общаге, «приняли» для куражу граммов по двести вина. Расхрабрились, раскрепостились, прихамели. Заиграла музыка, и я пригласил Эрну на танго, бесцеремонно отбив её у партнёра – небольшого молоджавого мужчины. Танцуя, я допустил вторую бестактность, поинтересовавшись у неё:

– Эрна Давыдовна, а это кто с Вами? Ваш младший брат?

– Витя, неужели я выгляжу такой старой? – обиженно ответила она, смутившись. – Это – мой муж...

Самые тёплые отношения с Эрной Давыдовной сохранились у нас и до сих пор. К сожалению, я слишком поздно познакомился лично с её мужем – замечательным, общительным и остроумным человеком – Борисом Семёновичем Антоновым – талантливый журналист и неплохим писателем...

На последнем курсе Эрну Давыдовну на кураторском посту сменила совсем ещё юная выпускница филфака пединститута Людмила Алексеевна Ходанен, которая вела у нас античную и зарубежную литературу Раннего Средневековья. Конечно же, того доверительного отношения, как с Эрной, у нас с ней не сложилось – почти наша ровесница, а кое-кого и помоложе. А преподавателем она была от Бога, это чувствовалось уже с первых лекций. До сих пор помню её интонации и цитаты из Гомера, вроде этой:

«Встала из мрака молодая с перстами пурпурными Эос...»

Проводились у нас с новым куратором и кураторские часы, и культпоходы в кино и театры, и субботники с воскресниками...

Вторую группу (БФ-692) курировала сначала Раиса Павловна Украинчик – экспрессивный неугомонный человек, преподаватель физвоспитания, судья международной категории по велогонкам, организатор и руководитель всех картофельно-полевых работ на факультете, да и в институте тоже. Это не без её участия факультет выступал на разных соревнованиях, эстафетах и прочих спортивных мероприятиях города, области и вузов, завоёвывая кубки, грамоты и призовые места. Это с ней на Первое мая 1971 года, сразу же после демонстрации, выезжали на речном теплоходе по Томи в поход на Писанные скалы...

Как же она расстраивалась и переживала до слёз, когда у неё, на третьем курсе, отобрали группу и передали кураторство Борису Дмитриевичу Негрееву – преподавателю специальной дисципли-

лины. Конечно же, Борис Дмитриевич, при всех своих положительных качествах, значительно уступал в кураторстве Раисе Павловне или Эрне Давыдовне. Видимо, тут несколько причин. Одна из них – курировать мужчине женскую группу значительно дискомфортнее, чем женщине, ну, не был он рождён Антоном Макаренко. Второе – это невероятная природная лень нашего уважаемого Б. Д. К тому же, к третьему курсу мы и сами значительно меньше нуждались в кураторской опеке, чем в начале обучения в вузе.

Куратором третьей группы, по-моему, была Лидия Петровна Борцова, преподаватель французского языка, или, как её все называли неофициально между собой, – Франя.

Самым первым объединённым деканом, на первом году обучения, был Тимофей Николаевич Жаворонков – лет сорока пяти, грузный, с одутловатым красным лицом, белёсыми редкими волосами, зачесанными назад. Видимо, человеком он был мягким, добрым и не очень скандальным. По крайней мере, лично я у него бывал нечасто и разнос от него не получал, в отличие от того же Казанчика. Скажу одно, что за год его деканства неприятностей со всеми нами он хватил преизрядно, и убавили мы его жизнь не на одно лето. К тому же, обидели его – обидели незаслуженно. Как-то уж все разом забыли в суете и спешке пригласить его на выпускной вечер, а сам он без приглашения прийти на последнее наше узаконенное пиршество постеснялся. Да простится нам и эта забывчивость...

И тем не менее основным объектом студенческого юмора, песен, легенд, приколов и анекдотов стал всё же не Тимофей Николаевич, а Циркин Алексей Васильевич – первый дифференцированный декан библиотечного факультета – со второго курса и по самый выпуск. Это про него мы певали в шуточной песенке:

*Сам Циркин сказал, чтоб стипендию дать,
Да поздно уж – ноги остыли...*

Как декан, он стоял во главе всего учебного процесса на факультете. И не в пример тому же Тимофею Николаевичу или Рудольфу Сергееви-

чу стремился вникать в суть библиотечной профессии.

Как доцент, вёл он у нас «Историю СССР», по-моему, со времен Ивана Грозного (или «смутного времени») и до реформы 1861 года. Свой предмет он знал и любил, пожалуй, даже не меньше, чем археологию, изучение которой у нас в институте предусмотрено не было. Зато каждое лето организовывал на сезон-два археологические экспедиции, набирая студентов и некоторых отдыхающих преподавателей. Летом 1978 года в такой экспедиции (уже преподавателем) побывал и я – на раскопе поселения «Глинка», в районе Осинового Плёса, на Стрелке впадения Средней Терси в Томь. Там он раскрепощался и становился совершенно иным человеком, с которым можно было и пошутить, и потравить анекдоты, и поточить лясы о молодых женщинах, и даже выпить винца или спирта, который у него всегда имелся в заначке – для экстренных случаев.

Жаворонкова на посту декана сменил Николай Фёдорович Аксёнов – сухопарый, седовласый, стройный преподаватель политэкономии. Ветеран-фронтовик, он ушел на фронт почти пацаном (самым выбитым годом – 1924 года рождения) после Кемеровской аэрошколы. Так что воевать ему пришлось в основном в небе. Сбил девять вражеских самолётов, всего одного самолёта не хватило ему до Звезды Героя. Студенты его очень уважали и любили, едва ли не в глаза называя Батей. А это – многое значило. И ко многому обязывало. Стало быть, имел и он на то моральное право – «казнить и миловать», но по-отцовски. Уж кому-кому, а ему его «артисты» доставляли немало сюрпризов, куда больше, чем мы своему Циркину.

А педагог он был классный! Читал у нас на потоке политэкономии два семестра. Да так, что я едва ли не проникся к ней большим уважением и не подался в экономисты. «Капитал» Маркса штудировал я на совесть, не в пример сиюминутным работам В. И. Ленина – с удовольствием и увлеченностью. И знаменитая формула «товар – деньги – товар», как в простом, так и в расширенном воспроизводстве, у меня втемяшилась и по сей пору. Увы, только теоретически.

Способствовала усвоению теоретического материала и Валентина Фёдоровна Горданова – молоденькая выпускница педагогического института, распределившаяся к нам на преподавательскую работу вместе со своим мужем Валерием Петровичем.

Стоит тут сделать небольшую оговорку: материал по политэкономии капитализма усваивался и понимался мною, да и многими другими студентами, значительно лучше, чем социализма. Как-то уже на последнем курсе забрёл к нам в общежитие Николай Фёдорович Аксёнов, а посещать общагу в те времена было для педагогов едва ли не обязанностью. Я, уже женатый и считавший себя вполне взрослым, пригласил его к себе в комнату поужинать. Ну, приняли мы с ним по соточке, разговаривались про рыбалку. Я взял гитару, песенки стал петь. И, надо же, спел ему популярную в то время шуточную песенку, про то, как царь Николашка правил на Руси. А во втором или третьем куплете речь уже пошла про Сталина, где его тоже «маленечко того, и вот всю правду мы узнали про него...» Николай Фёдорович сделался серьёзным и даже обиделся.

– Ты, это самое... Плохая песня.

– Почему? – спросил я, прекратив пение.

– Ты, это самое... Я в атаку ходил – «За Родину, за Сталина!».

– Но ведь – репрессии, сплошные лагеря. Колхозники стали по сути крепостными крестьянами, – заикнулся я.

– Да, было и такое... Но в войну – без него бы не одолели такого врага. Не трогайте его...

Тогда же у нас зашел разговор и о политэкономии. И я высказал своё мнение, что вот, дескать, политэкономия капитализма я лучше понимал. И, как предмет, она мне больше нравилась, чем политэкономия социализма. Николай Фёдорович усмехнулся в свои усы и припечатал:

– Милый ты мой! Политэкономия капитализма кто исследовал и обобщал? – И тут же, не дожидаясь ответа, – Адам Смит, Риккардо, Карл Маркс! А это – имена! А в политэкономии социализма кто? – Иванов, Петров да Сидоров! Улавливаешь разницу?! В том-то и дело, это самое...

Пожалуй, эту главу следовало бы начать с ректора. Я за 27 лет пребывания в институте пережил пять ректоров. Есть с кем и с чем сравнивать. И все последующие ни в какое сравнение не шли с самым первым ректором – Николаем Павловичем Шурановым. К своей работе он относился самым серьёзным образом. Все первые этапы становления и развития вуза связаны с его именем. Николая Павловича всегда отличала высокая интеллигентность, практически во всём: в его поведении, общении с коллегами, студентами, умении находить контакты в обкоме, горкоме, министерстве. Двери его кабинета были всегда открыты и для преподавателей, и для техничек, и для всех студентов. Это при нём был построен главный корпус института, это при нём было сдано новое общежитие гостиничного типа – едва ли не самое первое в городе. Немалая заслуга принадлежит ему и в том, что он прекрасно понимал значение своих собственных педагогических кадров. И уже самые первые выпускники, обоями, по всем специальностям вуза, направлялись в Москву и Ленинград – на стажировки и в аспирантуру. Его всегда выгодно отличали тактичность со всеми и невероятная выдержка. Я за семь лет общения с ним как с ректором ни разу не видел его всплывшим и повысившим голос! Его отличная память на лица и фамилии уже с первого курса позволяла ему знать не только всех педагогов, включая и почасовиков-совместителей, но и всех без исключения студентов! И это – не хвalebная гипербола, а самая настоящая реальность. Частенько ему доводилось как ректору выступать на различных торжественных и официальных мероприятиях. И многие его эмоциональные и зажигательные речи завершались цитатой-напутствием из любимого им поэта – В. Маяковского:

*Светить всегда, светить везде,
до дней последних донца!*

Светить – и никаких гвоздей!

Вот – лозунг мой. И Солнца!

С преподавателями общественных дисциплин нам вообще везло.

До сих пор помню, какими чёткими были лекции по философии, которые читал преподаватель-совместитель из КузПИ Василий Степанович Брюхов (будущий ректор института после Н. П. Шуранова). В каждой лекции было неизменно по три вопроса. Изложение – как по полочкам, самых трудных и каверзных проблем. И третьим вопросом – непременно критика буржуазных теорий и течений в рамках данной темы. Конечно, изучать нам пришлось тогда только марксистско-ленинскую философию, и как говаривал поэт: «Мы диалектику учили не по Гегелю», – а в «транскрипции» Василия Степановича. Тогда вообще обращаться к первоисточникам (за исключением работ классиков марксизма) было не принято и даже чревато последствиями. С мировой историей философии мы были знакомы весьма и весьма поверхностно, опять же, чаще всего с точки зрения «третьего вопроса» нашего лектора. Усвоению теоретического материала немало способствовали и семинарские занятия, которые довольно грамотно и интересно вела Наталья Ильинична Хрусталёва. И за то им – низкий поклон! По крайней мере «диапат» нам был гораздо понятнее «истмата», примерно по тем же причинам, что и политэкономия различных формаций.

Что такое «Научный коммунизм» – я так и не понял даже тогда, не уловив четко объекта и предмета изучения, не говоря уж про специфические методы, коими препарирует любая наука. Вела его у нас преподаватель с декабристской фамилией – Лунина, кажется, Людмила Владимировна. Мои хитроумные семинарские «дополнения» позволили сдать по этому предмету экзамен автоматически.

Исторические дисциплины мы проходили едва ли не в университетском объёме, пусть и в несколько сокращённых вариантах.

Позднее Средневековье и Новое время мы слушали в интерпретации Валентина Гавриловича Павленко («Генриха Второго Плантагенета») – замечательного, увлечённого, по-хохляцки «гэкающего» и окаяющего, прекрасно знающего свой предмет педагога – впоследствии декана исторического факультета КГУ. С ним у меня сложились

взаимосимпатии ещё на вступительных экзаменах и при зачислении в институт. Это он разрешил мне на экзамене по «Новой истории» взять другой билет и при этом поставил оценку «Отлично».

«Новейшую историю» вела Марина Александровна Кудрявцева – жена, кажется, какого-то дипломатического работника. Уж каким ветром занесло её к нам в Кемерово? Женщина уже немолодая, седоватая, с ослабленным слухом, но деликатная и тактичная, несомненно, много знающая и повидавшая, прекрасно разбиравшаяся в современной геополитической обстановке. Это с её слов до сих пор в голове моей сидят и правят всякие правители, типа Кваме Нкрума, Модибу Кейта, Секу Туре, Сиримава Бандаранайке, Голды Мейер, Джавахарлал Неру, Жискара Д'Эстен, Сукарно, Сухарто, Субандрио... (Боже, откуда это и для чего хранится в памяти?)

Владимир Васильевич Стрик – царство ему небесное – кажется, всю жизнь комплексовал из-за своего физического недостатка – горба; умница, эрудит, умевший порой высказать и отстоять свою точку зрения на историю и современность, отличавшуюся от официальной версии. Я уже упоминал его любовь к историографу Василию Осиповичу Ключевскому. Благодаря Стрику, и мы, студенты, почитывали исторические очерки этого автора. Увлекался и боготворил Владимир Васильевич и ещё одного исторического корифея – Евгения Викторовича Тарле. Его, порой монотонные, лекции вдруг прерывались цитатами – коленцами самозабвенно токующего глухаря, и тогда он выглядел поистине красивым и могучим!

С изучением литературы нам повезло не менее, чем с историей.

Я уже упоминал Людмилу Алексеевну Ходанен – из молодых да ранних! Её лекциями можно было и впрямь заслушиваться, а после них – бежать в библиотеку, взять книгу и читать, читать, читать... Кстати, сейчас она – профессор, завкафедрой КГУ, доктор филологических наук.

Ярчайшей фигурой для всех нас, студентов БФ, был профессор всё из того же пединститута Василий Михайлович Потявин – уже пожилой

толстячок на коротеньких ножках и с пухлыми небольшими ручками, в толстых очках. Читал он нам «Фольклор» и «Древнерусскую литературу» аж в течение двух семестров. Мог наизусть целыми страницами цитировать из древнерусских шедевров изящной словесности. И уже ему мы на коллоквиумах и экзаменах, как стихотворения, выдавали наизусть:

«Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы...»

Это благодаря ему мы читали тексты былин, сказок, сказаний, апокрифов, жития святых. Это он оригинально, на старорусский манер, произносил имена и фамилии: Пётра Первый, Михайла Ломоносов, Гаврила Державин, Карла Маркса... Это он лицедействовал на своих лекциях, как артист со сцены. Объясняя нам, что такое энклитики и проклитики, он, приподнявшись на носочки, разведя ручки в стороны, красивым приятным баритоном выводил на всю аудиторию:

Ой, да ты, кали-и-и-ну-у-шка-а-а-а,

Ой да, раз-мали-и-и-ну-у-шка-а-а...

«Введение в литературоведение» читал строгий на вид и в своих действиях доцент педагогического Анатолий Михайлович Микешин, – излагая теорию и тут же подтверждая всё на конкретных литературных примерах и именах.

А Пудалова Любовь Антоновна?! Со своим «золотым русским веком»! Но в душе-то и в диссертации с монографиями – здесь, на нашей грешной Кузнецкой земле, с её прославленным сыном-современником Василием Дмитриевичем Фёдоровым из Марьевки.

А Рыленков Анатолий Николаевич? Знаток и ценитель творчества Соколова-Микитова, сын русского поэта Николая Рыленкова (помните: «Ходит по полю девчонка – та, в чьи косы я влюблён!»). Мог часами рассказывать о личных знакомствах с Александром Трифоновичем Твардовским или Леонидом Максимовичем Леоновым – благодаря папе, конечно. А леоновский «Русский лес» со знаменитым символом малой Родины России – родничком? По-моему,

в печёнках не только у одного меня. Или Никита Моргунок из поэмы Твардовского «За далью даль»: «Посеял бубочку одну, и та – твоя!» Да разве только одна такая «бубочка» навеки втемяшилась в наши головы?!

Ляхова Валентина Васильевна, пока ещё Вахрушева. Ей достались «Современная литература народов СССР» и «Детская литература». Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер, Нодар Думбадзе, Олжас Сулейменов, Давид Кугультинов, Алим Кешоков, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Василь Быков, Андрей Макаёнок, Мустай Карим, Эдуардас Межилайтис, Юхан Смуул, Якуб Колас, Мариэтта Шагинян... Боже, целая Плеяда ярчайших и самобытнейших поэтов и прозаиков – наших современников – из братских народов и республик, тогда ещё, казалось, незыблемого и нерушимого Советского Союза!

«Серебряный век» русской литературы достался на долю Валерия Анисимова – нашего комсомольского вожака, которому преизрядно намылили холку за недогляд в связи с нашей стихийной демонстрацией. А тут уже пахивало не символизмами, акмеизмами, имажинизмами или футуристическим «Облаком в штанах» любимого им раннего Маяковского, а вполне реальной «Анафемой» или даже «Семью повешенными» Леонида Андреева.

Казаков Леонид Иванович – Лёня – холёный, розовощёкий, весь в мохере и «фирме», только что вернувшийся из заграницы, не то Алжира, не то Марокко или Туниса; владеющий едва ли не в совершенстве французским и итальянским языками. Ему ли не вести было «Зарубежную литературу» с эпохи Возрождения и чуть ли не до современных Джеймса Олдриджа, Эрнеста Хемингуэя, Грэма Грина и Джерома Сэлинджера? А Золя, Мопассан, Бальзак? И ведь всё-то пытался: «Этого читал, а этого, а того?» А когда читать такую прорву, если только у Голсуорси в «Саге о Форсайтах» – несколько томов, а Золя, с его «Ругон-Маккарами», и вовсе несколько десятков! Это вам не какую-нибудь одну «Жерминаль» или «Нана» прочесть. Помимо них – читать хоть

и в самом деле интересно – совсем тягомотина каких-нибудь Филдинга или Лоренса Стерна... А куда деваться? И ведь глотали, как Шарик – комочки «педигри»: тексты, тексты, тексты... Не разжевывая и не смакуя. Для себя я устанавливал норму – 80 страниц в час. Какой уж там кайф, какое уж тут любование стилем и художественными особенностями? Фабулу бы уловить, имена не перепутать на экзамене.

А вот это как раз и требовала от нас эстетствующая Инна Семёновна Тимошенко: «Художественные особенности творчества И. С. Тургенева», «Художественные особенности стиля Н. В. Гоголя»... Да не просто так, общими фразами, – на конкретных примерах. И, глядя на всех нас, – брезгливая, презрительная, кривая ухмылка, дескать, куда уж вам, лопухам-невеждам, вчера ещё лаптем щи хлебавшим? Разве что Грачёв! Ну, ещё две-три студентки, вроде Тани Ерёминой, Зины Григорьевой или Галки Емельяновой. Ну, и мы, презренные невежды, платили ей той же монетой.

Оригиналом, как и во многом другом, в методике преподавания был проректор Юрий Васильевич Изюмский, в задачи которого входило посвящение нас в азы педагогики. Сам предмет, правда, носил направленность на общеобразовательные школы, хотя должен бы быть ориентирован на самостоятельные творческие коллективы или на педагогические аспекты работы с различными категориями читателей. Видимо, всё это пришло позднее, хотя диссертация нашего уважаемого «Песталоцци» была по закрытой теме, а точнее – педагогическим приёмам перевоспитания в пенитенциарных системах.

Особая роль в формировании нас как специалистов принадлежала преподавателям специальных дисциплин. Так, Стас Андреевич Сбитнев был своеобразным многостаночником. Я уже и не упомяну, чего он нам только не давал и не вёл. Похоже, если его личный опыт и знания не вписывались в рамки отдельной дисциплины, определяемой учебной программой, то он специально придумывал для их передачи нам какой-нибудь спецсеминар или курс по выбору. Это были: и

«Введение в специальность», и «Основы информатики», и «Технические средства в библиотечно-библиографической работе», и всевозможные курсовые, и даже впервые введенные в практику выпускной квалификационной аттестации среди библиотечных факультетов страны – дипломные работы. Не было, пожалуй, семестра, в котором бы мы не встречались на занятиях со Стасом, или Шефом, как мы его называли.

Как-то уже на третьем или на последнем курсе занимались мы с ним проблемами качества индексирования документов, человек, должно быть, около тридцати – из различных групп. Занятия проходили увлеченно, с реальными документами различных видов и типов. Раскрывали их содержание (индексировали) мы различными информационно-поисковыми языками. Потом сравнивались результаты. И делались тут же выводы – по факторам, влияющим на качественные стороны раскрытия содержания и поисковые возможности ИПЯ. Сама методика, как я уже выяснил позднее, не была оригинальной, а заимствовалась из «Кренфилдских проектов» или у ленинградцев во главе с А. В. Соколовым. Так вот, пришла весть о том, что ИПС «Квантор», в число разработчиков которой входил и Стас, получила на ВДНХ СССР золотые медали! Мы поздравили его с лауреатством, а он к концу занятия отрядил меня с кем-то ещё в магазин «Колос» за шампанским. Отметим все участники спецсеминара – «по пять грамм», прямо в учебной аудитории.

Как и Сбитнев, большинство наших доморощенных педагогов по спецпредметам были практиками, пришедшими в институт из библиотек или органов информации.

Так, примерно в одно и то же время со Стасом появилась у нас и Валентина Алексеевна Сасс – обучавшая языкам классификации, систематизации и ведению систематического каталога.

Галина Ивановна Бадаева – директор институтской библиотеки – пыталась втемяшить нам в голову до автоматизма правила описания различных видов и типов книг и прочей книжно-журнальной продукции.

Лариса Алексеевна Лазарева учила алфавитному и систематическому каталогам.

Инженеры из Кемеровского ЦНТИ – Егоров (имя-отчество забыл) и Станислав Евгеньевич Семёнкин посвящали нас в тонкости механизации и автоматизации информационно-библиотечных процессов.

Наталья Петровна Захарчук преподавала «Библиографию художественной литературы», учила на конкретных примерах раскрытию содержания книги посредством аннотации. Да так, чтобы читателю, ознакомившись с нею, непременно захотелось почитать эту книгу. Помнится, на практическое занятие я принёс ей аннотацию на понравившуюся мне книгу начинающего сибирского писателя Валентина Распутина «Деньги для Марии». Аннотацию мою она изрядно пощипала и раскритиковала. Что ж, на ошибках учатся.

Страшно смущавшаяся, и от того по первости косноязычная, милейшая Галина Николаевна Бурцева читала курс «Общей библиографии», который летом дополнил и расширил уже упоминавшийся мною москвич В. А. Николаев.

Уж чему нас пытался научить гастролёр из Минска с шахматной фамилией Ботвинник и якобинским именем Марат – никак не могу вспомнить, но был и такой.

Замечательно знавшая своё дело и владевшая методикой преподавания Антонина Александровна Линник, помимо «Истории книги», вела ещё и «Историю библиотечного дела» – и тоже увлеченно и зажигательно.

Пожалуй, опытным педагогом из большой когорты спецпредметников была ещё и приглашенная на постоянную работу из Хабаровского института культуры Нина Иосифовна Кудинова, со своей «Библиографией ОПЛ» – женщина темпераментная, экспрессивная, самоуверенная. Уж какая кошка пробежала между ней и Стасом – остаётся догадываться, только сделались они по отношению друг к другу нетерпимыми, до явного демонстративного поведения. Бог им судья. Если бы из-за этого не пострадал наш друг Витя Эрлих – самый добросовестный и дотошный в учёбе. Это

ему на основании лишь того, что дипломной работой руководил не Стас, а Кудинова, на защите по библиотековедению вкатили «неуд»! Случай уникальнейший за всю почти тридцатипятилетнюю историю защиты дипломных работ! Мы-то все так не считали, а вот Стасу удалось убедить председателя ГЭК Н. С. Карташова в том, что работа слабая и касается только библиографического аспекта, что в ней отсутствуют библиотековедческие проблемы...

Довольно примечательными и запоминающимися были одно-двухнедельные «гастролёры» из Москвы, Ленинграда или Минска – наших ведущих вузов страны. О двух из них – Николаеве и Ботвиннике я уже упоминал.

Не знаю, что там мог выдать нам по «Истории культурно-просветительной работы» (да и надо ли это нам было?) доцент из Москвы Миндлен, только на всю жизнь врезалась в память его фраза: «Как я вам теперь пропою, так вы мне на экзаменах и прокукарекаете!» Просто афоризм! Уж что там мы ему кукарекали – не помню, но к этому нашему кудахтанью он отнёсся весьма лояльно, никого не заваливая.

Так же, как и у предыдущего, не вспомню имя-отчество, приезжал к нам как-то Дранков – из Ленинграда. (С ним мне приходилось сталкиваться в закутках и лабиринтах коридоров ЛГИКа уже будучи стажером и аспирантом.) Его гастрольный курс у нас обозначался как «Психология чтения и восприятия» или что-то в этом роде. Опять же, не упомяну, что он нам вещал по этому поводу. Зато как вещал! Это был настоящий лицедей – сухощавый, гривастый, нос горбинкой, на пружинящих ногах – почему-то он у меня ассоциируется с Мефистофелем. Он так входил в образ литературного персонажа, так мгновенно преображался, что мы все, замирая, сидели как на хорошем спектакле столичного театра!

...Возможно, кого-то из наших наставников-педагогов я и упустил из вида или подзабыл. К кому-то я ещё вернусь в следующих главах. Все они разные. Всё это так. И тем не менее – всем им низкий поклон от нас, первачей!

Н. М. ШЕМАРОВ,
заслуженный художник России

СЛОВО О ДРУГЕ,

*или Георгий Николаевич Баранов — создатель памятника
первооткрывателю кузнецкого угля Михайле Волкову*

Летом 1942 года встретились мы с Георгием Николаевичем Барановым в стареньком деревянном клубе Коксохимзавода на Новой Колонии. Шла Великая Отечественная война. Урал и Кузбасс были главной кузницей оружия для фронта.

Еще в 1928 году, побывав на Коксохимзаводе, нарком А. В. Луначарский сказал, что Кузбасс станет «железно-пламенным сердцем всей индустрии Сибири». Нарком не ошибся. Эти дни настали. Тяжелые дни Отечественной войны. Кемеровский коксохимзавод стал главным поставщиком кокса для металлургии, чтобы плавить броневую сталь для танков, орудий и снарядов.

Коксохимзаводу нужна была наглядная агитация и пропаганда опыта передовиков производства. Мы писали лозунги, плакаты, молнии о самоотверженном труде коксохимиков. Опыта работы ни у Георгия Николаевича, ни тем более у меня не было. Учиться не у кого, профессиональных художников в городе не было. Постигали все сами постепенно. Красок не было. Разводили сухие пигменты на клеевом растворе. Перьев плакатных не было. Писали деревянными палочками, тушью. Тушь была самодельная. Сами делали кисти из щетины.

Георгий Николаевич родился в 1917 году в селе Березове, что на трассе Кемерово–

Новокузнецк. На десять лет старше меня, был образованный, начитанный молодой человек. Учился в Алма-Атинском пединституте, преподавал в школе. Это имело для меня огромное значение. Под его влиянием я стал запоем читать серьезную литературу – Горького, Бальзака, Чехова, Маяковского, Пушкина, Куприна. Очень признателен ему за годы общения.

На сцене, где мы писали лозунги, вечерами крутили кино, давали концерты. Заводскую самодеятельность тепло принимали зрители. Были певцы, танцоры, драмкружок. Я читал «Стихи о Советском паспорте» В. Маяковского, «Песню о Соколе» М. Горького. В то время это было востребовано... «О, смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью»... Эти слова были эхом кровопролитным боям под Москвой и Сталинградом. Приезжали прекрасные артисты и выступали в клубе: Кадочников, Борисов, Меркурьев, Толубеев, Атманаки, баянист Маланин. Всем показывали основные цеха завода. Привезли на завод И. С. Козловского. С одной стороны выдают раскаленный кокс, чуть дальше бензольный цех, смолоразгонный, дышать нечем. И. С. Козловский поспешил к выходу. Певец берег свой драгоценный голос. У него было что беречь.

На этой же сцене клуба вручали заводу Знамя Государственного комитета обороны СССР на вечное хранение. Начальник коксового цеха Диденко, молодой, красивый, преклонив колени, поцеловал край бархатного знамени. Рядом почетный караул. В зале передовики производства. Было необыкновенно торжественно! Незабываемо.

Вечерами, после работы, мы с Георгием Николаевичем шли за город пешком. Дышали сосновым бором, любовались краси-

цей Томью. Писали этюды природы. Мечтали о большом искусстве.

На заводе была белая глина. Коксовики этой глиной мазали лица, чтобы не обгорали при выдаче раскаленного кокса. Из этой глины Георгий Николаевич впервые вылепил маленькую головку своей матери. Получилась добрая, приветливая старушка. Затем вылепил отца, работавшего на заводе рабочим. Уже большим размером вылепил коксовика в широкополой войлочной шляпе. В маленькой избенке, где повернуться негде, у маленького оконца при помощи ножичка, самодельной лопаточкой-стеком он продолжал работать над образами тружеников.

Я был первым зрителем его скульптурных начинаний. Меня удивляло и радовало портретное сходство. Ощущался быстрый рост Георгия Николаевича.

«...С самых первых шагов в творчестве Баранова определились основные эстетические принципы художника – верность натуре, строгая реалистичность художественной формы. Стремление к постижению психологии. Он много работает как портретист. Он ищет в лице, развороте плеч, постановке головы движение, выражающее духовную сущность, глубину характера, внутреннюю сосредоточенность...» – так писала В. Откидач в книге «Художники Кузбасса».

Георгий Николаевич все время мечтал сделать что-то значительное и постоянно говорил мне об этом.

В конце войны появилась первая мысль о Михайле Волкове. В 1948 году на Академической даче им. Репина он показывает эскиз первооткрывателя кузнечных углей.

Поддержанный опытными мастерами, лепит небольшую фигуру рудознатца.

На академической даче делает бюст профессора академии художеств Бернштейна. Начинает выставляться. Работает с упоением, без усталости.

В 1950 году на Пятой областной художественной выставке художников Кузбасса Георгий Николаевич выставляет одиннадцать скульптурных работ. Для скульптора это значительно. Бюст металлурга Казарновского, бюст заслуженного деятеля искусств РСФСР В. Н. Орлова – художника нашего театра, бюст художника Л. В. Петашука, бюст Героя Советского Союза Василия Лыкова. И другие работы.

В 1951 году Г. Баранов вместе с А. Кирчановым и Ю. Лобузовым участвует в республиканской выставке в Москве. Имена этих художников занесены в почетную летопись Кузбасса. В 1952 году на областной художественной выставке представляет «Белинского В. Г.», бюст «первооткрывателя угля в Кузбассе Волкова», «Пасечника».

В 1956 году на выставке произведений художников Сибири и Дальнего Востока в Иркутске Баранов выставляет фигуру в 70 сантиметров первооткрывателя каменного угля в Кузбассе и «Портрет рабочего».

Все это время созрел образ большого памятника для города Кемерово. В 1957 году Г. Н. Баранов был принят в члены Союза художников СССР. В этом же году было организовано Кемеровское отделение Союза художников вместе с художниками Новокузнецка. Приехали выпускники художественного института из Ленинграда. Складывался сильный коллектив профессиональных художников Кузбасса.

Крепло мастерство скульптора Баранова. Он приступает к работе над большим монументом. Мастерской для большого памятника не было. Рядом с химкомбинатом в старой брошенной кочегарке Баранов начинает лепить четырехметровую фигуру Михайлы Волкова.

Глина быстро сохнет. Надо каждый день поливать водой, укрывать мокрой холстиной. Отхода для необходимого обзора не

было. Несмотря на трудности, без финансирования Баранов продолжает работать над фигурой.

В 1959 году Георгий Николаевич заканчивает скульптуру и приносит в дар городу Кемерово. Форматоры отливают, переводят в металл. В этом же году на площади перед политехническим институтом установлен памятник Волкову.

«...Рудознатец изображен в рост, держит в руках камень, обнаруженный им на Горелой горе».

«...Памятник решен без патетики, тактично, сдержанно. Найдены масштабные соотношения между фигурой и постаментом, общим размером памятника и площади...»

«...Историческая правда образа соединена с идейно-смысловым содержанием монумента.

Удачно выбрано место расположения памятника...» – так писала В. Откидач в книге «Художники Кузбасса».

Много творческих, духовных и физических сил потребовалось в работе над монументом, Баранов продолжает участвовать в выставках. Выставляется фигура «Пробуждающаяся Африка», «Гидромониторщик», «Портрет проходчика», рельеф «Горный рабочий», «Голова шахтера», «Непокоренная» и другие работы.

Георгий Николаевич щедро дарил свои скульптуры: Санжиев увез свой бюст на свою родину в Калмыкию и боготворил скульптора. Портрет художника А. Петашука Баранов перевел в мрамор и подарил художнику. Подарил бюст художника В. Н. Орлова.

На склоне лет, когда его спросили, что он считает главным в творчестве, он сказал: «Воплощать в искусстве образы значительные, крупные. Я счастлив, что мне довелось осуществить мечту своей юности – работать над памятником первооткрывателю кузбасского угля Михайле Волкову».

Из альбома художника

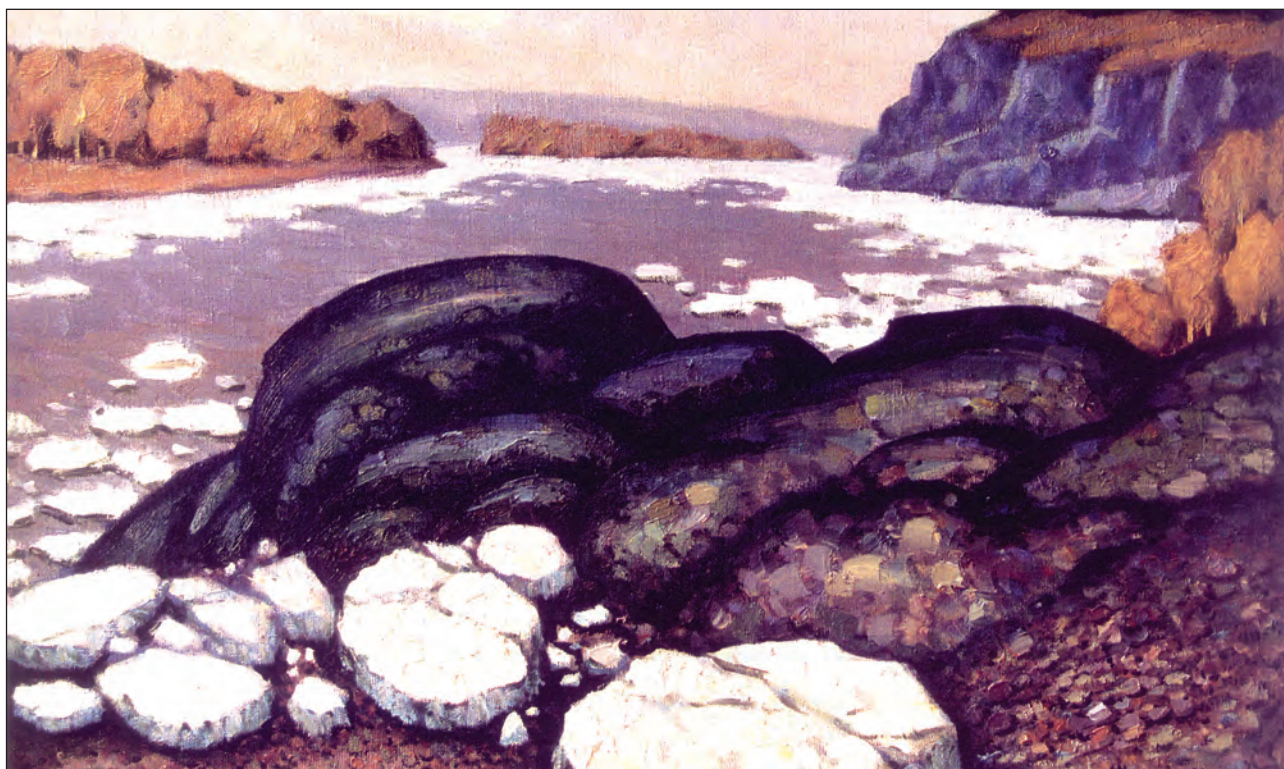
Свою статью «Слово о друге» – Николай Шемаров передал нам незадолго до своей кончины, которая последовала весной 2008 года, вскоре после персональной выставки, посвященной 80-летию художника.

Николай был нежным другом и автором альманаха «Красная Горка». Здесь он опубликовал статьи о Святославе Рерихе и Николае Бачинине. Музею-заповеднику он подарил триптих «На Томи», где запечатлены Горелая гора и старая пристань.

Представляем вашему вниманию несколько работ художника из его недавнего альбома.

- Черемуха
- Осень в Кузбассе

- Ледоход у Писаных скал
- Осень на Томи

Геннадий ЮРОВ

КАК ПЕСНЯ РОЖДАЛАСЬ

1

Вначале о том, как я не стал поэтом-песенником.

Жил в Кемерове хороший музыкант Георгий Григоренко. Он был единственным в Кузбассе членом Союза композиторов. Мы звали его Григом. У Грига были белокурые волосы, падающие на лоб, добродушный нрав, тяга к товариществу. Как многие талантливые люди, был он беспомощен в житейских вопросах, не смог за много лет добиться квартиры, где его композиторский рояль не тревожил бы соседей. После бесплодных хождений по инстанциям уехал в Новосибирск. Оставил нам серьезную инструментальную музыку и несколько песен на стихи Буравлева, Махалова, Небогатова.

Ему понравилось мое стихотворение «Весенняя улица», и он подобрал к нему мелодию. Песня была отмечена на каком-то областном конкурсе. Впрочем, кемеровчане знают несколько песен о Весенней улице разных композиторов и разных поэтов. В нашей с Григом песне были такие строфы (куплеты):

Куда идешь ты, улица Весенняя?!

Шаги твои воздушны и легки.

Качельное, шальное, карусельное

Движение к реке и от реки.

Твои маршруты мне близки и любы.

С собой побольше спутников зови.

Здесь молодые солнечные губы

Пронесят объяснение в любви.

Здесь тополя исполнены значенья.

Им дай сигнал – и мигом зацветут.

Здесь детские коляски по теченью,

Как синие кораблики, плывут.

Тополя, как известно, на главных улицах областного центра повырубили, заменив их «элит-

ными» породами деревьев. Так что же, менять строфу? Нет, я делать этого не стану. Просто мое стихотворение, и песня тоже, принадлежат своему времени – началу шестидесятых годов.

Позднее о нашей с Григом песне вспомнили музыканты областной филармонии. Одолевали меня телефонными звонками:

– Приходите к нам, у нас есть готовые мелодии. Нужны тексты, стихи. Предлагаем сотворчество. Вместе получится – прозвучим на всю страну.

Я отвечал, что мне это поприще незнакомо. И вообще, медведь на ухо наступил.

Композиторы продолжали звонить, и однажды я сдался:

– Ладно, сейчас приду.

Филармония тогда располагалась во Дворце труда – памятнике Кемеровской архитектуры, построенном в 1927 году. (Сейчас там училище работников культуры.) В назначенное время, изрядно волнуясь, я вошел в парадные двери и очутился в просторном фойе первого этажа. На втором этаже гремел оркестр, шла репетиция. Я хотел подняться, но уборщица преградила мне путь ведром с грязной водой, из которого свисала мокрая тряпка:

– Посторонние сюда не ходят. Вот вечером придешь – билет купишь. А сейчас никого пускать не велено.

Я пытался что-то объяснить, но тетя Маша и слушать не захотела:

– Давай, выметайся отсюда!

Она оттеснила меня к «черному ходу», распахнула двери, за которые меня и выставила. Следом выплеснула воду из ведра.

Я очутился во дворе здания. Постоял ошеломленный. Потом пожал плечами и побрел домой.

Больше композиторы мне не звонили. Должно быть, обиделись.

2

Теперь о том, как я не поджигал Кемеровского цирка.

Пожар на перекрестке Советского проспекта и улицы Кирова начался 2 марта 1971 года в 10 часов утра. В нем сгорело старое деревянное овальное здание Кемеровского цирка, построенное еще в начале тридцатых. Оно отслужило свой век, артисты давно покинули арену. Тогдашняя газетная реклама вещала: «Кемеровский цирк продается на слом». Но никто не захотел купить и разобрать (хотя бы на дрова) деревянное строение в центре города. Председатель горисполкома Евгений Алексеевич Залесов предупреждал столицу об угрозе грандиозного пожара в Кемерове. Предупреждал неоднократно. Однажды цирк загорелся:

*...И, как от вздоха исполина,
Над площадями,
Над домами,
Над потускневшей долиной
Багровое восстало пламя,
Перегибаясь телом длинным.
.....
Бушует пламя стоязыко,
Гудит предсмертно
И спасенно.
Свои торжественные блики
Бросает в город потрясенный.
Переступив границу риска,
Созвал нас цирк
На представленье.
Была, должно быть,
Божья искра
Причиною воспламененья.*

Поэма «Последнее представление Кемеровского цирка» родилась в конце семидесятых. Летописец города Иван Алексеевич Балибалов выделял ее среди всего, мною написанного. Не скрою, что он присутствует в поэме...

Иван Алексеевич узнавал себя. И предавался воспоминаниям. Старый деревянный цирк был для него миром, неведомым обитателям галерки – моему поколению послевоенных мальчишек. В част-

ности, цирковой буфет был доступен (и от редакции недалеко) старой гвардии кузбасской журналистики и словесности. Сюда наведывались Александр Волошин, Геннадий Молостнов, Владимир Измайлов, Александр Ивачев, Николай Зеленин, Валентин Калачинский...

Кемеровский цирк был дорог великому русскому артисту Юрию Никулину. Здесь он начинал свою цирковую карьеру, ассистируя Карандашу, знаменитому клоуну послевоенных лет. В одной из своих книг вспоминает о Кемерове тепло и сердечно. Присутствие Юрия Никулина в моей поэме естественно и закономерно. С него поэма и начинается.

*Отдать, отпылать – и не страшно
Исчезнуть.
Вершите свой суд.
Пусть дворники пепел вчерашний
В багровые кучи сметут.
Не верьте в назначенность часа,
Когда истощатся дотла
В душе золотые запасы
Любви, доброты и тепла.
И там, где скрестились дороги
Торжеств, потрясений и бед,
Замрите,
Постойте немного
У цирка, которого нет.
Признательным вспомните словом
Обитель восторгов и слез,
Откуда седеющий клоун
Обрывок афиши унес.*

Когда поэма была напечатана в сборнике «Песня о городе» (это произошло в 1978 году), один экземпляр книги попал в столицу – Юрию Никулину. Он прислал в Кемеровское книжное издательство растроганное письмо, сообщив, что «читали всей семьей во время обеда».

Иван Алексеевич Балибалов вдруг заподозрил, что я сам поджег ветхий Кемеровский цирк, исключительно для того, чтобы написать поэму. Свое подозрение он обосновал моими же строфами:

*Что я подспудно понимал
И прятал,
Пламя обнажало.
Спасибо вещему пожару
За то, что я ему внимал.
Что я касался ваших плеч,
Вам руки жал,
Во взглядах грелся...
И если б цирк не загорелся,
То я б хотел его зажечь.*

Версия Балибалова, высказанная, как я понимаю, в порядке шутки, была тем не менее подхвачена. Капитан пожарной охраны Александр Кириллович Василенко вовсе не шутил, когда грозил ему убедительным, ибо был он человеком творческим, автором многих телепередач и газетных публикаций о пожарной опасности (или безопасности?). Если эти публикации собрать воедино, получится своеобразная летопись чрезвычайных происшествий, связанных с огнем.

Четверть века спустя (срок давности!) встретился мне полковник в отставке Василенко на рынке. Я ему говорю:

– Александр Кириллович, клянусь, я не поджигал.

– Так я тебе и поверил, – смеется полковник. – Мотив был, репутация была, доказательств не было.

В 1988 году в Кемеровском книжном издательстве вышла книга о кузбасских пожарных. Называется «Огонь на себя». Подготовил сборник Александр Кириллович Василенко. Когда я убедился, что в этой книге нет ни слова о сгоревшем Кемеровском цирке, я очень возмущился и, встретив полковника в очередной раз на рынке, устроил ему склоку:

– Как же ты мог? Это же был самый замечательный пожар в истории города!

– Но этот пожар не был бедствием, – оправдывался Василенко, – он не принес городу никакого ущерба. Даже наоборот...

Что ж, это верно. Именно так я и воспринял пожар в своей поэме:

*Когда заговорила память –
Не погасите это пламя.
Оно, всходя на пьедестал,
Нам дарит опыта кристалл.
Не вопль отчаянья
«Спасите!»,
Не огненной стихии страх,
А тихое «Не погасите» –
В моих доверчивых губах.*

Освободившуюся площадь заасфальтировали буквально за два-три дня, как будто готовились заранее. А какие замечательные цветы здесь потом продавали. Да и теперь продают.

Вначале для цветов были установлены деревянные торговые ряды через всю площадь. В это время в верхах – административных и градостроительных – думали над тем, что именно следует построить на месте сгоревшего цирка (не придумали до сих пор). Новый цирк вырос за Искитимкой на прекрасной строительной береговой площадке, приподнявшей купол над городом. А здесь, на перекрестке Советского проспекта и улицы Кирова, пылали астры и гладиолусы, сибирские розы и тюльпаны. Диковинные цветы из солнечных республик Союза тоже продавали здесь. Торговые ряды были зовуще нарядны и праздничны. Последнее представление Кемеровского цирка продолжалось.

Потом был сооружен просторный павильон, чтобы укрыть цветы от летних дождей и зимних морозов. В павильоне продавцов, как правило, было больше, чем покупателей... Но однажды, майским днем 1977 года, цветочный павильон был закуплен весь и в одночасье. И связано это с рождением «Рабочей мелодии Кузбасса» и с женщинами Кемеровского книжного издательства, которым эти цветы были подарены. Но обо всем по порядку.

3

В семидесятых годах руководители культуры были озабочены песней о Кузбассе. В этом отношении Кузбасс проигрывал другим регионам. Звучали тогда мелодии «Давно не бывал я в Донбассе», «Песня о Свердловске», «К северу от Том-

ска широкие просторы» и другие. У нашего края своей песни не было.

Заместителем председателя облисполкома, в чьем ведении находилась культура, в том числе и песенное творчество, был тогда Георгий Васильевич Корницкий, человек горячий и предприимчивый. Раз песня не рождается сама, надо ее инициировать, решил он. И обратился к поэтам-кемеровчанам с просьбой, чтобы каждый написал свой вариант. Несколько человек откликнулось. Тексты были добротные, профессиональные, и Корницкий повез их в Москву показать столичным композиторам. Среди них была моя «Рабочая мелодия Кузбасса». Но в столице она никого не вдохновила.

Другим человеком, с именем которого связано рождение песни, был Виталий Васильевич Банников – директор Кемеровского книжного издательства.

Родной брат известного московского писателя, критика и литературоведа Николая Банникова – составителя и редактора эпохальной книги «Три века русской поэзии», Виталий Васильевич преломлял веяния духовной жизни столицы на нашу провинциальную почву, полагая, что кузбасские писатели имеют неоспоримое преимущество – глубинное знание жизни. Он и сам был незаурядным публицистом, имел неординарный взгляд на события, которым был свидетелем и которые тщательно фиксировал в своих записных книжках. Замышляя и осуществляя такие коллективные книги, как «Были земли Кузнецкой», «Кузбасс – фронту», «Вашим, товарищ, именем», «Свидание с природой», «Звезды Запсиба», «Шахтеры», Виталий Банников брал на себя их летописную историческую канву.

Он хорошо знал и любил литературную братию и умел вовлечь нужных ему людей в свои замыслы, которые поначалу казались авантюрными. Вот как это происходило.

Виталий Васильевич приглашает меня в кабинет и вкрадчиво спрашивает:

– Чем занят? Над чем трудишься?

Я настораживаюсь, сразу понимая, что директор ищет исполнителя какой-то новой своей идеи. Готовый к сопротивлению, перечисляю уже име-

ющиеся заботы с такой плотностью, чтобы между ними не оставалось места для новых. Директор слушает лишь из вежливости. Затем перебивает:

– Вот, уже и название есть – «Рабочие плечи Кузбасса». Книга о рабочем классе. Очерки, стихи, повести, документы, свидетельства, воспоминания, фотографии... Все писатели, все журналисты, лучшее из написанного, под одной обложкой... Чувствуешь?

– Чувствую, – говорю.

Меня действительно увлекла перспектива собрать вместе доменщиков Геннадия Емельянова с горняками Владимира Кузнецова, знаменитые стихи Владимира Маяковского о Кузнецкстрое с рабочими стихами Евгения Буравлева, «Эрниту» Теодора Драйзера, где повествуется о членах АИК «Кузбасс», и «Землю Кузнецкую» Александра Волошина, заставить снова «работать» яркую и умную публицистику Петра Ворошилова, Владимира Мазаева, Олега Павловского, Юрия Котлярова, дать слово академику Ивану Петровичу Бардину и комсомольскому руководителю Анатолию Садовикову, а также представителям ведущих профессий нашего индустриального края.

Эта книга вышла в 1977 году, и в ней впервые зазвучала «Рабочая мелодия Кузбасса» – строфы моего стихотворения, ритмически организующего иллюстративный материал издания.

Я и сейчас часто перелистываю этот красочно оформленный том. Какие прекрасные стихи посвятили мои товарищи рабочему человеку! «Возьми, Запсиб, меня в ученики» Игоря Киселева, «Домна Запсибовна» Валентина Махалова, «Машинист Иван Петрович» Виктора Баянова, строки из фронтовой тетради Михаила Небогатова... Созданы поэтические портреты Кемерова, Новокузнецка, Междуреченска, Мариинска, Березовского...

При Виталии Васильевиче Банникове Кемеровское книжное издательство стало одним из лучших региональных издательств страны. Оно давало нам уверенность в завтрашнем дне.

На многих книгах издательства читатели видят эмблему – в ладонях кусочек угля, излучающий свет. Свет в ладонях – и люди тянутся к этому све-

ту. Для меня это символ духовного поля провинции и нашего товарищеского круга. Мне довелось писать об этом в поэме.

*Вступили мы в товарищеский круг,
Античными поэтами воспетый.
У стариков-наставников из рук
Мы приняли огонь как эстафету.
Огонь товарищества...
Встанем перед ним,
Пусть мало нас и голоса негромки.
Но если мы его не сохраним,
То нашу память проклянут потомки.*

4

Рождение «Рабочей мелодии Кузбасса» связано с творческим поиском артистов областного драматического театра. Заслуженная артистка России Галина Николаевна Кузнецова организовала своеобразную студию чтецов-декламаторов. Это был «театр в театре», исполнительское творчество с совершенно самостоятельным репертуаром, обращенным к мировой и отечественной поэзии.

Галина Николаевна в детстве жила на Красной Горке, дружила с моей старшей сестрой Мартой. Ее родители Николай Петрович и Мария Захаровна были учителями, работали вместе с моей матерью Ксенией Трофимовной. Может быть, поэтому, став известной актрисой, Галина Николаевна внимательно следила за моими стихами, и когда задумала программу о городе Кемерове, обратилась именно ко мне. Я передал ей верстку поэтического сборника «Песня о городе», который готовился в Кемеровском книжном издательстве.

Началась работа над композицией. Меня приглашали на репетиции. Ими руководил режиссер Борис Соловьев. Участвовали Виктор Мирошников, Лидия Цуканова, Лилия Семенова... Особенно мне нравился Леонид Титов, читавший главы о Мартемьянове – абсолютном чемпионе мира по высшему пилотажу, навсегда оставшемся в небе и памяти Кузбасса.

*Когда он взмыл над Томью круто
С зенитом самым по соседству,
Спросило небо:*

*– Ты откуда?
И он ответил:
– Я из детства.*

Мы рассуждали с режиссером Борисом Соловьевым, что не надо читать все стихи композиции громко и пафосно, что многие из них требуют раздумья, соучастия, сотворчества, душевной интонации. Опирались на такие строфы:

*Друзья мои, не в первый раз
Я будто ковш пустил по кругу,
Пусть он объединит всех нас
С рекою, лесом и друг с другом.
Кто опытней,
Кто бит и гнут,
Знал больше счастья и страданий,
Пусть мною созданный сосуд
Своим наполнит содержанием.*

Артисты спросили меня, не напишу ли я специальную песню для композиции? Я передал им «Рабочую мелодию Кузбасса». А они показали мой текст Евгению Михайловичу Лугову, главному дирижеру и руководителю оркестра Театра оперетты.

Галина Николаевна Кузнецова рассказывала мне потом: музыкант буквально впился в стихи глазами. Начал волноваться. Невпопад отвечал на вопросы. Потом внезапно поднялся и, не попрощавшись, помчался домой – к инструменту.

В начале 1977 года был не то пленум, не то партийно-хозяйственный актив, где, помимо других важных для области вопросов, рассматривался очередной список лауреатов Премии Кузбасса. Список, куда вошли шахтеры, металлурги, строители, передовики сельского хозяйства, был утвержден и передан в газету для публикации.

После пленума состоялся концерт, на котором впервые прозвучала «Рабочая мелодия Кузбасса». Музыка Лугова, стихи Юрова, солист Борис Мазун, впоследствии народный артист России. Он тогда работал в Кемеровской филармонии. Пел также хор театра оперетты. Песня понравилась. Участники пленума решили дополнить список лауреатов Премии Кузбасса тремя фамилиями со-

здателей песни. Первый случай, когда этого звания были удостоены работники культуры.

Утром следующего дня меня разбудил младший сын Ярослав с номером газеты «Кузбасс» в руках:

– Папа, поздравляю, ты лауреат.

Я отыскал свою фамилию на первой полосе и очень удивился. Песни я не слышал. И даже не знал, что Лугов так быстро сочинил музыку. Для меня премьера «Рабочей мелодии Кузбасса» состоялась в ресторане «Солнечный» – полмесяца спустя.

Вот как это было. Когда несколько десятков лауреатов Премии Кузбасса собрались в Кемерове, с нами вначале побеседовал председатель облсовпрофа Борис Иванович Окушко. Он просил не обижаться на скромный размер премии – 200 рублей. Главное не деньги, сказал председатель, а почет и уважение. Мне-то, не избалованному высокими заработками, сумма показалась внушительной. (Я ее воспринял как вознаграждение за свой труд, что-то вроде гонорара.) Один из новокузнецан успокоил Окушку:

– Ничего, на обратную дорогу хватит.

Все засмеялись. Вообще народ в этот раз подобрался веселый, ироничный, воспринимающий случившееся как приключение. В ресторан мы попали после того, как нас поздравил секретарь обкома КПСС Филипп Васильевич Попов, вручивший каждому удостоверение, медаль, конверт. Время банкета было ограничено полутора часами.

После нескольких традиционных тостов застолье оживилось, загомонило и возжаждало какого-нибудь зрелищного или песенного действия. Вспомнили про «Рабочую мелодию Кузбасса». Кто слышал? Из присутствующих никто. Надо услышать. Исполнитель здесь? Здесь. Пусть поет. Борис Мазун пробовал объяснить, что для этого требуется хоровое сопровождение и оркестр. Ему сказали:

– Пой так. Мы пойдем.

И Мазун запел. Его густой баритон заполнил зал. Официантки так и застыли с подносами.

*Вы видите? Горят огни в ночи –
На землю небо звездное упало.*

*Вы слышите? Мелодия звучит –
Поет земля восточнее Урала.
Где города по берегам реки
Тепла и света создают запасы,
Ее добыли в шахте горняки –
Рабочую мелодию Кузбасса.*

*Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден.
Земля открыла людям свой талант,
И свой талант земле открыли люди.*

Ко мне подошел горняк. На пиджаке иконостас орденов и медалей. Рукопожатие мужское, крепкое:

– Ты написал?

– Я.

– Приезжай к нам в Прокопьевск, мы тебя в почетные шахтеры примем.

Я воздерживался от спиртного (по стечению обстоятельств). Прокопчанин это дело строго осудил, выплеснул из моего фужера минеральную воду, налил «Столичной». Мы чокнулись. Между тем артист пел:

*От пламени не прячем мы лица,
Когда металл рождается в горниле.
Натруженные руки кузнеца
Мелодию надежно закалили.*

*Она в пролетах заводских гремит,
И поезда несут ее по трассам.
Об отчем доме с нами говорит
Рабочая мелодия Кузбасса.*

Новокузнецанин, слышавший наш разговор с шахтером, тоже захотел выпить со мной:

– Приезжай к нам на Запсиб, мы тебя в почетные металлурги примем.

*Когда в предгорьях выпадет роса,
Когда восходит солнце над долиной,
Таежный шум и птичьи голоса
В той музыке могучей различимы.*

*Распахнут мир дыханию весны,
И ждет любовь назначенного часа.
Вплетается в напев родной страны
Рабочая мелодия Кузбасса.*

*Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден.
Земля открыла людям свой талант,
И свой талант земле открыли люди.*

Пока Мазун это пел, я стал почетным железнодорожником, почетным строителем, почетным колхозником и ощутил себя способным на подвиги.

Из ресторана вышли все вместе, расставаться явно не хотелось.

– Куда теперь? – спросили меня лауреаты.

– Вот здесь на площади, – говорю, – где цирк сгорел (и не я его поджег), цветы продают. Так я хочу купить цветов и подарить их прекрасным женщинам Кемеровского книжного издательства.

– Поэт, мы с тобой!

За мной увязалось человек пятнадцать-двадцать. Купили цветов – много. Заглянули также в гастроном, набрали вина. На третий этаж «Дома печати» поднимались шумно, как девятый вал штормовой стихии. Вы бы посмотрели на наших издательских женщин, когда к ним в гости явилось два десятка великолепных представителей ведущих кузбасских профессий. Лауреаты были широкоплечи и мужественны, великодушны и остроумны, при галстуках и «свежевымытых сорочках», при орденах и медалях... Цвет нации, можно сказать.

В библиотеке издательства (она же «красный уголок») состоялся светский прием, была мобилизована вся посуда из всех отделов. Обменивались впечатлениями и комплиментами. Говорили о политике и о любви. Читали стихи, рассказывали анекдоты. Спели вместе несколько песен... Потом пришло сообщение, что подали специальный автобус, идущий на юг, гости пообещали, что непременно придут еще. Враз исчезли. Можно было бы подумать, что приснились, если бы не букеты подаренных ими цветов.

Женщины издательства и сейчас помнят замечательный визит лауреатов Премии Кузбасса 1977 года. Лет десять спустя всемогущий Банников, перед уходом на пенсию, взял да и к празднику 8 Марта оформил всех своих сотрудниц на звание

«Ветеран труда». В качестве подарка. Своим трудом женщины, конечно, этого заслужили. Однако подарок директора был воспринят неоднозначно. Иное женское самолюбие сопротивлялось понятию «ветеран». Лишь с наступлением перестроечных лет (смутного времени) все поняли, как Виталий Васильевич был дальновиден, заботлив, внимателен. Недаром его за глаза (да и в глаза) звали Батей.

5

«Рабочая мелодия Кузбасса» звучала потом на многих концертах, которые давались филармонией и Театром оперетты, на праздничных демонстрациях, различных манифестациях, во время Дней культуры Кузбасса в Иркутске, Томске, Москве. Ее слышали в Будапеште и венгерском городе Ноград, нашем побратиме. Фирма «Мелодия» выпустила пластинку «Рабочая мелодия Кузбасса». Так назывался сборник кузбасских поэтов, оформленный как подарочная миниатюра. Один из всесоюзных праздников «Песня года» в начале восьмидесятых состоялся в Кемерове. Он продолжался два дня, открывался и закрывался «Рабочей мелодией Кузбасса» (меня не позвали).

После расстрела Белого дома в Москве в 1993 году (я был среди его защитников), в период, когда губернатором в Кузбассе президент Ельцин назначил Кислюка Михаила Борисовича, «Рабочая мелодия Кузбасса» не исполнялась. Напомню, что тогда же стали опальными всенародные праздники 1 Мая и 7 Ноября. Митинги ветеранов и кемеровчан, не принявших гибельный для России курс новой власти, переместились с площади Советов на площадь Пушкина и проходили в милицейском оцеплении. В день 50-летия Великой Победы, 9 мая 1995 года, Красное знамя взметнулось над куполом нового цирка. Здание тут же оцепили автоматчики, специальный наряд милиции знамя снял...

На эти черные годы пришлось пятидесятилетие Театра оперетты Кузбасса. Его директор Владимир Юдельсон пригласил меня на юбилейный концерт.

Концерт был замечательный. Со всей России съехались примадонны, чье артистическое становление проходило здесь, в Кемерове. Из Москвы прибыла Наталья Грюнберг-Цагина, когда-то блиставшая на кемеровской сцене и долгое время бывшая женой Евгения Михайловича Лугова – дирижера и композитора. Народный артист России Александр Константинович Бобров потрянул стариной и блестяще выступил на сцене. Показали свое мастерство молодые артисты. А сколько знакомых взволнованных лиц я увидел в переполненном зале!

Директор Юдельсон объявил «фирменную» песню театрального коллектива – «Рабочую мелодию Кузбасса». Представил меня как автора. На сцену вышли все артисты театра и все гости юбилея.

Когда прозвучали слова: «Ее добыли в шахте горняки, рабочую мелодию Кузбасса», весь зал, как по команде, поднялся. Я видел слезы на глазах своих соседей. Полагаю, ностальгические. Ибо песня вернулась из того времени, когда мы могли гордиться своей державой.

*Распахнут мир дыханию весны,
И ждет любовь назначенного часа.
Влетается в напев родной страны
Рабочая мелодия Кузбасса.*

*Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден...*

Мне думалось о том, что из трех песенных лауреатов я один присутствую на торжестве. Состояние души было созвучно стихам, написанным ранее:

*Что даровано от бога?
Только родина да мать,
Только память да тревога,
Только жажда даровать.

Только странствий зыбкий климат
Да утраты за спиной...
Но однажды люди примут
Сотворенное тобой.

Звук и отзвук различая,
Божьим даром назовут*

*После долгих лет отчаянья
Счастья несколько минут.*

Времена опять изменились. Кислюка нет в Кузбассе. Кемеровчане вернулись на площадь Советов к памятнику Ленину. Снова стали отмечать Первомай и 7 Ноября, стараясь наполнить новым содержанием характер этих праздников. Красное знамя восстановлено в своих правах и официально стало символом Вооруженных сил Российского государства. «Рабочая мелодия Кузбасса» вновь стала звучать то в День шахтера, то в день очередного юбилея области. Правда, не так часто, как раньше.

В конце 2000 года власти решили, что нужен гимн Кузбасса, объявили конкурс. Мне звонили хорошие люди, спрашивали, не приму ли я участие в конкурсе, не напишу ли новый текст. «Рабочая мелодия Кузбасса» очень сложна, по их мнению, в исполнении. Нужен хор, нужен оркестр, нужна профессиональная подготовка исполнителей. А гимн должен быть простым и доступным народу. Я же вспоминаю, как Борис Мазун пел без хора и без оркестра в ресторане «Солнечный», пробую в памяти воспроизвести мелодию и у меня получается.

Дорогие мои! Я не буду участвовать в создании нового гимна области. «Рабочая мелодия Кузбасса» никогда меня не предавала. И я никогда ее не предаю, как, впрочем, не отрекусь ни от одной строки, мною написанной.

* * *

Итак, «Рабочая мелодия Кузбасса» зазвучала в 1977 году. Очерк «Рабочая мелодия Кузбасса» написан мною в декабре 2000 года. С декабря 2002 года «Рабочая мелодия Кузбасса» официально стала гимном Кемеровской области. Думаю, что произошло это благодаря музыке, сочиненной Евгением Луговым. Согласитесь, это красивая мелодия! Я рад, что мои слова вызвали эту музыку к жизни и сопутствовали ей три десятилетия. Очевидно и то, что нравственные ценности, в них обозначенные, востребованы сегодня, став ориентирами развития общества.

Федор ЯГУНОВ

КОЛБА НА ОРБИТЕ

На заре полётов человека в космическое пространство среди регионов нашей, тогда еще не общипанной страны существовало неформальное право на особую гордость, если среди смельчаков, посылаемых в космос, оказывался земляк. В этом отношении маленькому Кузбассу повезло более других. В первых двух десятках людей, побывавших за пределами Земли, оказались аж два уроженца наших мест: Алексей Леонов из Кемерово и Борис Воынов из Прокопьевска. Кемеровчанам по всем статьям ближе был Алексей Архипович. Да ведь и в отряде космонавтов, куда отбирались люди высшей пробы, он слыл человеком незаурядным. Именно ему выпала почётная, но и труднейшая роль – первому из землян выйти в открытый космос.

Друзья-космонавты считали, что Алексею Леонову вообще незнакомо чувство страха. Общительный, обаятельный, к тому же еще и художник, первым написавший с натуры космические пейзажи, он пользуется особой любовью кузбассовцев. На бульваре улицы Весенней стоит его, как дважды Героя Советского Союза, бронзовый бюст. Не удивительно, что всякий приезд на родину дорожного земляка становится здесь настоящим праздником. А тот, кому довелось встретиться и слушать его рассказы о космических полётах, считает себя лично причастным к важнейшему событию XX века.

Каждому лестно из первых уст узнать, как выглядит из космоса его, космонавта

Леонова, и наша малая родина – Кузбасс. Порой при общении с космонавтом узнаешь что-то такое, чего не читал в газетах. Узнаешь, например, что при их изысканной, как ты считал, небесной пище, они мечтают порой о краюхе простого ржаного хлеба. «Да они такие же, как мы», – подумаешь ты и полюбишь их еще больше, будешь с восхищением рассказывать о них своим детям и внукам.

Мы все наслышаны о тубах-тюбиках, из которых в состоянии невесомости вынуждены питаться космонавты. Еда, заключенная в них, имеет обычный вкус, она достаточно калорийна. И всё же человек на орбите испытывает известный дискомфорт, ему хочется привычной земной пищи.

...Середина 80-х годов. На встрече с земляками Алексей Архипович рассказал такой случай.

На орбите в продолжительном полёте находилась очередная смена экипажа корабля «Союз». К ним снаряжался грузовой челнок «Прогресс». Кроме жизненно необходимого – кислорода, горючего, продуктов питания, в грузовике отводится место для личной почты – писем, посылок, рисунков детей. И вот, когда всё это было загружено, Алексей Леонов, дежуривший в ЦУПе, во время очередного сеанса связи спросил, что бы они хотели получить сверх штатного списка? Может, есть какие-то особые пожелания?

– Есть, – ответили с орбиты. – Помнишь, Алексей, ты привозил из Сибири и угощал

нас какой-то травкой?.. Она еще по вкусу напоминает чеснок...

– Колба! – догадался Леонов.

– Вот, вот! Ты так её, кажется, называл...

...По весне в наших местах на таёжных полянах обильно вырастает сочная душистая трава с острым вкусом. Что-то на подобие дикого лука. В других местах её называют черемшой. У нас же она зовётся колбой. В деревнях еще огороды не копают. На городских скверах только-только зазеленеют газоны. А на базарчиках уже сидят бабы и мужики с мешками и сумками, набитыми колбой, увязанной в пучки. Пучки поначалу тощие, маленькие, дорогие. Однако раскупаются они быстро. После долгой зимы люди нуждаются в свежей зелени, в витаминах, а в колбе этих витаминов – немерено...

Алексей Архипович тут же позвонил первому секретарю Кемеровского обкома партии. Он понимал, как стосковались ребята на орбите по свежей витаминной пище, и надеялся уговорить ответственных за «Прогресс» людей включить необычный груз в строго регламентированную ношу космического грузовика.

В Кемерове, из обкома была дана команда. Свеженькая, только что из тайги, отборная колба была упакована в коробки. Доверенный человек помчался в аэропорт. В тот же день посылка была доставлена на космодром.

Тем временем Леонов «обрабатывал» ответственных за «Прогресс» людей. Они – ни в какую! Всё уже выверено, каждый грамм на учёте! И всё же огромный авторитет нашего космонавта, его личное обаяние сделали своё дело. Ответственные люди чего-то посчитали, чего-то там отбавили, и дезинфицированная, прошедшая особый контроль, упаковка с ароматным таёжным грузом полетела на орбиту.

– Когда «Прогресс» пристыковался к остальной станции и был разгружен, надо было видеть, – рассказывал Алексей Архипович, – довольные лица наших ребят на орбите: они смачно откусывали колбу и показывали при этом большой палец:

– Вот это еда! Спасибо, Алексей!

Геннадий МИТЯКИН

ЦАРЬ-ИГРА

Матч катился к финальному свистку, а гола все нет. Его нет потому, что он очень, крайне, позарез необходим, так всегда бывает, и не только в футболе, в этом все дело, но об этом после. Сейчас нужен гол.

Наши давят изо всех сил, но видно, что из этого ничего не получится, ЭТО будет – если только будет – как-то по другому... Но не сейчас же, голом и не пахнет – мяч всего-навсего выскочил из штрафной площадки гостей и катится к середине поля, а ему навстречу бежит Паша. Они встречаются, мяч и Паша, метрах в двадцати, ну никак не менее, от линии штрафной томищей; Паша с лета шарашит прямым подъемом по встречному мячу – и тут-то Эдик, друган, знаток футбола, сам когда-то игравший за юношескую сборную России, сказал как-то не по моменту задумчиво: «Сейчас будет...»

К этой удивительной игре я приобщился в далекие-предалекие послевоенные годы. Тогда, только подсохнет чуть-чуть после схода снега, «буцали» мы мяч на любой условно ровной площадке. Собственно, и мяча-то как такового поначалу не было – гоняли «пук», перевязанный веревкой комок тряпья или жестяную банку из-под американских консервов. Мячи, которые появились позднее, состояли из клеенчатого или кирзового кожуха и вложенной в него резиновой камеры,

имеющей форму пирожка, с приделанным к ней резиновым соском, через который камера накачивалась с помощью велосипедного насоса (а первый в нашем шахтерском поселке силач, Федя Карташов, запросто надувал мяч до нужной упругости ртом).

Проколоть мяч было большой потерей, резинового клея не достать. Поступали так. Через сосок в камеру проталкивали вишневую косточку или шарик из подшипника, прилаживали ее точно в месте прокола, один ущипывал сверху обрезиненный комочек, а другой обвязывал его снизу крепкой ниткой. Камера после этого работала и не сдувалась.

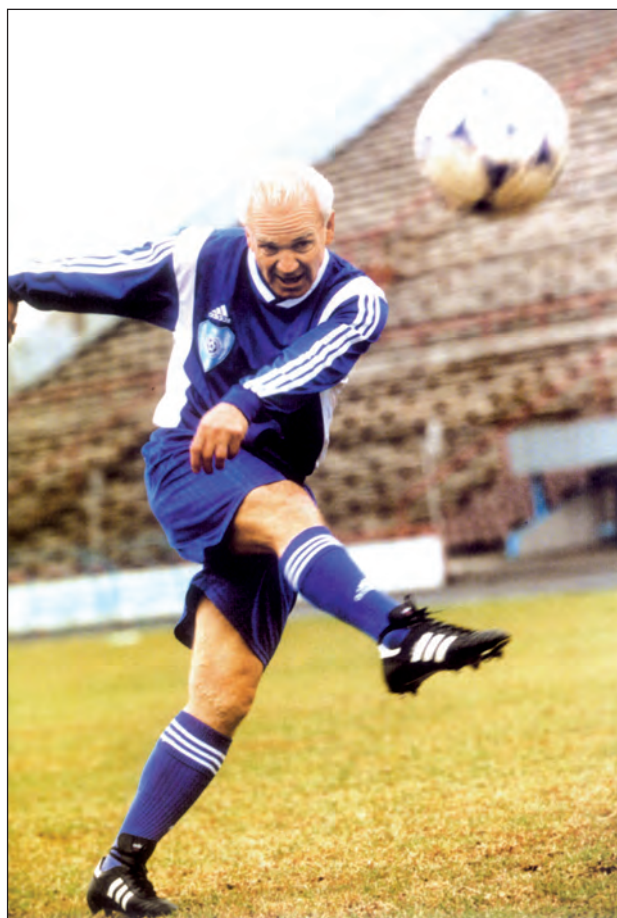
Скоро в игру втянулись взрослые, появились шахтовые команды (я родился в Донбассе), быстро дело дошло до первенства района, области. Футбол стал частью жизни, скудного послевоенного быта, он манил, будоражил, обрастал легендами. Рассказывали, что в некоей команде в воротах стояла обезьяна, так ей весь сезон не могли забить ни одного гола, все мячи брала. И только на следующий год обезьяна-вратарь пропустила-таки гол, расставшись при этом и с жизнью: один знаменитый форвард, он потом в сборной страны играл, пробил так сильно, что мяч, угодив бедному животному в голову, влетел вместе с ним, уже убитым, в ворота. Порази-

тельно, но эта легенда живет до сих пор, только имя форварда-убийцы меняется.

Настоящий большой футбол я познал в Киеве, в студенческие годы. Первая увиденная мной игра была международной: киевское «Динамо» принимало бельгийский «Андерлехт». Уже тогда за киевлян выступали такие знаменитые игроки, как вратарь Идзковский, защитники Голубев и Грамматикопуло, полузащитник Юст, нападающие Коман и Фомин, который и забил в том матче единственный гол на последней минуте, пробив слева низом под очень острым углом. Вообще, в Киеве я перевидал множество великих матчей и игроков: Лобановского, Месхи, Метревели, Иванова, Стрельцова... Но и сейчас, закрыв глаза, вижу тот первый матч, так он поразил меня своей сказочностью: освещенный прожекторами зеленый газон поля, непрерывные вспышки от прикуривания сигарет на темных трибунах, восторженный рев шестидесятитысячного стадиона и ощущение полного единения – да нет, братства, – с сидящими на трибунах.

...Если бы велась рапидная съемка этого эпизода, стало бы видно потом, при просмотре в замедленном плавающем ритме, как правая Паши, ее чугунный прямой подъем, встречает подлетающий мяч, как он, теряя свою шаровидную форму, облегает бутсу и становится похожим на боксерскую перчатку, как затем снова начинает округляться, отрывается от бутсы и летит теперь уже в противоположном направлении – к воротам гостей. Неужели? Да нет, нереально, ведь метров сорок, не меньше...

В чем феномен этой игры? В чем причина того, что в один из дней недели вполне нормальный, без видимых отклонений, даже заурядный по жизни гражданин вдруг приходит в необъяснимое для окружающих

Виталий Раздаев

волнение, весь день не находит себе места, отвечает на вопросы невпопад и все время смотрит на часы? Причина эта – футбол: сегодня вечером «наши» играют с очередным календарным соперником.

Я так думаю, что футбол именно потому так заразительно популярен, что он – игра. При этом нужно разуть игру в широком смысле слова, включив сюда не только спортивные ристалища, но и, скажем, театр, литературу, искусство вообще как способ моделирования жизни. Если мы примем это за факт, то футбол, несомненно, моделирует воинское сражение – ситуацию возбуждающую, адреналиновую, в чем и кроется секрет его притягательности. В пользу такого предположения го-

ворит множество доводов. Прежде всего, футбольные болельщики на 95 процентов – мужчины. Терминология игры прямо-таки взята из воинских уставов, она сплошь батальная: «наши», «противник», «оборона», «атака», «поражение», «победа»... И еще одно. Как и на войне, футбол способен объединять людей, спланировать их во имя единой и желанной цели. Это – взрослая игра «в войнушку». Одним, слабохарактерным и анемичным, футбол, как допинг, повышает тонус, румянит бледные щеки. Других – утверждает в своем превосходстве над оппонентом, противником (представителем другого образа мыслей, национальности, вероисповедания). Это наглядно проявляется в бесчинствах фанов, как европейских, так и наших. Да и мудро ли? Еще 60 лет назад весь советский народ с упоением распевал знаменитую «футбольную» песенку:

*Эй, вратарь, готовься к бою!
Часовым ты поставлен у ворот.
Ты представь, что за тобою
Полоса пограничная идет!*

...Знаете, это было похоже на полет стелящейся над землей, невидимой для радаров, крылатой ракеты, огибающей все препятствия. На пути летящего мяча с полдюжины игроков, это хорошо видно в замедленном просмотре, но никто даже не рыпается, словно не видит беды. Никто не верит! А беда приближается, мяч минует штрафную площадку, вратарскую, загипнотизированный, как и все, голкипер наконец бросается к правой штанге – поздно. Мяч влетает аккурат в «шестерку», это впрыток к боковой стойке, на уровне ее середины. Еще люфт – пауза – и оцепеневшая тишина стадиона взрывается восторженным ревом, который слышно, наверное, и в Топках. Г-о-о-о-л!

У футбола есть еще одна функция. Он – визитная карточка страны, которую представляет. Посмотрите, как играют англичане, итальянцы, французы, голландцы. Действия команд разумны, согласованны, мастерство игроков совершенно, воля к победе огромна... Не правда ли, именно такой нам представляется жизнь народов этих стран? А вот наш, российский чемпионат. На поле две лучшие наши команды, за игрой следит новый тренер сборной по футболу, который, конечно, присматривает кандидатов. И что же? А ничего. Играют, ну совсем как наши власти реформу ЖКХ проводят: то же непонимание ситуации, то же безразличие, уйма брака, в котором гаснут искорки здравого смысла... Нет, как хотите, а я нашим отсутствием на последнем чемпионате мира не опечален. К чему плодить разочарование? С меня и наших комментаторов, передававших репортажи из Германии на «русском» языке, предостаточно, чего стоят их «зацепился за мяч», «отбив мяча», «обезмячили»... Тоже ведь визитная карточка – и нашего футбола, и нашей культуры, и наших порядков, наконец: взяли-то в Германию не самых талантливых, критичных и честных комментаторов, а словоблудов и угодников. Так теперь у нас повсюду, не только в футболе.

Теперь за нашу сборную взялись круто. Наняли зарубежного тренера за баснословную зарплату, учинили перестановки в футбольном руководстве. Думаю, не постоят и за большим, ведь речь идет о встраивании футбола в систему мер по приданию России имиджа великой державы! Неструктурированная экономика, низкий жизненный уровень населения, эмбриональное гражданское самосознание – это еще как-то можно затушевать, заболтать, чуть ли не в преимущество превратить, мы это умеем. А вот футбол – он у всех на виду, и если нам

отвешивают семь (!) штук в Португалии – об этом и в Антананариву знают, не говоря уж о Париже и Лондоне. В общем, суматоха большая, только вот... Футбол – он действительно является слепком страны, которой принадлежит, в нем ее зрелость, разум, воля к действию. Пришло ли наше время? Готовы ли мы на глазах у Европы, всего мира сыграть так, как это делают англичане, французы, скандинавы? Это я уже, сами понимаете, не только о футболе.

...Был поздний октябрьский вечер 1972 года. Над «Химиком» сеялась подсвеченная прожекторами осенняя морось, и никто не расходился, нужно было опомниться, прийти в себя, сообща увериться, что в следующем году «Кузбасс» будет играть в первой лиге чемпионата СССР. Мы будем обожать, на руках носить Виталия Раздаева – нашего Марадону, который станет лучшим бомбардиром лиги; умницу и стратега Виктора

Шеля, конструктора атак команды; того же Пашу – Володю Пашиковского, который обладал не только феноменальным ударом, но и первым в стране начал вбрасывать мяч из-за боковой прямо в штрафную площадку соперника. Будет сенсационно крупная победа над «Спартак» в Москве и обидное поражение в домашнем кубковом матче против киевского «Динамо»; будут другие незабываемые взлеты и падения. Но это потом, а сейчас мы празднуем победу! Мы гуляем по улицам, заполненным ликующим людом. Мы запросто, как будто сто лет знакомы, общаемся, шутим, чокаемся с людьми, которых первый раз в глаза видим. Эдик, красавец, бретер и повеса, отметивший вчера свое сорокалетие, протягивает стаканчик «Агдама» мелькающим в толпе девушкам. Те выжидательно отказываются, а Эдик счастливо сокрушается: «Совсем перестали бояться!»

– О, ФУТБОЛ, ТЫ – ЖИЗНЬ!

Владимир СУХАЦКИЙ,
журналист

О КОНЦЕПЦИИ «ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЛОЩАДКИ»

Каждый год 12 июня кемеровчане отмечают День города. Этот праздник стал для горожан самым любимым и желанным. Прежние политические памятные даты, например, 7 Ноября и 1 Мая, почти забыты, а День города, напротив, приобрел общественное значение и признание.

Как правило, организаторы городского праздника предлагают разнообразную и интересную программу. Художественные выставки, концерты, развлекательные шоу, спортивные состязания. Но при всем своем разнообразии эти мероприятия порой повторяются из года в год. В прошлом году студенты-актеры показывали шоу с самурайскими мечами, в этом – со шагами.

В 2008 году Кемерово отмечает свое 90-летие. И вполне понятно желание Администрации города привнести в программу мероприятий что-то новое, яркое, запоминающееся.

Идея, которая легла в основу концепции «Исторические площадки», достаточно проста.

90 лет – это 9 десятилетий. Это 9 концертных площадок, на которых пройдут тематические представления, посвященные каждому десятилетию.

Определились следующие исторические площадки:

- с 1918 по 1928 год «Встречай, Сибирь, наш город молодой!» (Парк Чудес);
- с 1928 по 1938 год «Стахановская вахта» (площадь Пушкина);
- с 1938 по 1948 год «Когда страна прикажет быть героем» (Парк им. Г. К. Жукова);
- с 1948 по 1958 год «Вставал над Томью город» (стадион «Химик»);
- с 1958 по 1968 год «Театральный расцвет» (площадь у Музыкального театра);

– с 1968 по 1978 год «Большая жизнь» (площадь у Драматического театра);

– с 1978 по 1988 год «Живи, мой город, многие лета!» (площадь у филармонии);

– с 1988 по 1998 год «Мы о тебе хотим сказать, любимый город!» (площадь у театра для детей и молодежи);

– с 1998 по 2008 год «Город, устремленный в будущее» (площадь Советов).

Чем же отличается историческая площадка от обычной концертной?

Прежде всего – содержанием. Здесь все – и музыка, и танцы, и костюмы, и оформление сцены, и даже торговые прилавки нацелены на то, чтобы передать дух того времени, о котором рассказывает площадка.

Например, вполне уместно включить в концертную программу, посвященную 60-м годам прошлого века арии из оперетт в исполнении артистов Музыкального театра. Многие горожане помнят блистательные выступления Н. Л. Коносевиц, А. К. Боброва. В то время в городе наблюдался настоящий театральный бум. Ежегодно полмиллиона зрителей посещали кемеровские театры.

А эстрада 60-х? «Черный кот», «Где-то на белом свете», твист, шейк... Показ моделей одежды 1966 года... Уличные автоматы с газировкой...

Или обратимся к 30-м годам. «Стахановская вахта». Много кумача и транспарантов с лозунгами первых пятилеток: «Догнать и перегнать!», «Даешь коксострой!», «Молодого рабочего обучим и поднимем!». Выступление физкультурников. Популярные «пирамиды». Песни «Здравствуй, страна героев», «Загудели, заиграли провода», «Прокати нас, Петруша, на

тракторе». Все это создает определенный эмоциональный фон, который настраивает зрителя на восприятие эпохи.

Ничего не мешает уличной торговле продавать на такой площадке семечки не в пакетиках, а в газетных кулечках. Просто по желанию покупателя продавец пересыпает семечки в кулек.

Другая составляющая ретро-концерта – информационная. Конферанс типа: «А сейчас на сцене выступит...» уже никого не устраивает. Зритель вправе рассчитывать на большее. Историческая площадка дает прекрасную возможность познакомить горожан с наиболее яркими, порой малоизвестными событиями из жизни города.

Например, почему бы между концертными номерами не вставить рассказ о том, как выбирали имя городу. Известно, что одна часть жителей хотела переименовать Щегловск в «Краснохимск», другая – в «Углеград», а некоторые люди настаивали на том, чтобы город назывался «Революция». Интересно, если бы власти приняли последнее предложение, то мы именовали бы себя «революционерами»?

Мало кто знает, что в 1943 году на деньги, собранные актерами драмтеатра, был изготовлен самолет, получивший название «Кемеровский артист», а огромное здание Дворца Труда кемеровчане построили всего за полгода. В свое время здесь находились и филармония, и краеведческий музей, и даже эвакуированный завод.

Подобных фактов, исторически значимых, просто любопытных, иногда курьезных – множество. Надо только умело вплести их в канву концерта и тогда представление станет интересным и познавательным. Вот только упаси боже превратить ретро-концерт в лекторий.

И наконец, еще один компонент исторической площадки – это участие людей в представлениях. Можно пригласить зрителей поучаствовать в конкурсе частушек, а можно устроить шоу-викторину «1978 год. Сколько стоит булка хлеба, бутылка молока, пачка сигарет и т. п.?». Почему бы не обратиться к горожанам с просьбой прийти на исторические площадки в

одежде, которая была модной в прежние годы. Крепленовые платья и пиджаки. Брюки-клеш. Стройотрядовские куртки... Наверняка было бы интересно увидеть работу парикмахеров, занятых созданием популярных дамских причесок прошлых лет.

И еще об одном атрибуте. Всякий раз во время городских празднований торговые компании раздают рекламные листовки. Но достаточно внести лишь небольшой штрих в дизайн этой продукции, и горожанин получит на память интересный сувенир. Например, на одной стороне листовки, рекламирующей скидки в продовольственных магазинах, можно напечатать копию продуктовых талонов конца 80-х.

Рядом с концертными площадками проходят многочисленные выставки различных предприятий и организаций города. Здесь кемеровчане могут получить дополнительную информацию не только исторического, но и практического характера. Речь идет о медицинских консультациях, о новых вакансиях на бирже труда и т. п.

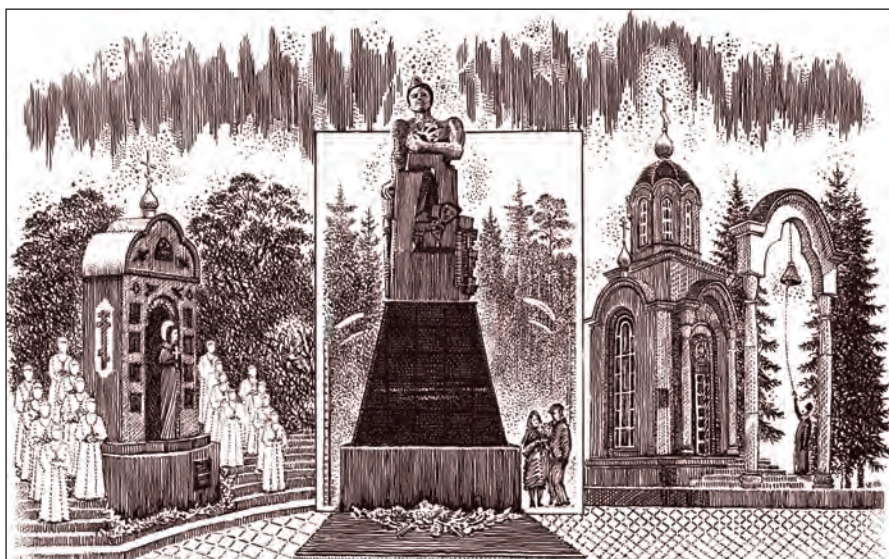
Безусловно, проведение такого масштабного мероприятия невозможно без предварительного информирования горожан через средства массовой информации и с помощью уличной рекламы.

Располагая схемой исторических площадок, горожане легко найдут то место, где будет проводиться концерт, посвященный тому или иному периоду. Перед каждым входом на площадку установлена специальная арка с обозначением десятилетия.

Концепция проведения Дня города предполагает, что все исторические площадки находятся в центре Кеменова. Практика показывает: несмотря на то, что в других районах тоже проводятся праздничные мероприятия, люди едут на площадь Советов, в Парк Чудес, к «Антошке», в Парк им. Г. К. Жукова. Сосредоточение всех тематических концертов в одном районе позволяет каждому зрителю побывать в течение дня на каждой площадке и таким образом совершить необычное путешествие в прошлое родного города.

Василий КРАВЧУК:

«Я рисую город»

СОДЕРЖАНИЕ

А. Г. ТУЛЕЕВ. «Своя строка в истории»	3
В. В. МИХАЙЛОВ. Речь при вступлении в должность главы города	5
Геннадий ЮРОВ. Заповедное пространство	11
И. Ю. УСКОВ. Рождение города: строкой документа	20
Ровесник города. К 90-летию поэта В. Д. Федорова	34
Василий ФЕДОРОВ. Проданная Венера. Поэма	37
Вера ЛАЩЕВСКАЯ. Библиотека для всех, но и для каждого	44
Анатолий ЛОПАТИН. Новая книга о городе	61
Х. А. ИСХАКОВ. Память о летописце Кемерово	62
Петр ЛАВЛИНСКИЙ. Командиры угольного фронта	64
Ю. И. ДЬЯКОВ. Шахтеры	82
Юрий СКУДАРНОВ. Семья Перовых	101
След на земле. Рассказывают участники «Землячества Кемеровской области» в Москве	108
Виктор БАЯНОВ. Машинист Иван Петрович. Поэма	134
Георгий ГОЛОВАЦКИЙ. Воспоминание о паровозе	137
Федор ЯГУНОВ. Девятая пятница	142
Анатолий ЛОПАТИН. Мифы и действительность	146
Сергей СЕРГЕЕВ. Реквием по исчезнувшим улицам	154
Виктор АРНАУТОВ. Наставники	164
Н. М. ШЕМАРОВ. Слово о друге	172
Из альбома художника Н. М. Шемарова	175
Геннадий ЮРОВ. Как песня рождалась	177
Федор ЯГУНОВ. Колба на орбите	185
Геннадий МИТЯКИН. Царь-игра	187
Владимир СУХАЦКИЙ. О концепции «Исторические площадки»	191
Василий КРАВЧУК. «Я рисую город»	193

В девятом выпуске альманаха использованы фотографии Ю. Сергеева, Д. Сергеева, Ф. Баранова, П. Мельникова, пресс-службы Администрации Кемеровской области, а также работы художников В. Селиванова, Н. Верткова, Г. Захарова, Н. Шемарова, А. Ротовского, Н. Кофанова, В. Кравчука, А. Хмелевского.

Литературно-художественное издание

КРАСНАЯ ГОРКА

Редактор **В. А. Шамарданов**

Технический редактор **В. И. Труханова**

Компьютерная верстка **М. Л. Костомаровой**

Корректоры: **В. И. Труханова, Т. В. Тулупова**

Подписано к печати 29.05.2008. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,8. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 356

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48